Дж. КОУЛЬ

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Дж. КОУЛЬ · БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

МВ

Блуждающая звезда (сборник рассказов)

Джонс Коуль

РАССКАЗЫ
ЛОВУШКА ДЛЯ КОСМИЧЕСКОГО НЕГОДЯЯ
БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА
ЧЕЛОВЕК БЫЛ...
ВЫБОР МАКГРОУНА
АНГЕЛ
ОРФЕЙ ОБЕРНЕТСЯ
ПОЖЕЛАНИЕ СМЕРТИ
ФОНАРЩИК
ДЕВУШКА СИНЕГО ЛЕСА
НЕВЕРОЯТНАЯ И ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О КУРИЦЕ И ЯЙЦЕ

РАССКАЗЫ

ЛОВУШКА ДЛЯ КОСМИЧЕСКОГО НЕГОДЯЯ

Тан О’Брайен — это имя было известно каждому обитателю Пацифиса.

Тан О’Брайен — свирепый волк!

Тан О’Брайен — рыжая акула!

Тан О’Брайен — сеющий смерть!

Тан О’Брайен — безжалостный монстр!

Тан О’Брайен — самый большой мерзавец, какого только знал мир!

Тан О’Брайен — чудовище в облике человека! — Подобными эпитетами пестрели выпуски Галактических новостей.

Тан О’Брайен — преступник № 1. — Так считали межгалактические хранители.

Тан О’Брайен — исчадие ада! — Убогий слог отцов–методистов.

И, наконец, венцом всему стали слова Великого Президента, заявившего во всеуслышанье после одного из наиболее громких дел Тана:

— Тан О’Брайен — Космический негодяй!

Это прозвище прилипло к нему, стало его визитной карточкой. Теперь, приближаясь к

прогулочной яхте или космогрузу, он просто объявлял:

— Говорит Тан О'Брайен, Космический Негодяй! Ребята, выкладывайте бабки!

Обычно этого вполне хватало, а если клиент пытался упорствовать в своем нежелании расставаться с деньгами, Тан О'Брайен ласково сообщал, что у него, кажется, начинается приступ лихорадки, а так как его руки лежат на гашетке лазерных пушек, то неизвестно, чем все это может закончиться.

Подобный метод действовал безотказно. Клиент отстегивал обозначенную сумму, и космический грабитель растворялся в звездном калейдоскопе. А вскоре все пятнадцать миллиардов обитателей Пацифиса имели счастье лицезреть на экранах своих сферовизоров отвратительно ухмыляющуюся физиономию и с трепетом внимали гневному рассказу диктора об очередном злодеянии Космического Негодяя…

Тан О'Брайен широко зевнул и отвернулся от мигающего экрана, исполнявшего в сей миг роль зеркала. Только отражение несколько отличалось от оригинала. Тан О'Брайен, заключенный в рамке сферовизора, был крив, небрит и мерзок. От него разило пороком и жестокостью, а

его волосы испускали неестественно–кровавое сияние. Лицо Тана О'Брайена, что сидел в кресле пилота, было вполне нормальным, быть может, не очень добрым, но далеко не таким зловещим, как у двойника. Даже самый внимательный наблюдатель не смог бы разглядеть на поросших рыжей щетиной щеках пятна крови, которой, как уверяли, Тан О'Брайен по обыкновению умывается по утрам. Обычное лицо обычного человека. Самого обычного, если не принимать во внимание того обстоятельства, что на совести Тана О'Брайена было столько злодеяний, сколько хватило б на банду самых отчаянных головорезов. Тан О'Брайен был ужасным человеком и закоренелым негодяем. Он был негодяем по совести, склонностям и призванию. Он был рожден, чтобы стать негодяем. Мир не знал существа, более омерзительного и порочного. Тан был королем злодеяний. Он останавливал и грабил корабли, разорял колонии и космобазы, захватывал заложников, брал выкупы с городов. Он был жаден, безжалостен и свиреп. Если жертва отваживалась сопротивляться, Космический Негодяй действовал беспощадно. Не раз и не два он расстреливал корабли, пытавшиеся избежать грабежа. На его совести был патрульный катер,

подло уничтоженный из засады. Поговаривали, что истребление колонистов на Мирмилоне тоже дело рук Тана О'Брайена. Прибавьте сюда сотни обесчещенных, искалеченных, заболевших психическими расстройствами, разоренных и униженных — это далеко не полный перечень жертв Космического Негодяя. Подобно мифическому Жилю де Ре он убивал младенцев, подобно Джеку Потрошителю вспарывал животы непорочным девицам, подобно жестокому тирану Мена Глуссу забавлялся, погружая неуплативших своевременно выкуп пленников в расплавленный свинец. Он был настоящим чудовищем и, что самое ужасное, вполне сознавал это. Он…

Тан О'Брайен зевнул еще раз. Популярность наскучила ему, словно капризной поп–звезде, не знающей, как укрыться от своих поклонников. К тому же Тан чувствовал себя немного утомленным. Только что он совершил одно из самых дерзких преступлений в своей карьере. Преступление–шедевр! Тан ограбил банк Гьерры, второй по величине в Системе. Добыча оказалась не слишком большой, да Тан и не рассчитывал на это. Он был прекрасно осведомлен, что при первом сигнале опасности резервный запас денег и все золото будут немедленно телепортированы

в сейфы Космофорта. Главное, дело вышло необычайно эффектным. Двадцать тысяч хранителей, звездная гвардия, военно–космические силы в бессильной ярости наблюдали за тем, как погрузчик выводит на орбиту контейнеры со звонкой монетой. Как же у них чесались руки нажать на гашетку и разом покончить с мерзавцем Таном О'Брайеном! Но Космический Негодяй заранее позаботился о том, чтобы застраховать свою шкуру. Несколькими днями ранее он захватил яхту с развлекающейся парочкой. Спутницей молодого человека — красавец, атлет, он спрятался в утилизаторе, узнав, что яхта взята на абордаж Космическим Негодяем — оказалась не кто иная, как Вероника, дочь Первого Стратега Гьерры. Имея такую заложницу, можно было провернуть любую операцию. Тан моментально воспользовался подарком судьбы, ограбив банк Гьерры. Затем была двухдневная погоня, и шериф Люне, охотник за Таном, как он себя величал, вкрадчиво уговаривал Космического Негодяя отпустить девушку и сдаться властям. Тан О'Брайен мило беседовал с шерифом, с улыбкой сообщая подробности прежних преступлений. На третий день он завел преследователей в пояс астероидов и исчез. Прекрасную Веронику Тан выбросил,

предварительно обесчестив, без скафандра в открытый космос. Сатана должен идти впереди своей славы!

Все эти приключения утомили Космического Негодяя. Он нуждался в отдыхе. Убедившись, что погоня потеряла его след, Тан развернул свой рейдер к оранжевой звезде Солл, поблизости от которой, в чреве карликовой планетки, была устроена тайная база, нора Космического Негодяя. Перед тем, как окончательно оторваться от преследовавших его хранителей, Тан имел содержательный разговор с шерифом Люне.

— Ты большой негодяй, Тан! — сказал шериф.

— Знаю, — не стал спорить Тан.

— Зачем ты убил девушку? — В голосе шерифа звучало непритворное возмущение.

— Потому что я Негодяй, — невозмутимо поведал Тан.

— Сдайся и можешь рассчитывать на снисхождение, — посулил шериф.

— Скостишь пару лет? — захохотал Тан, прекрасно осведомленный, что срок заключения, ожидающий его в случае поимки, равен пятидесяти четырем тысячам ста сорока девяти годам, не считая новой прибавки за последние три преступления.

— Ты очистишь свою совесть, Тан, — продолжал гнуть свое шериф.

— Отвяжись! — лениво велел Тан и с ухмылкой пообещал: — В следующий раз я побалуюсь совсем невинной девочкой.

— Негодяй, я поймаю тебя! — теряя самообладание, завизжал шериф,

— В этом твой долг, — сдерживая смех, с нравоучительной издевкой сообщил Тан.

— Знай, Тан О'Брайен, ты совершил свое последнее преступление! Скоро ты будешь пойман и предстанешь перед судом! — торжественно провозгласил шериф.

— Ты успокоил меня, — ответствовал Тан и оборвал разговор.

Его рейдер входил в пределы параболического кольца, включавшего в себя среди прочих и созвездие звезды Солл. Здесь Тан всегда умолкал, дабы не дать хранителям возможность засечь примерные координаты его базы. Вряд ли кто понимал это, но для того, чтобы заслужить почетное прозвище Космического Негодяя, мало было решимости без колебания пролить кровь. Требовалось научиться думать, не просто думать, а быть умнее сотен тысяч людей, которые денно и нощно охотятся за тобой. Вряд ли кто понимал

это…

Сверкающая стрела рейдера пронизывала пустоту, лишенная связи и астропеленгации. Последнее было перестраховкой — область параболического кольца абсолютно лишена жизни. Здесь есть планеты, пригодные для существования человека, но едва ли найдется такой безумец, что отважится поселиться на самом краю Вселенной, где бушуют космические смерчи и вспыхивают сверхновые. В этом районе не было ни поселений, ни разведочных станций, ни даже вездесущих искателей приключений и легкой поживы. Лишь патрульные крейсера хранителей время от времени пронизывали разноцветные гирлянды звезд в поисках немногочисленных, прячущихся от справедливого возмездия, отщепенцев, первым из которых считался, вне всякого сомнения, Космический Негодяй Тан О'Брайен.

Робот–стюард, уродливый субъект с кубообразным телом и стальными манипуляторами, принес кофе. Тан принял бокал с трепетом тайного сластолюбца. Вопреки слухам, он ненавидел виски, но обожал кофе. Тан очень много делал вопреки. Зажмурившись, словно сытый кот, он принялся пить обжигающее варево. Его окружала стерильная тишина, наполненная лишь

беззвучным перешептыванием звезд. Беззвучное перешептывание — скажете, нонсенс? Наверно, но Тан точно знал, что звезды перешептываются, сообщая друг другу свежие сплетни. Тан ощущал их голоса — тонкие и смешливые у оранжевых, задиристые у сверхновых, усталые у засыпающих. Он жалел этих, последних. Закономерно и естественно, когда умирает человек, столь слабый и несовершенный, но как же страшно, когда засыпает звезда, прекрасный цветок, достойный жить вечно. Тану приходилось видеть заснувшие звезды, однако он никогда не приближался к ним. Заснувшая звезда теряет свое естество. Она становится злобной и коварной, затягивая неосторожно приблизившихся гостей в свои хладные путы. Тан знал это, ему довелось быть свидетелем подобной смерти.

Рейдер мягко изменил курс, ложась на новую траекторию. Тан поставил пустую чашку и сладко потянулся. Тело наполнилось приятной истомой, расслабленный мозг блаженствовал. Тан представил, как славно проведет время на родной планетке, купаясь в волнах карликового моря и нежась в ласковых лучах звезды Солл. А ночами он будет любоваться спрятавшимися за панцирем атмосферы, неестественно далекими

звездами. Ведь порой становится так утомительно ощущать близкое присутствие раскаленных светил.

— Мэйдей! Мэйдей!

Тан рывком привстал из кресла. Кто–то взывал о помощи. Вырывающийся из динамиков голосок был слаб и беззащитен.

— Мэйдей! Мэйдей! — тоненько, словно крохотная птичка.

Тан О'Брайен ухмыльнулся. Дешевый трюк! У хранителей всегда было туговато с фантазией. Он не клюнет на приманку. Тан попрочнее обосновался в кресле и вызвал стюарда.

— Еще кофе!

Мигая, перешептывались звезды, только теперь в их неслышный говорок врезался детский испуганный голос.

— Мэйдей! Мэйдей! — И совсем тихо, на выдохе: — Помогите, пожалуйста…

Быть может, Тана проняло это «пожалуйста», быть может, близость долгожданного отдыха расслабила его жестокую волю, но он вдруг сделал то, чего не должен был делать — Тан включил пеленгаторы.

Крик шел с маленькой планетки у желтой звезды. Однажды, давно, Тану О'Брайену довелось

побывать здесь. Он обшаривал параболическое кольцо, ища укромный уголок. В числе прочих Тан осмотрел и эту безымянную планетку. Она была так себе, бывают и лучше. Вполне пригодная для жизни, но тусклая и неуютная. Мало солнца, зато в переизбытке влаги; душный липкий воздух, густой туман, обилие слизней, уродливых насекомых, пресмыкающихся и прочей нечисти. Хорошее место для ссылки, но не для уютного гнездышка. И кому только пришло в голову высадиться на ней?!

Коснувшись пальцем клавиши, Тан выключил пеленгатор. Его могли засечь, а это создало б лишние и ненужные трудности. В рубку вкатился стюард, бережно сжимавший манипуляторами поднос. Тан взял серебряный, оправленный в термоизолирующую оболочку бокал и подул на дымящуюся жидкость.

— Мэйдей! Мэйдей! Помогите! Помогите хоть кто–нибудь!

Тан дул на кофе, пристально разглядывая мечущиеся над черной поверхностью облачка пара. От голоса исходил непритворный страх. Кому–то было очень страшно. Тан невольно представил себе эту бездну ужаса, во власти которого находилось слабое, оторванное от мира существо. В низу

живота родился рой холодных колких иголочек. Разделившись надвое, иголочки скользнули по ногам и несколько раз ощутимо кольнули в ступни. Тан мрачно усмехнулся. Страх? Подобного с ним не случалось уже много лет. Чей–то, чужой страх. Он отхлебнул кофе, и тот показался отвратительно кислым, словно в него сыпанули хинина. Тан едва не сплюнул.

Голосок продолжал настаивать:

— Мэйдей! Помогите! Отзовитесь, кто–нибудь! — И, наконец, с большой заминкой, словно с трудом находя в себе силы признаться: — Мне страшно…

И Тан не выдержал. Будь что будет! В конце концов, с чего это вдруг хранители непременно должны прощупывать именно этот район? И страх! Этот страх! Тана передернуло. Он включил связь и, кашлянув, проговорил:

— Внимание, слышу ваш сигнал. Что случилось?

С мгновение было тихо. Должно быть, голосок уже потерял надежду быть услышанным и внезапный ответ ошеломил его. Затем он очнулся и закричал:

— Помогите! Мы потерпели аварию! Здесь…

— Кто мы? — жестко перебил Тан.

— Папа, дядя Алрон и я.

— Кто ты?

— Я, Касси… — Голос осекся, после чего смущенно, хотя и не без доли жеманства, поправился: — То есть Кассиопея.

Тан усмехнулся — ну и имечко! Ему вдруг захотелось прервать разговор и забыть обо всем. Но он почему–то не сделал этого.

— Сколько тебе лет, Кассиопея?

Прежде чем ответить, голосок помедлил, должно быть, озадаченный, а может быть, и слегка обиженный подобным вопросом.

— Одиннадцать.

Тан машинально, не отдавая себе отчета в том, что делает, покачал головой.

— А где же твои папа и дядя?

Из динамиков донесся характерный звук, словно Кассиопея шмыгнула носом, после чего последовал ответ:

— Они ушли в лес и не вернулись.

Голосок звучал сдавленно. Тан понял, что девочка с трудом удерживается от того, чтобы не разрыдаться.

Идиотская, более того — мерзкая ситуация. Лес на безымянной планетке был далеко не самым лучшим местом для прогулок. С родными девоч-

ки могло случиться что угодно.

Тан замолчал, размышляя, и это молчание испугало голосок.

— Почему ты ничего не говоришь? Ответь! Не молчи, пожалуйста! — Из динамиков донеслись всхлипывания.

Ничто так не раздражало Тана, как слезы.

— Не плачь! — приказал он грубым тоном. — Я думаю, смогу ли помочь тебе.

— А разве можно поступить иначе? — высушив слезы, тут же отреагировал голосок.

— Можно, — ответил Тан. — Я спешу. Я очень спешу.

Он не хотел ни вдаваться в более подробные объяснения, ни тем более объявлять свое имя. Это было бы глупо. Тан все сильнее жалел, что ввязался в эту историю. Еще можно было положить ей конец, просто оборвав разговор, но Тан знал, что не сможет так поступить.

Еще мгновение назад он не был уверен в этом, но за это мгновение голосок произнес фразу, от которой что–то оборвалось в груди Тана.

— Помоги мне, **пожалуйста**! — Она здорово говорила свое «пожалуйста», эта плачущая девчонка. С такой надеждой и беззащитностью, что Тан понял, он не сможет отключить передатчик

и позабыть об этом разговоре.

— Хорошо, — сказал он, удивляясь самому себе. — Я вытащу тебя. Дай точный пеленг.

Тан почти физически ощутил, как обрадовалась девочка. Так радуется приговоренный к смерти, когда ему объявляют, что палач болен и нужно подождать пару дней, пока ему не станет лучше.

— Сейчас, сейчас… — После краткого оживления в голоске появилась растерянность. — Я… не знаю, как дать этот самый пеленг.

— Около режекторной панели есть ряд из пяти красных кнопок. Надо…

— Я не знаю, где режекторная панель.

Тан О'Брайен беззвучно выругался.

— Ну хорошо. Ничего не трогай. Я попытаюсь найти тебя и так. Только нужно, чтобы ты постоянно что–нибудь говорила. Я буду искать тебя по голосу.

— А что я должна говорить?

Тан почувствовал нешуточное раздражение.

— Что хочешь. Рассказывай о себе, о своем папаше, о бабушке, о той дерьмовой планетке, на которую тебя занесло, о звездах, лужах, облаках… Давай, не молчи! — велел он, включая пеленгаторы на полную мощь.

— Я буду петь, — решил голосок.

— Хорошо, пой. — Тан кисло скривился. — Только не переставая.

И девочка запела. Тоненький голосок ее ломался, словно туго натянутая струна, но пела она удивительно хорошо. До того хорошо… — Тан попытался ухмыльнуться, но внезапно обнаружил, что у него в горле образовался комок.

— Дерьмо! — выругался он, сглатывая.

Рейдер уже изменил курс и летел к мерзкой планетке, на которой Тану, если разобраться, было нечего делать. Тан О'Брайен, не шевелясь, сидел в кресле и слушал незатейливую песню. Вот она закончилась, и девочка тут же начала новую — о доме и теплых розовых яблоках. По щеке Тана катилась крохотная слезинка, и он не делал ничего, чтобы избавиться от нее.. Как же хорошо она пела!

— Ну хватит!

Тан ударил по клавише двигателей, заставляя их реверсировать ход. Корабль взбрыкнул, словно необъезженная лошадь, и, задрожав, повис в пустоте.

— Хватит этих глупостей! — негромко пробормотал Тан себе под нос. — Сейчас же домой! Домой!

Он не сказал вслух ни слова, но девочка будто

почувствовала перемену в настроении своего спасителя и оборвала песню.

— Ты летишь ко мне? — спросил голосок.

— Да, — солгал Тан.

— Как хорошо, — мечтательно протянула она. — Скоро ты придешь и заберешь меня отсюда. Ты не представляешь, как же мне было страшно, пока я не услышала твой голос. Такой добрый голос.

Тан издал приглушенный рык. Рука против собственной воли потянулась к пульту и задала прежний курс. Вздрогнув, рейдер устремился к планете.

Девочка молчала. Ее голос был нужен Тану для пеленга.

— Пожалуйста, пой! — попросил он и сам удивился своему «пожалуйста».

Она возликовала, поняв, что Тан не бросил ее. Из динамиков вновь вырвался звонкий и ломкий, словно весенняя капель, голос. Тан долго хмурился, слушая его, но в конце концов не выдержал и улыбнулся…

Планета выросла перед обзорным экраном мутным сизеватым блюдцем. Ее атмосферу переполняли электромагнитные смерчи и туманы. Точка пеленга на экране стала нечеткой — по-

мехи расслаивали структуру звука. Тан не стал спешить. Он никогда не спешил, это было не в его правилах. Торопыги заканчивали карьеру в казематах Черного форта, откуда не было выхода. Тан рассчитывал умереть в космосе или в своем доме у звезды Солл. Потому он не бросился сломя голову вниз, а несколько раз облетел вокруг планетки, тщательно изучая ее. Пеленгаторы засекли лишь один источник излучения. Именно оттуда доносился голосок. Если это и окажется ловушкой, Тан знал, как выбраться из нее. Закончив очередной виток, он положил руки на штурвал ручного управления. Пора!

— Пой громче! — бросил Тан и направил корабль вниз…

Прорвавшись через тройной слой облаков, рейдер сел на небольшой равнине, замкнутой небольшим болотцем и извилистой стеной ярко–зеленого леса. Электромагнитные потоки разрушили звуковой сигнал, связывавший Тана с девочкой; потребовалось время, чтобы восстановить его. Он испытал громадное облегчение, вновь услышав тонкий голосок.

— Где ты? Почему молчишь?!

Тан улыбнулся своей невидимой собеседнице.

— Я здесь. Я уже сел. Тебе надо потерпеть еще

немного.

— Я потерплю.

— Вот и умница. Теперь слушай меня. Объясни подробно, где находишься.

Последовала небольшая заминка — Тан понял, что девочка осматривается вокруг, — затем голосок сообщил:

— Здесь лес.

— И все?

— Нет. Справа виднеется верхушка какой–то горы.

— Она большая?

— Да, очень!

Тан включил камеры панорамного обзора и осмотрел окрестности. Видимость была отвратительной. Белесая дымка плотно окутывала землю и небо, позволяя рассмотреть лишь участки, находящиеся в непосредственной близости от корабля. Тан включил сканеры. Изображение приобрело схематичность, но стало куда более отчетливым. Теперь он мог сориентироваться.

В той стороне, откуда шел сигнал, было три горы, но ни одну из них Тан О'Брайен не назвал бы большой. Впрочем… Тан внезапно понял, что ему, видевшему грандиозные пики Армагаски, любая гора теперь кажется небольшой. Но что могла

видеть в своей жизни эта маленькая девочка!

— Опиши мне ее.

К удивлению Тана, описание вышло более чем профессиональным.

— Серая, с багровыми прожилками, левый склон градусов на пятнадцать положе, чем правый.

— Цвет мне ни к чему, — пробормотал в ответ Тан. Сканированные изображения вершин появились на экране. Более других Тану приглянулась гора, ближайшая к кораблю. Она в точности соответствовала описанию девочки. И это было плохо; и Тан, и девочка видели гору примерно с одного направления, а значит, потерпевший аварию корабль лежал посреди леса, и Тан не мог рассчитывать на пеленгаторы. Густые заросли и низко висящие облака делали их бесполезными.

Тан задумался. Он попал в непростую ситуацию. Простирающийся впереди лес, едва различимый в плотной белесоватой дымке, если верить сканеру, был огромен. Отыскать в нем корабль, не имея возможности определить хотя бы примерное положение его, было равносильно попытке найти золотую крупицу в груде морского песка. Помимо этого сама по себе прогулка обещала быть нелегкой. Тан О'Брайен хорошо знал, что

представляет собой подобный лес, чьи непролазные заросли таят массу неожиданностей, как правило, неприятных. Почесав голову, Тан вздохнул. Он все более отчетливо сознавал, что взялся не за свое дело. Вот если бы посреди этого леса были алмазные копи или потерпевший аварию транспорт–сейф — ради этого можно было б рискнуть. Но подвергать себя опасности ради какой–то писклявой девчонки мог только полный идиот. Тан беззвучно выругался и встал. Пора было собираться.

Первым делом Тан извлек герметичный скафандр из сверхпрочного пластика. Не уступая по прочности титановой броне, скафандр был легок, удобен и даже щеголеват. Затянутый в серебряную оболочку, Тан походил на обаятельного призрака. Воздух снаружи был вполне пригоден для дыхания, но Тан решил взять с собой кислородный баллон — на всякий случай. Следом на свет появились контейнер с обезвоженными пищевыми концентратами, таблетки сухой воды, аптечка и сигнальные ракеты. Из оборудования Тан взял лишь ручной радар, настроенный на волну рейдера, и магнитометр. Теперь предстояло отобрать оружие. Тан делал это долго и тщательно. В конце концов он остановился на ко-

роткоствольном бластере, плазменных гранатах и ноже с длинным массивным лезвием. Довершил этот арсенал огнемет — оружие, способное охладить пыл любого агрессора из числа тех, что водятся на подобных планетках. Облачившись в скафандр и нацепив поверх амуницию, Тан предстал перед висевшим на стене зеркалом. На него взирал разряженный как боевой петух недоумок, явно решивший поиграть в космических рейнджеров. Давненько Тан не ощущал себя таким идиотом. Покуда он рассматривал себя, до слуха долетел едва различимый звук. Тан насторожился. Послышалось? Нет, звук повторился, и Тан поспешил в рубку. Девочка плакала. Она не смогла дозваться Тана и, конечно же, ей было страшно. Тан поймал себя на том, что расправляет плечи.

— Ничего не бойся! Я уже иду.

Память не подвела Тана — планетка оказалась весьма неуютной. Воздух был сырой и далеко не теплый. Лицо Тана мгновенно покрылось мелкими, липкими на ощупь капельками. Немного постояв, чтобы освоиться, Тан затворил люк и неторопливо двинулся вперед. Его путь пролегал по лужайке, выглядевшей вполне безобидно, но Тану было хорошо известно, сколь обманчивы

могут быть пасторальные пейзажики на диких неизведанных планетках. Потому он держал пальцы на рукояти бластера и успел отреагировать, когда выскочившая, казалось, из–под земли тварь попыталась вонзить клыки в его ногу. Выстрел разнес тварь вдребезги, так что Тан даже не смог как следует рассмотреть ее. Скорей всего это был слизняк, примитивный, но вооруженный двумя рядами отличных клыков. Не желая понапрасну рисковать, Тан надел на голову шлем и лишь тогда продолжил путь. Бластер насовсем перекочевал с пояса в руку и был готов к любым неожиданностям.

Однако до самого леса Тана никто не потревожил. Казалось, планетка затаилась и заманивала непрошеного гостя в замаскированные тенета. Достигнув передних деревьев, Тан замедлил шаг и обернулся. Серебристая сигара корабля дрожащим силуэтом смутно вырисовывалась в молочной дымке. Тану стало тоскливо. Еще можно было повернуть и продолжить путь к звезде Солл. Тану стоило немалого труда совладать с навязчивым искушением. Он пересилил себя, а пересилив, связался с девочкой и поинтересовался:

— Ну, как дела?

— Нормально, — сообщил голосок. — Я жду тебя.

— Твои родные не вернулись?

— Нет.

— Тогда я иду.

Бросив прощальный взгляд на корабль, Тан шагнул вперед и через мгновение был поглощен зеленым хаосом леса…

Уродливый лес. По крайней мере, с точки зрения Тана О'Брайена. Здесь не было ни опушки, ни обычно встречающихся прогалин, ни лужаек. Деревья росли столь плотно, что облаченный в скафандр человек был не в состоянии пробраться между ними. Сплошная зеленая стена, наполненная зловещим шелестом и угрожающим покачиванием лиан. Лес был живым существом, а всех живых существ Тан делил на две категории — друзья и враги. Друзей было мало, точнее, один — кот Маслик, пропавший, когда Тану было четырнадцать. Все остальные относились к числу врагов, а Тан разговаривал с врагами лишь на одном языке — языке силы. Вернув бластер в гнездо на поясе, Тан извлек из–за спины огнемет. Узкая полоса огня рассекла сплетение зеленых арабесок. Трескуче закричали деревья, растворяемые в напалмовом вихре. В огненно–красных клубах

извивались, умирая и чернея, причудливые стебли лиан и колючая поросль. Воздух заполнился жирным чадом. Языки пламени еще продолжали свое пиршество, когда Тан шагнул вперед. Его скафандр не боялся огня.

Идти было нелегко. Остатки растений опутывали ноги, и без того увязавшие в жидкой грязи, которой были залиты подножия деревьев. Тан продвигался медленно, словно испорченный киборг. Примерно через пятнадцать шагов ему вновь пришлось пустить в ход огнемет, вновь заставив деревья корчиться от боли. И опять нужно было ждать, пока осядет стена огня, и, утопая по щиколотку, медленно брести вперед. Так он и шел, пробивая черную просеку до тех пор, пока огнемет не выплюнул последнюю жиденькую струйку. Тогда Тан остановился и огляделся. Он углубился далеко в лес и совершенно растворился в нем. Со всех сторон клубился густой, без единого просвета, вихрь растений, выжженный напалмом проход терялся в блеклой пелене тумана.

Тан кашлянул и, подавив желание сплюнуть, проглотил слюну.

— Кассиопея, как дела?

— Отлично, — немедленно откликнулась девочка. — А у тебя?

— Тоже неплохо. Я уже недалеко. Послушай, сейчас я выпущу ракету. Если увидишь ее, попытайся подсказать мне направление. Это можно сделать таким образом. Представь треугольник, одна из вершин которого — это ты, вторая — гора, а третья — ракета. Определи примерную величину угла в вершине, которую образует ракета. Поняла?

— Поняла, не маленькая! — звонко сообщил голосок. — Пускай!

Тан извлек из–за пояса ракетницу, направил ее вертикально вверх и нажал на спуск. Руку толкнуло легкой отдачей. Скользнув, ракета исчезла в белесой пелене. Тан ощутил прилив ярости. «Она не увидит! — подумал он. — Черт бы побрал эту планету с ее лесами и туманами!»

Он не ошибся. Девочка не откликалась, и Тан был вынужден спросить:

— Ну как, ты видела ее?

— А разве ты ее уже выпустил?

— Да! — раздраженно рявкнул Тан.

— Но я ничего не вижу!

Тан немного помолчал, после чего пробормотал:

— Наверно, я еще далеко от тебя. Жди.

— Хорошо, — покорно согласился голосок. — Те-

бе не скучно? А то я могу спеть тебе песенку.

— Мне весело! — Тан с отвращением оглядел увязшие до середины голени ноги. В жирно блестящей грязи мельтешили белые черви. — Мне весело!

Выбросив опустошенный баллон, Тан вставил в огнемет новый. У него остался в запасе всего один, и Тан пожалел, что не догадался взять их побольше. Огнемет в подобной ситуации мог с успехом заменить все остальное оружие. Но менять что–либо было поздно, и Тан принялся выдирать из грязи ногу, намереваясь продолжить путь. Болотце противно всхлипнуло, и Тан полетел вперед.

В самое первое мгновение он не понял, что произошло. И лишь навалившаяся на спину тяжесть подсказала Тану, что у него возникли проблемы. За всеми этими разговорами он зазевался и позволил застать себя врасплох. Напавший был огромен и неимоверно тяжел. Упав на Тана, он вдавил его в грязь, не давая шевельнуть ни ногой, ни рукой. У врага не было зубов или, по крайней мере, он не торопился пустить их в ход, но это было слабым утешением. Скафандр Тана мог выдержать колоссальные нагрузки. Трудно представить такую тварь, которая смогла б про-

кусить его. С этой стороны у Тана не возникало опасений, чего нельзя было сказать о фильтрах. Жидкая грязь совершенно забила их, преградив доступ воздуха. Тан попытался прочистить фильтры, резко освобождая легкие, но очень быстро убедился в тщетности своих усилий. Расплющенный, словно подопытная лягушка, он начал задыхаться. Мозг разрывался от ярости, а сердце уже трепетало, предчувствуя близкий конец. Но Тан был не из тех, кто поддается позывам сердца. В его планы не входило обрести конец на этой паршивой, затерянной на краю Вселенной планетке, задохнувшись под тяжестью мерзкого слизняка. Невзирая на сковывающую члены тяжесть, Тан начал ерзать, пытаясь дотянуться до бластера. Он погружался все глубже и глубже, в гаснущем сознании уже плясали разноцветные черточки, но Тан не сдавался. Он все–таки дотянулся — не до бластера, до ракетницы, и стиснул пальцами ее рубчатую рукоять. Теперь следовало вывернуть руку наружу. Втянув живот, Тан стал медленно протаскивать оружие в образовавшуюся щель. Тем временем свалившаяся на него тварь начала подавать признаки жизни. Тан почувствовал прикосновение сразу в нескольких местах — под коленями, на спине

и самое настойчивое в том вместе, где шлем соединялся с воротом скафандра. Тварь была не столь глупа. Еще одно усилие, еще… Рука с ракетницей вылезла из–под туловища. Теперь нужно было вывернуть кисть таким образом, чтобы направить ствол ракетницы вверх. Чувствуя, как хрустит запястье, Тан сделал это и, почти теряя сознание, нажал на спуск. В тот же миг Тан ощутил чудовищной силы удар. Ощущение было такое, словно на него свалилась бронированная плита. А затем вдруг стало легко–легко. Телу хотелось лежать и наслаждаться пришедшим покоем, однако мозг нашел в себе силы воспротивиться этому опасному желанию. Опершись на руки, Тан с трудом вырвал туловище из грязи и сорвал шлем. Существо, представшее его глазам, не могло вызвать ничего, кроме ужаса и отвращения. Громадное, бесформенное, оно походило на кусок протухшего мяса, вооруженное, однако, десятком коротких массивных щупалец. Голова у твари отсутствовала совершенно, а вот пасть была — здоровенная, прихотливо обрамленная венчиком извивающихся отростков, напоминающих кокетливую бородку. Ревя от боли, тварь кинулась на Тана. Человек находился в невыгодном положении — наполовину увязший в грязи,

лишенный огнемета, с бластером на поясе, — но исход поединка остался за ним. Тан выстрелил дважды, и обе ракеты попали точно в цель — прямо в ужасный, отвратительный рот. Брызнули ошметки плоти. Издав вопль, существо отпрянуло. Тан воспользовался этим и сорвал с пояса плазменную гранату. Сверкнула яркая вспышка, и тварь поглотило огненным вихрем. Обезумев от боли, она бросилась напролом через заросли, но сумела преодолеть лишь несколько метров, после чего рухнула и затихла. Освободившись из цепких объятий грязи, Тан подобрал валявшийся неподалеку шлем и, шатаясь, отошел к дереву, где земля была не такой вязкой.

Теперь он мог оценить понесенные потери, а они были велики. Тан лишился огнемета, размятого и втоптанного в грязь тварью, а также истратил две из шести ракет и гранату. Вдобавок ко всему был безнадежно испорчен шлем, а сам Тан О'Брайен походил на выкупавшегося в дерьме бродягу. Лес показал свое истинное лицо, и потому Тан первым делом проверил, исправен ли заляпанный грязью бластер. Оружие оказалось в порядке, что подтвердила срезанная метким импульсом верхушка дерева. Вторым, что волновало Тана, была связь. Приблизив к

лицу помятый шлем, Тан медленно, сдерживая тяжелое дыхание, проговорил:

— Прием! Кассиопея, ты меня слышишь?

— Да, — подтвердил голосок.

— Я иду.

— Ты это только что говорил.

Тан промолчал. Для него это «только что» показалось вечностью.

— Так я иду.

Однако Тан продолжил путь не сразу. Проглотив таблетку сухой воды, он позволил себе немного посидеть. Когда дыхание вновь стало ровным, Тан взял шлем, выжег короткими импульсами оба воздушных фильтра, протер стекло и, морщась от отвращения, надел шлем на голову. Шлем перестал быть надежной защитой, но он был нужен Тану как средство связи. Тан не имел права остаться без шлема.

А потом был нескончаемо долгий путь через лес. Тан расчищал себе дорогу ножом, изредка пуская в ход — он экономил боекомплект — бластер. Вытягивая из грязи ноги, Тан шагал вперед с упорством маньяка, который не остановится ни перед чем, чтобы достичь цели. В этом был весь Тан О'Брайен. Дважды ему пришлось отбиваться от тварей. Один раз это была громадная, толщи-

ной с бревно, змея, а другой усыпанное иглами шароподобное существо. Змею Тан разрезал на куски выстрелами из бластера, от второго врага избавился с помощью гранаты. Он несколько раз глотал воду и истратил ракету, которую девочка, как и в первый раз, не заметила.

Лес постепенно менял облик. Он утратил былую монолитность. Стали встречаться прогалины, что радовало Тана, и болотца, вызывавшие противоположную реакцию. В одном из них, замаскировавшемся мшистым покровом, Тан ухитрился завязнуть, и ему пришлось потратить немало усилий, чтобы выбраться на твердую землю.

Тан продолжал идти, надеясь, что приближается к цели. По истечении четырех часов он выпустил еще одну ракету. Безрезультатно. Девочка не заметила ее…

Касси пела песенку. Тан сам попросил ее об этом. Он сидел в полном изнеможении на корне гигантского дерева, лениво изучая физиономию причудливо раскрашенного гада, раздумывающего, напасть или нет на странное существо, примостившееся на отдых под его гнездом. Девочка пела смешную песенку про кролика, ушастого зверька, видеть которого не приходилось ни

ей, ни Тану. Кролик был глуповат и труслив, но удачлив, а потому неизменно ускользал от своих врагов. Тан подумал, что удачливость кролика не помешала бы ему. В этот миг гад бросился вниз, и Тан прострелил ему голову. Наблюдать за агонией бьющегося в муке гада было не слишком приятно, поэтому Тан поспешил подняться и пошел вперед. Начал накрапывать мелкий дождик. Влага пропитывала ошметки грязи, покрывавшие скафандр, и те отваливались прочь. Вскоре скафандр вернул, точнее, почти вернул прежний, щегольской вид, но Тан даже не обратил на это внимания.

Дождь кончился, посветлело. Тан разглядел впереди смутный силуэт горы. Он был почти у цели. В небо ушла очередная ракета, но Касси не увидела ее. Осталась всего одна. Тан ускорил шаг. Он устал. Борьба с топкой почвой, с переплетениями лиан и тварями отнимала слишком много сил. Тан чувствовал себя разбитым и опустошенным. Он сделал все, что мог, однако по–прежнему был далек от цели. Остановившись в очередной раз передохнуть, Тан внезапно подумал, что у него не хватит сил вернуться назад. Это не испугало его, а, напротив, вызвало нечто вроде злорадного удовлетворения.

— Так тебе и надо, идиот! — пробормотал Тан, адресуясь к самому себе. — Не будешь в следующий раз лезть куда не надо!

Вскоре гора приблизилась настолько, что Тан мог рассмотреть ее очертания. Серая, с багровыми прожилками; правый склон более крут, чем левый. Все именно так, как описывала девочка. Тан извлек ракетницу с последней ракетой. Его руки чуть дрожали, когда он нацеливал ствол в небо. Не от волнения, нет — от усталости. Отдача толкнула руку. Красная трасса просекла кроны деревьев и исчезла. И в этот миг он услышал ликующий девичий голосок.

— Я вижу ее! Вижу!

Тан так устал, что воспринял это сообщение почти равнодушно. Он лишь спросил:

— Где ты?

— Так… — протянул голосок, очевидно, прикидывая, как бы получше объяснить. — Ты должен взять градусов на двадцать левее. Это совсем недалеко.

— Конечно! — пробормотал Тан О’Брайен. Настроив магнитометр, Тан, шатаясь, побрел в указанном направлении. Однако он успел сделать лишь несколько шагов, когда магнитометр подал сигнал, сообщая о присутствии металла.

Тан замер. Металл означал человек; человек, находившийся вне корабля, означал лишь одно — засада. Враг мог быть один, врагов могло быть несколько. Это не меняло суть дела. Количество недругов никогда не волновало Тана О'Брайена. Он действовал одинаково спокойно, имея дело с двумя и двадцатью противниками. Лет десять назад на Лербене Тану пришлось выдержать бой против целой когорты звездных гвардейцев. Тогда он убил семерых и ушел, не получив даже раны, хотя правительство поспешило объявить о его гибели. Буквально через пару дней Тан развеял счастливое заблуждение граждан Пацифиса, расстреляв прогулочный катер. Так что количество врагов его мало смущало. Но девчонка! Как ловко она провела его. Тан не на шутку разозлился. Ничего, он поквитается. Сначала — с ее друзьями, а потом — и с самой маленькой стервой.

Тан лег на землю и пополз, забирая левее источника металла. В уши вонзился звонкий голосок.

— Ты идешь?

— Иду… — прошипел Тан.

— А почему ты говоришь шепотом? — также понизив голос, спросила маленькая притворщица.

— Скоро узнаешь. — Голос Тана обратился в

пилюлю яда, облитую патокой. По неопытности девочка различила лишь патоку.

— Я жду тебя. Очень, очень жду!

Тан ухмыльнулся.

Стрелка магнитометра смещалась ужасно медленно. Тан терпеливо полз, утопая в грязи, полз до тех пор, покуда не очутился за спиной у тех, кто его поджидали. Тогда он поднялся и, пригнувшись, быстро побежал вперед.

Зрелище, представшее его глазам, вряд ли можно было отнести к разряду приятных. В грязи, почти полностью увязнув в ней, лежали два трупа, точнее, то, что от них осталось. Можно было подумать, что убийца работал большой теркой, поочередно сняв с жертв одежду, кожу, мясо и раздробив кости. От голов остались лишь жалкие ошметки — месиво волос, крови и белых сгустков мозга, в которых копошились ленивые жирные черви. У одного из трупов отсутствовали ноги, у другого была оторвана рука, а в уцелевшей был зажат бластер. Борясь с подкатившей к горлу тошнотой, Тан нагнулся и подобрал окровавленный, лишенный естественного цвета клочок одежды. Судя по фактуре ткани, это был кусок летнего комбинезона. Только самоубийца мог додуматься до того, чтобы отправиться в этот лес

будучи одетым подобным образом. Отец и дядя Касси вряд ли были самоубийцами, они были самоуверенными недотепами. Тан вынул из окостеневшей руки мертвеца бластер, сунул его за пояс и пошел прочь. Ему надлежало спешить…

Корабль вырос из месива тумана и зарослей, словно призрак. Это был легкий космогруз старой постройки, какие уже редко встретишь на трассах. Посадка вышла не очень удачной. Корабль потерял одну из несущих опор и свалился набок. При падении были повреждены дюзы. Крайние превратились в груду искореженного металла, и лишь та, которая была в центре, уцелела и теперь сиротливо взирала на вышедшего из лесной чащи человека огромным черным зраком. То, что лежало перед Таном, уже не было кораблем, а мертвой неподвижной грудой, которой никогда не увидеть горячего блеска звезд. Прислонившись к шершавой, обглоданной космическими ветрами поверхности, Тан стащил с головы шлем и устало сообщил:

— Я здесь.

Услышав это, голосок издал нечленораздельный радостный вопль. Тану пришлось потерпеть, прежде чем он дождался связного ответа.

— Сейчас я открою дверь.

— Валяй, — сказал Тан. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Входной люк упавшего корабля находился метрах в пяти от поверхности планеты, и Тан не представлял, как сумеет попасть внутрь. Однако, оказывается, девочка предусмотрела это. Ржаво заскрипел гидравлический запор, и из отверстия показалась радостно улыбающаяся физиономия.

— Держи!

С этим криком девочка бросила вниз веревку, испещренную по всей длине узлами. Тан сдавленно кашлянул. Усопшие родственнички при жизни, видно, были ловкими ребятами, Тан же не был уверен, что ему удастся подняться по этой штуковине. Но он не выдал своих сомнений, а лишь спросил:

— А она выдержит?

Девочка широко улыбнулась, сверкнув зубами.

— Лезь, не бойся! — И со смехом прибавила: — Ух, какой ты грязный!

— Какой есть, — пробормотал Тан, нерешительно берясь за первый узел.

Вопреки его опасениям подъем оказался не таким сложным, как представлялось. Прошло совсем немного времени, и Тан очутился в рубке. Теперь он мог наконец–то рассмотреть ту,

которая доставила ему столько хлопот. Девочка понравилась Тану, хотя он ни за что не сознался б в этом. Она не была красавицей, но у нее было живое, испещренное крохотными веснушками личико, зеленые глаза и, что особенно подкупило Тана, роскошные рыжие волосы, пышной волной спадавшие на спину. Примерно такие должны были быть у дочери Тана, если б такая существовала на свете — ослепительно яркий солнечный нимб.

Девочка рассматривала гостя с неменьшим любопытством и чисто детской бесцеремонностью. Вначале потрепанный облик Тана смутил ее. Наверно, потому она представилась с важностью, под которой пыталась скрыть легкий испуг перед незнакомцем:

— Кассиопея.

У Тана О'Брайена хватило ума, чтобы брякнуть коротко:

— Тан.

На этом он посчитал, что сцена знакомства завершена, и с размаху шлепнулся задом на боковую переборку, превратившуюся вследствие падения корабля в пол. Иных комментариев не потребовалось, вид Тана говорил сам за себя. Девочка вспомнила о своих обязанностях хозяйки и

принялась усердно ухаживать за долгожданным гостем.

Для начала она принесла воды, и Тан смог вымыть залепленную грязью физиономию. Затем он избавился от скафандра и натянул легкий комбинезон. Кассиопея в этот миг тактично вышла из рубки, чтобы тут же вернуться с подносом, на котором стояли дымящиеся тарелки.

— Автоматическая кухня вышла из строя. Я готовила это сама. Попробуй.

Тан одобрительно кивнул головой. Ему пришлось по душе, как его встречали. Правда, еду гость попробовал не без опаски, однако неожиданно нашел ее вкусной.

— Мне нравится.

Длинные ресницы недоверчиво моргнули.

— Правда?

— Честное слово! — подтвердил Тан и вдруг подумал, что ему следовало б так сказать, даже будь это ложью.

Кассиопея расцвела и стала просто очаровательной. Тан почувствовал, что ему хорошо.

Он доел все до последней капли, после чего Кассиопея забрала поднос и принесла две чашки. Кока! Тан слегка скривился, но промолчал. Кофе достаточно дорог, вряд ли он по карману простым

космогрузникам.

Тан решил схитрить.

— Подай мне, пожалуйста, вон тот контейнер. — Он указал пальцем на аптечку.

— Что в нем?

— Лекарства.

Девочка послушно исполнила просьбу, а Тан тем временем выплеснул коку за приборную панель. Когда Кассиопея повернулась к нему, Тан улыбался. Он продолжал улыбаться, смазывая раны на лице, хотя прикосновение антисептиков и заживляющей мази вызывало саднящую боль. Покончив с этой мало приятной операцией, Тан попросил зеркало и тут же получил его.

— Смотри на мое лицо.

Это было и впрямь чрезвычайно эффектное зрелище. Ссадины и порезы заживали буквально на глазах, и очень скоро Тан смог подмигнуть своему отражению — целехонькому, без единой отметины.

— Здорово? — спросил он, поднимая глаза на девочку.

— Здорово, — согласилась она, и Тан увидел направленный прямо ему в лоб бластер. Кассиопея держала несоразмерно большое для нее оружие двумя руками, сомкнув пальцы с такой силой,

что они побелели от напряжения. Веснушчатое лицо выражало решимость.

— Ты что? — спросил Тан, прикидывая, сможет ли дотянуться до бластера в броске ногой.

— Ты Тан О'Брайен.

— Ну и что? — Тан заставил себя расслабиться.

— Ты подлец и убийца.

— Да, — сказал Тан, хотя подтверждения и не требовалось.

— Я должна убить тебя!

— Почему?

— Иначе ты убьешь меня.

«Железная логика», — подумал Тан и с усмешкой заметил:

— Тогда ты останешься здесь и умрешь. Никто не сможет вытащить тебя из этого леса.

Сказав это, Тан зевнул и скосил глаза в сторону. Взгляд Кассиопеи машинально последовал за зрачками Тана, бластер дрогнул. В тот же миг Тан выбросил вперед ногу и легким тычком выбил оружие из маленьких ручек. Вскочив, он грубо запустил пальцы в роскошную рыжую копну, приблизил свое наводящее ужас лицо к дрожащему детскому личику и прорычал:

— Да, я убийца и насильник Тан О'Брайен! Некоторые в вашем мире любят называть меня

Космическим Негодяем! Да, я негодяй! Но я пришел спасти тебя! Сопливая дурочка!

Тан отшвырнул Кассиопею прочь и тяжело опустился на пол, так и не удосужившись подобрать бластер. Казалось, опасность быть убитым совершенно не волнует его. Девочка то ли поверила словам Тана, то ли была испугана. Так или иначе, но она не предпринимала больше попыток овладеть оружием. Она забилась в угол, образованный переборкой и приборной панелью, и затихла, настороженно разглядывая рассерженного гостя. А Тан, по правде говоря, был очень недоволен тем, как повернулись события. Быть может, впервые в жизни Тану О'Брайену захотелось отречься от своей кровавой славы и стать обычным космогрузником, каким был его отец.

Молчание длилось довольно долго. Наконец Тан не выдержал.

— Нам надо идти, — сказал он и, пересилив себя, посмотрел на девочку. Та отрицательно покачала головой.

— Я не пойду.

Тан взорвался.

— Какого черта в таком случае я шел сюда?!

Кассиопея пожала тоненькими плечами. Ее взгляд был чист. Тан смущенно кашлянул.

— Ладно, не дури. Нам надо до ночи добраться до моего корабля.

— Я же сказала, что не пойду! Я боюсь тебя.

— Дура! — рассвирепел Тан. — Если бы я хотел причинить тебе зло, я давно б сделал это. Но я действительно хочу помочь тебе. Ради этого я шел сюда целых пять часов и едва не лишился головы. И вместо благодарности я должен выслушивать этот дурацкий лепет!

— Я не пойду, — повторила Кассиопея, тут же прибавив: — Хотя бы потому, что уже смеркается.

Замечание было дельным. Тан задумчиво потер щетинистый подбородок.

— Хорошо, тогда отправимся в путь на рассвете. Согласна?

— Почти.

— Что значит почти?!

— Ты забыл, что я не доверяю тебе.

Тан схватился руками за голову.

— Что же я должен сделать, чтобы ты поверила?! Перерезать себе шею?!

— К чему такие крайности? — Маленькое личико усмехнулось, — Достаточно, чтобы ты дал мне это. — Кассиопея указала пальчиком на валяющийся рядом с Таном бластер.

Отказать было невозможно. Тан лишь пробормотал:

— Это мой. Я дам тебе другой.

Он потянулся к скафандру и в этот миг вспомнил, кому принадлежал второй бластер. Рука сама собой отдернулась прочь. Немного помедлив, Тан решил:

— Ну хорошо, бери этот.

Кассиопея не заставила себя уговаривать. Моментально выбравшись из своего убежища, она подобрала оружие. Это был щекотливый момент. Зрачок бластера застыл в сомнении. Тан прекрасно понимал, что девочка еще не отказалась от намерения прикончить его. И тогда он сказал, пряча тревогу под маской напускного безразличия:

— Только будь поосторожней, эта штука иногда стреляет.

Небрежно брошенная фраза положила конец колебаниям девочки. Она кивнула и сунула оружие в гнездо на поясе. Тан облегченно выдохнул. Вопрос о вечном был разрешен. Теперь можно было подумать о более суетном.

— Где мы будем спать? Нам надо хорошо выспаться.

— Здесь. Я сейчас принесу пенолежаки.

Не сводя с Тана опасливого взгляда, девочка направилась к двери. Едва она вышла, Тан запустил руку под скафандр, извлек бластер и быстро осмотрел его. Боекомплект был почти полон. Это слегка успокоило Тана. В случае чего он успеет выстрелить первым. В рубку долетел отзвук легких шагов. Тан поспешно вернул бластер на прежнее место и придал лицу беззаботное выражение.

Кассиопея принесла два пенолежака. Один из них она отдала Тану, на второй, пристроив его в противоположном конце рубки, улеглась сама. Тан слегка обиделся, но ничего не сказал. Пожав плечами, он последовал примеру девочки.

Мягко вползали сумерки, наполняя корабль чернотой. Тан сомкнул глаза и мгновенно отключился. Ему приснился чудесный цветной сон, будто бы он сидит на яблоне, сплошь покрытой солнечными спелыми яблоками, и разговаривает с веселым рыжим кроликом. А потом кролик вдруг подергал Тана лапкой за плечо и сказал:

— Мне страшно.

Издав страдальческое мычание, Тан разлепил веки. Девочка лежала рядом, ее теплое дыхание обдавало щеку.

— Мне страшно, — вновь сказала она.

Тан с трудом подавил зевок.

— Не бойся. Я с тобой.

Сон ушел. Тан лежал, тупо уставив глаза в неразличимую в темноте переборку, и с раздражением думал о том, что наверняка не выспится, а значит, рефлексы будут замедлены, что не очень хорошо, учитывая скверный характер леса. Девочка, судя по всему, заснула, прижавшись к своему спасителю худеньким тельцем. Едва Тан подумал об этом, как тоненький голосок спросил:

— Ты спишь?

— Почти, — ответил Тан.

— Расскажи что–нибудь.

— А что?

— Что хочешь.

Тан задумался. Он мог рассказать про грабежи на Катанре и Тропше, дерзком налете на особняк Дорманна, первого богача Белонны, про резню, которую учинил на Толимисе. Тан мог рассказать про блеск звезд и долгие скитания по галактикам, а также про кровь, боль и ужас. Но он не хотел, чтобы часть его жестокого «я» вселилась в рыжее существо, доверчиво примостившееся у него под боком. Поэтому Тан принялся рассказывать о своем детстве, об отце, которого почти не знал, о матери, которую почти не помнил, о своем любимце Маслике и старом деревянном доме,

в котором он прожил так много лет. Он рассказывал о чарующих глаз закатах, о купаниях в ледяной воде горного ручья, о своих проказах и, поощренный ее веселым смехом, о детских мечтах. Неожиданно для себя Тан обнаружил, что помнит их, и он говорил о них с упоением. Он рассказывал долго, уже не для нее, для себя. Он вспоминал лица друзей и той, что подарила ему первый, такой сладкий поцелуй. Он ощущал его наяву, как и запах малинового варенья, которое варили в их доме летними вечерами. Это было славное время, Тан совершенно забыл о нем.

Наконец он умолк.

Похвала Кассиопеи звучала искренне.

— Здорово! — сказала она. — Мне ни за что бы так не рассказать. Слушай, Тан, а ты вовсе не такой страшный, как о тебе рассказывают.

Тан О'Брайен беззвучно усмехнулся. Эта малютка его плохо знала.

— Я страшный, — сказал Тан. — Но только не с тобой.

— А ты и вправду убивал?

— Еще сколько!

— И измывался над женщинами?

Тану почудилось, что его щеки слегка покраснели. Впрочем, темнота скрывает краски.

— Иногда.

— А зачем?

Тан не нашелся, что ответить. Маленькая чертовка загнала его своими вопросами в угол. Правда, Тан все же сумел выкрутиться, хотя использовал при этом не очень честный прием.

— Ты задаешь не детские вопросы.

Как он и рассчитывал, Кассиопея оскорбилась.

— А я и не ребенок! — сказала она с тем очаровательным пафосом, который присущ взрослеющим детям. — Я уже большая.

— Конечно, большая, — поспешил согласиться Тан. — Послушай, большая, завтра у нас будет трудный день, и нам надо как следует выспаться. Давай отложим все разговоры на потом.

— Ладно, — не стала спорить Кассиопея, хотя в ее голосе можно было различить недовольство. — Будь по–твоему — давай спать.

Она немного повозилась, устраиваясь поудобнее, и внезапно спросила:

— Послушай, Тан, а у тебя есть дети?

— Нет, — ответил Тан. — Спи.

— И девочка заснула, доверчиво устроив голову на плече Тана. И прошло много времени, прежде чем заснул он…

Ночь сблизила их, день вернул толику прежней

разобщенности. Наступило утро, и Кассиопея вновь бросала на Тана косые взгляды, а Тан испытывал горячее желание отобрать у нее бластер. Ему стоило большого труда сдержать себя.

Они наскоро позавтракали, после чего Тан принялся объяснять девочке, что она должна и что не должна делать, когда окажется в лесу.

— Запомни, лес наш враг! Мы должны обхитрить его! — подытожил свою краткую речь Тан.

Как и накануне, его терзало чувство досады. Но сейчас Тан злился не на себя, а на папашу Касси, не удосужившегося раздобыть для своей дочки прочный скафандр. Лес не уважал людей, одетых в комбинезоны. Кое–кто уже имел несчастье убедиться в этом на собственной шкуре. Немного поколебавшись, Тан подозвал Касси и протянул ей свои доспехи.

— Одень это.

Как он и предполагал, девочка заупрямилась.

— Зачем еще это?

— А я говорю одень!

Уперев кулачки в бока, Кассиопея с вызовом заявила:

— Он мне велик!

— Ничего, — Тан не собирался сдаваться, — я подгоню его.

Как Касси ни сопротивлялась, ей все же пришлось натянуть на себя изрядно потрепанный скафандр. Водрузив на рыжую головку шлем, Тан оглядел дело своих рук и остался доволен.

— Сойдет.

Сам он ограничился тем, что набросил на плечи прорезиненную накидку. Она должна была защитить от дождя, а в случае чего и от клыков, если они, конечно, будут не очень велики. Теперь оставалось лишь покинуть корабль, но прежде чем уйти, Кассиопея пожелала проститься со своим домом. Тан прекрасно понимал ее состояние. Он и сам был сильно привязан к собственному рейдеру. Случись вдруг нечто подобное… Тан просто не мог представить себе, как он будет покидать корабль. Впрочем, Тан О'Брайен надеялся уйти первым. Человеческий век короток. Тан размышлял на эту грустную тему до тех пор, пока Кассиопея не вернулась. Как девочка ни прятала лицо, Тан ухитрился заметить, что глаза ее красны.

Наконец они спустились на землю и двинулись вперед. Шествие открывал Тан. Он внимательно смотрел по сторонам, то и дело останавливаясь и сверяясь с показаниями радара. Следом шлепала по грязи Кассиопея. Несмотря на все ухищрения

Тана, скафандр висел на ней мешком, отчего девочка походила на неуклюжую мягкую игрушку, глядя на которую Тан не мог удержаться от улыбки.

День встретил путников вчерашней хмарью. Небо тонуло в туманных облаках, нависающих над самыми кронами деревьев, грязь противно хлюпала, зеленая стена становилась все плотнее. Тан шел быстро, быть может, несколько быстрее, чем следовало б. Поначалу Касси не уступала, но вскоре устала и начала отставать. Тогда Тан, ушедший немного вперед, подождал ее и, невзирая на робкое сопротивление, взял за руку, машинально отметив, что в другой руке девочки покоится бластер. Впрочем, Тан также держал свою пушку наготове.

Первую часть пути они проделали без приключений. В известном месте магнитометр издал писк, и Тан потащил девочку вправо. Ей вовсе незачем было видеть то, что осталось от отца и дяди. Миновав место трагедии, Тан углубился в чащу и вскоре обнаружил свои следы, которые оставил, идя к кораблю. Ступая по ним, путники очутились на полянке, где Тан пристрелил гада.

— Передохнем?

Девочка отрицательно покачала головой. Тан

наклонился и, различив тяжелое дыхание, снял с ее головы шлем. Лоб и веснушчатые щеки были сплошь покрыты бисеринками пота.

— Передохнем! — решил Тан и первым уселся на поваленное дерево. Скорчив недовольную мину, Касси устроилась рядом. Тан сунул ей таблетку воды, после чего внимательно огляделся. Вокруг маячила зелено–блеклая стена тумана и леса. Гора, на которую ориентировался Тан, разыскивая корабль, исчезла. Они прошли примерно треть пути. Оставалась самая трудная часть.

— Как дела, Касси? — бодро спросил Тан. Девочка через силу улыбнулась. — Все будет нормально. Еще немного — и мы окажемся на моем корабле. Не грусти.

Касси улыбнулась вновь, на этот раз чуть веселее.

— Вот так–то лучше! — подытожил Тан. Он поднялся и, манерно изогнувшись, протянул девочке руку. — Как мне ни прискорбно вам это сообщать, мадемуазель, но нам надлежит продолжить путь!

И они пошли дальше…

Стал накрапывать дождик. Волосы Тана моментально намокли, по лицу потекли жирные холодные струйки. Вскоре Тан ощутил озноб.

Прогулка по лесу грозила завершиться хорошенькой пневмонией. Но это было полбеды. Куда хуже было то, что пелена, застилавшая путь, стала намного гуще. Теперь Тан мог различить дорогу не более чем на двадцать шагов перед собой. И ему, право, не хотелось думать о том, что может твориться сзади. Там могло твориться что угодно! Тан старался держаться спокойно, но его напряжение не укрылось от Касси. Словно откликаясь на тайные мысли Тана, она начала оглядываться, невольно сбиваясь с шага, и тогда Тан недовольно дергал ее за руку. Они шли довольно долго, прежде чем Тан сжалился над своей спутницей.

— Ладно, передохнем.

Здесь не было подходящего дерева, и путники уселись прямо в липкую грязь. Достав пару таблеток, Тан дал одну из них девочке, а вторую проглотил сам. Уставшие члены гудели, в ушах не затихал звук шагов. Шлеп–шлеп. Тан раздул щеки и резко выдохнул, надеясь, что это поможет избавиться от наваждения. Шлеп–шлеп. Что–то ненормальное, — подумал Тан.

— Касси, ты слышишь шаги?

— Да, — тихонько ответила девочка.

Прикусив губу, она глядела на Тана. В ее глазах метался ужас.

— Кто–то идет за нами, — стараясь выглядеть спокойным, проговорил Тан. — Но ничего, мы устроим ему роскошную встречу.

Шлеп–шлеп!

Жестом велев Кассиопее спрятаться за дерево, Тан встал за другое. Шлепающие звуки приближались. Тан посмотрел на девочку и вдруг весело подмигнул. Непритворно весело — Тан любил поиграть в кошки–мышки, особенно когда мы–шка–Тан обращалась в Тана–кошку. Нечто подобное должно было произойти и сейчас.

Шлеп–шлеп!

Шаги звучали совсем близко, уже на границе туманной пелены. Тан понял, еще миг — и он увидит загадочное существо. И он не ошибся.

Шлеп–шлеп!

Преследователь показался из тумана. Тан был готов ко всему, но явившееся его глазам превзошло самые мрачные ожидания. Это было нечто, гротескно напоминающее человека, но многократно превосходящее его размерами. Тварь величиной с прогулочный катер! Существо имело две бревноподобные ноги, две такие же руки и громадный, поросший черным волосом торс. Посреди уродливо–маленькой головы горело алым единственное око, расположенное чуть выше

зубастой пасти. Тварь сделала несколько шагов и замерла, принюхиваясь. Тан отчетливо видел, как шевелятся отверстия ноздрей. На размышления времени не оставалось. Вскинув бластер, Тан поразил тварь точно в глаз. Тут же раздался еще один выстрел. Это открыла огонь Касси. Посланный ею импульс вонзился чудовищу в грудь.

Существо явно не ожидало нарваться на подобный прием. Заревев, оно обхватило лапами морду, после чего кинулось прочь и исчезло в тумане. Какое–то время были слышны истошные вопли, но вскоре лес поглотил их. Тан опустил оружие и улыбнулся Касси, подумав, что все закончилось вполне благополучно.

Однако он ошибся. Беглецы успели пройти совсем небольшое расстояние, когда шлепающие звуки возобновились. Только теперь они напоминали часто выбиваемую барабанную дробь.

Шлеп–шлеп! Шлеп–шлеп! Шлеп–шлеп!

Судя по всему, тварь созвала сородичей, и те начали охоту. Необходимо было оторваться от преследователей, и Тан перешел на бег. Кассиопея не поспевала за ним, и Тану пришлось тащить ее за руку. Был миг, когда в его сердце закралась мерзкая мыслишка бросить девчонку и подумать о спасении собственной шкуры. Тан не

сомневался, что в одиночку сумеет оторваться от монстров. Но вместо этого Тан взял Касси на руки. Бежать стало намного тяжелей, но теперь они продвигались быстрее, чем прежде. Тану даже почудилось, что им удалось оторваться от тварей. Он замедлил шаг, а затем и вообще остановился, настороженно прислушиваясь. Какое–то время стояла тишина. Однако вскоре в нее вкрадчиво вплелись знакомые звуки.

— Шлеп–шлеп!

Тан тяжело перевел дух и тут же поймал на себе испытующий взгляд Касси. Шлем с ее головы исчез, рыжие волосы перепутались и смешно торчали во все стороны. Касси часто дышала, но не выглядела испуганной.

— Где твой шлем? — буркнул Тан, чтобы сказать хоть что–то.

Шлеп–шлеп.

Девочка надула пухлые губки.

— Я его бросила, тебе было тяжело.

Тан хотел выругаться, но сдержался и лишь сказал, стараясь, чтобы в его голосе была укоризна:

— Теперь нахватаешь в волосы всякой дряни.

— Ничего. — Касси совершенно не удивилась тому, что в такую минуту Тан ни с того ни с сего вдруг завел разговор о ее волосах. — Когда мы

придем на твой корабль, я расчешу их.

Тан скверно ухмыльнулся.

— Если, конечно, придем. Ну–ка, сделаем вот что…

Порывшись в гнездах, Тан извлек из одного из них тонкую металлическую струну и, продев сквозь кольцо плазменной гранаты, ловко натянул ее поперек тропы. Затем он схватил тонкую ручку и потащил девочку вглубь леса, бормоча:

— Взрыв собьет этих тварей со следа, а вот с тропой нам придется распрощаться. Но ничего! По моим расчетам, нам осталось совсем немного. Потерпишь?

Касси кивнула.

Заросли стали густыми, Тан О'Брайен был вынужден пустить в ход нож. Девочка шла сзади, прикрывая Тану спину. Взрыв и раздавшиеся следом крики боли развеселили их. Тан с гоготом поднял вверх указательный палец, приветствуя этот маленький успех, тоненький голосок Касси вторил ему.

Потом они затаились, прислушиваясь, не донесутся ли из пелены тумана знакомые мокрые звуки. Однако замысел Тана оправдал себя. Плазменное облако сбило тварей со следа. Возможно, они продолжали свою погоню по тропе, возмож-

но, отказались от преследования и повернули назад. Тана это не интересовало. Главное, его слух не различал больше в тихом безмолвии леса шелеста скользко булькающих шагов — шлеп–шлеп.

Убедившись, что чудовища больше не угрожают им, Тан вновь принялся за работу. Он рубил поросль как заведенный, но нож в этом невообразимом переплетении растений был плохим помощником. Эх, вот если бы у него был огнемет! Тан воткнул нож в землю и посмотрел на свои ладони. Так и есть — стерты до крови. Немного поколебавшись, Тан извлек из гнезда бластер. Работа пошла быстрее, но боекомплекта хватило ненадолго. Пискнув, бластер затих. Жертвовать вторым Тан не решился и потому вновь взялся за нож.

Он рубил жесткие стебли с яростным ожесточением, время от времени, сам того не замечая, бормоча под нос ругательства. Девочка долго молчала, но в конце концов не выдержала.

— Разве можно так говорить?!

Тан к этому времени вполне созрел для того, чтобы выплеснуть переполнявшее его раздражение. С размаху вонзив нож в пупырчатую поверхность ствола, он повернулся к маленькой

стерве и заорал:

— Черт побери! И зачем я только ввязался в это дерьмо?! Летел бы сейчас спокойненько на Солл и попивал бы кофе. Да на черта ты мне сдалась! Отвратительное маленькое существо!

Блеснув у самого уха Тана, импульс растворился в сплетении крон. Тан О'Брайен побледнел от ярости.

— Да как ты посмела?!

Опустив дуло бластера к земле, девочка спокойно прокомментировала:

— Еще немного — и он прыгнул бы на тебя.

Тан медленно повернул голову. Позади него, корчась в конвульсиях, издыхала тварь с такими огромными когтями, от вида которых по коже Тана пробежали скользкие пупырышки. Тан кашлянул и скосил глаза на Касси. Ему было неловко.

— Спасибо. Ты спасла мне жизнь.

— Ничего, ведь ты тоже обещал спасти мою.

Выяснение отношений окончилось само собой. Тану не оставалось ничего иного, как взяться за нож и продолжить работу. Он прекрасно изучил повадки леса и выбирал хотя и трудный, но зато наиболее безопасный путь. Тан не хотел рисковать жизнью девочки, как, впрочем, и своей.

Однако неугомонный характер Касси едва не привел к беде…

Лужайка выглядела совершенно безобидной. Да, он красив и привлекателен, этот мягкий зеленый мох, но под ним таится смерть. Тан знал об этом и двинулся в обход. В этот самый миг Кассиопея решила проявить инициативу и шагнула вперед. Она думала сократить путь, а заодно утереть нос своему всезнающему путнику. Тан заметил это движение слишком поздно, чтобы успеть остановить ее. Кассиопея сделала всего шаг и оказалась по пояс в зловонной вязкой жидкости. Закричав от страха, девочка начала дергаться, пытаясь освободиться. Это привело к тому, что она увязла еще глубже.

У Тана не было времени на раздумия. Промедли он хоть одно мгновение — и болото совершенно овладело б своей добычей. Тан не колебался и с разбегу прыгнул вперед, прямо в грязь. Он шлепнулся рядом с Касси и тут же увяз.

Холодное липкое месиво цепко обхватило тело, проникая в каждую его пору. Отчаянно матерясь, Тан принялся тащить девочку вверх, сам при этом увязая все глубже и глубже. Трясина долго сопротивлялась его отчаянным усилиям. Она выпустила свою жертву лишь тогда, когда убеди-

лась, что уже овладела второй. Охнув от натуги, Тан вытолкнул девочку на сухое место. Бросок обошелся ему дорого — грязь расступилась, и Тан увяз в ней по самые плечи. Это был как нельзя более подходящий момент, чтобы подумать о суетности жизни. Тупо наблюдая за мечущейся у кромки трясины Касси, Тан со странным любопытством ощущал, как неведомые путы тянут его вниз, к омерзительной, припахивающей гнилью смерти. Грязь уже коснулась рыжего щетинистого подбородка, когда Тан очнулся и разразился бранью. Непристойная фраза оказала благотворное воздействие на девочку. Оправившись от шока, Кассиопея начала действовать, да еще как начала! Быть может, она поступила не очень разумно, срезав импульсом громадное дерево, но, к счастью, оно миновало голову Тана, упав впритирку с его правым плечом. Космический Негодяй не преминул приветствовать это событие новым взрывом ругани, перемешанной с набившейся в рот грязью.

Дерево было мокрым и скользким. Тану стоило громадных усилий сначала крепко ухватиться за него, подтянуться и, наконец, вытолкнуть тело наверх, после чего медленно переползти на сухое место. Шлепнувшись в изнеможении на землю,

он дал волю эмоциям. Он ругался долго и со вкусом, ругался до тех пор, пока не заметил мокрые дорожки, блестящие на девичьих щеках. Тогда он замолчал и притянул рыжую головку к своей груди. Кассиопея горько рыдала, а Тан медленно гладил ее спутавшиеся волосы. Он не говорил ни слова, хотя ему было о чем сказать. Ведь в этот миг Тан О'Брайен вдруг осознал, что ему хорошо — так хорошо, как не было еще никогда. Тан едва не заплакал сам, но сдержался; он не выносил слез. Дав Касси выплакаться, Тан бережно отстранил ее головку и неожиданно для себя чмокнул перепачканную грязью веснушчатую щечку.

— Все будет хорошо. Нам пора идти.

— Может быть, посидим еще немного, — попросила Касси и, превозмогая гордость, призналась: — Я не могу идти. Ноги не слушаются меня.

— Ничего. Скоро мы очутимся на корабле, и я отвезу тебя на свою планету. Там много солнца, море и самые прекрасные цветы, какие только существуют на свете. Ты любишь цветы?

— Да. А ты?

— Я? — Вопрос застал Тана врасплох. — Не знаю. Наверно, люблю.

— А какие?

— Колючки, — брякнул Тан и тут же, пожалев

о глупой шутке, поправился: — Колючие, как их… Розы!

— И я подарю тебе огромный букет роз! — мечтательно протянула Кассиопея.

— Это будет восхитительно! А сейчас пойдем.

Тан О'Брайен взял девочку на руки, и они продолжили путь…

Шериф Люне поджидал Космического Негодяя на выходе из леса. Не успел Тан моргнуть глазом, как в его грудь смотрели с десяток бластеров. Но это был Тан О'Брайен, а значит, его замешательство продолжалось всего миг, а в следующий Тан уже держал в одной руке нож, а другая обхватывала тоненькую шейку Касси. Тан нагло ухмыльнулся, видя, как торжествующая улыбка сползает с лица шерифа.

— Пропусти меня к кораблю! — потребовал Тан.

Люне отрицательно качнул головой.

— Я перережу ей глотку!

Шериф так же безмятежно кивнул, на этот раз соглашаясь. Пальцы Тана ощущали, как трепещет в ужасе тоненькая нежная шейка. И он понял, что побежден. Понял это и шериф.

— Ты проиграл, Тан О'Брайен! Я поймал тебя.

В голосе шерифа не было подлинного торже-

ства, а лишь странная тоскливая усталость. И Тан тоже почувствовал себя уставшим. Выпустив из руки нож, он легонько оттолкнул от себя Касси и едва нашел в себе силы рассмеяться.

— Вяжите, сволочи. Ваша взяла…

Тан О'Брайен летел на Соммету, где должен был состояться суд, на борту собственного рейдера, того самого, что целых двенадцать лет черной стрелой терзал дряхлое тело Пацифиса. Только теперь руки Тана были скованы, а левую ногу обнимала цепь, другой конец которой врезался в переборку. Его хорошо кормили и не докучали душеспасительными разговорами. Лишь перед самой посадкой в каюту вошел шериф Люне. Он выглядел весьма мрачным, хотя и попытался придать голосу веселость.

— Как видишь, я обещал поймать тебя, Тан О'Брайен, и я сдержал свое обещание.

Тану не хотелось спорить, но он не мог промолчать.

— Тебе просто повезло. Если б не эта девчонка…

— Если бы я не знал тебя… — многозначительно протянул шериф.

— О чем ты? — поинтересовался Тан.

— Да ты так ничего и не понял, Тан? Здесь не

было никакой случайности. Не было никакой аварии, не было никаких погибших родителей. Была лишь маленькая девочка, спасти которую должен был Тан О'Брайен.

— Не вкручивай мне мозги, коп! — Тан усмехнулся. — Я сам видел два изуродованных трупа.

Шериф Люне прикурил черную витую сигару.

— Биомуляжи. Это очень просто. Ты попался на дешевую уловку, Тан. Да и не мог не попасться. За эти годы я слишком хорошо узнал тебя.

Кадык на шее Тана дернулся.

— Значит, вот как! — Тан передернул губы кривой усмешкой. — Все равно я не верю тебе. Ты не мог рисковать жизнью девочки, зная, что я могу убить ее!

— Да, ты прав. Я не имел права заставить ее. Она сама вызвалась сделать это, поймать мерзавца и негодяя Тана О'Брайена, который двенадцать лет назад убил ее отца и изнасиловал мать. Это было твоим первым преступлением, Тан. Наверно, ты уже и не помнишь о нем. — Тан машинально кивнул головой, и шериф продолжил, выпуская из–под усов клубы душистого дыма:

— Мать умерла при родах, и Касси осталась полной сиротой. Она сама вызвалась помочь нам, узнав о судьбе своих родителей.

— Так вот почему у нее такие волосы! — прошептал Тан.

— Необязательно. Хотя… — Шериф горько усмехнулся. — Хотя все может быть. Она хочет попрощаться с тобою, Тан.

— Хорошо, — прошептал Тан. Шерифу почудилось, что голос негодяя прозвучал зловеще.

Только не вздумай выкинуть какую–нибудь шутку! Впрочем, я буду рядом.

Шериф поднялся и распахнул дверь, впуская Касси. Девочка выглядела бледной, а ее волосы были заплетены в две аккуратные косички. Увидев Тана, девочка заикнулась, точнее, попыталась улыбнуться, ее губы дрожали. Тан заметил блеснувшую меж ресниц слезинку.

— Ну вот и все, Кассиопея, — сказал Тан, надеясь, что его голос звучит твердо. Девочка кивнула. — Мне жаль, что все так повернулось, и ты так и не увидишь моей планеты с огромными лугами из прекрасных цветов.

Губы Касси затряслись сильнее, девочка нерешительно шагнула к Тану. Шериф Люне встал за ее спиной, готовый в случае чего придти на помощь. Но Кассиопея не боялась Космического Негодяя. Прижавшись к его лицу своей веснушчатой щечкой, она шепнула, так тихо, чтобы ее

слова услышал лишь Тан:

— Тан О'Брайен, я обещаю, что каждый год буду приходить к тебе и приносить розы. Не плачь, **пожалуйста**!

И Тан ощутил, как по его щеке скользнула маленькая, горячая, словно звезда, капелька.

Кассиопея ушла, а подозрительный влажный след все еще оставался на небритой щеке Тана О'Брайена. Шериф Люне, вне всякого сомнения, видел этот след. Перед тем, как оставить Тана в одиночестве, он сказал:

— Ты большой негодяй, Тан О'Брайен, но мне будет не хватать тебя. Что–то уходит из нашего мира, может быть — и даже наверняка — не очень хорошее, но что–то уходит. Я понял это в тот миг, когда увидел тебя, выходящего из леса с девочкой на руках. А она, думаю, поняла это чуть раньше. Ты большой негодяй, Тан О'Брайен, но мне будет недоставать тебя.

Шериф умолк. Тан посмотрел в его серые усталые глаза и вдруг радостно улыбнулся.

— Черт побери, а ведь она любит меня, шериф! Любит!

Шериф не произнес ни слова. Он лишь покачал головой, так, что нельзя было понять, согласен он или нет с этим невероятным утверждением.

А потом он вышел, и Тан больше никогда не видел его.

Тана О’Брайена судили. Справедливый суд приговорил его к пятидесяти четырем тысячам тремстам двадцати четырем годам отторжения от общества. Двадцать пять лет, принимая во внимание самоотверженное поведение Тана во время спасения девочки по имени Кассиопея, справедливый суд счел возможным скостить. Космического Негодяя Тана О’Брайена поместили в самый мрачный каземат Черного форта. О нем следовало забыть. И о нем забыли. Все. Кроме маленькой рыжеволосой девочки со сказочным именем Кассиопея.

Невероятно, но она и в самом деле носила Тану О’Брайену цветы. Два раза в год, ровно до того дня, когда обитатели Пацифиса были извещены о том, что Космического Негодяя не стало.

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

О. Ш. посвящается

Она! Она ворвалась в систему Тогг ослепляющим малиновым шаром, сверкающая, веселая и опасная, подобная скачущей по ветвям шаровой молнии. Она прошла по мирам, мгновенно испепелив семнадцать спящих планет. Зрелище, достойное, чтоб за него платили. А затем она внезапно повернула и решительно направилась к Земле.

Звезда! Она шла к Земле, грозя обратить ее в межзвездное ничто. Ничего сверхужасного или сверхъестественного — обыденная гибель обычной планеты, восемнадцатой или двадцать восьмой по счету. Совсем обыденная.

Смерть! Она обыденна. Она приходит каждый день, меняя обличия, а то и ленясь сделать это. Смерть — она пугает, но не слишком, не более, чем может пугать неизбежность, если, конечно, человек осознает поэтическую прозу неизбежности. Смерть всепоглощающа. Она растворяет мир каждого, превращая бытие в бестелесную вечность. Но доселе она не грозила растворить

мир всех. Гибель грозила миру, гибель грозила всем. Черное покрывало приближающейся смерти заставило людей отложить заботы и думать лишь о ней, а еще о том, как провести ее. Черное покрывало с малиновым зраком посередине.

Прожекты! Их было множество. Ворох прожектов подгреб под себя здравый смысл. Выставить на пути звезды электромагнитное поле. Уничтожить звезду серией термоядерных взрывов. Пустить в ход импульсы высокочастотной дезинтеграции. Молить Единственного о спасении от напасти. Бежать. Бежать! Но куда? В мире не было второй Земли, а космические скитальцы, оторванные от матери–родины, обречены рано или поздно погибнуть.

Истерика! Она охватила Землю. Сотни разорялись, тысячи слабых духом вручали судьбу русской рулетке, миллионы, отбросив все, бросались в бездну наслаждений. На улицах убивали, грабили, насиловали. Полиция меланхолично рассматривала часы, дробно ломающие последние мгновения суетного бытия.

Мессии! Они были, есть и будут. Недолго, но будут. Три десятка кораблей стартовали один за другим к стремительно падающей звезде. Треть были начинены зарядами, каждый из которых

мог обратить в черный пепел среднюю планету. Треть имели дезинтегрирующие установки. Треть — тонкую сеть магнитных ловушек. Первые один за другим отчаянно упали на звезду, расплавив термоядерную ярость в плазменном пекле всепоглощающих протуберанцев. Вторые задействовали дезинтеграторы, вызвав грандиозный выброс энергии, поглотившей безумцев. Третьи расставили сети и были затянуты запутавшейся в переплетении липких нитей звездой в ее огненное чрево. И одни, и другие, и последние не сумели ни остановить звезду, ни сбить ее с курса. Раскаленный гигантский шар продолжал свой стремительный бег к Земле.

Диск! Он занял уже добрую четверть неба. Ярко-малиновый с обжигающе–белой корочкой по краям. Всепобеждающий и могучий, он ослеплял своей ужасающей красотой, заставляя людей и крыс искать спасения в подвалах. Ссохлась трава, листья пожелтели и свернулись хрупкими спиральками. Реки и моря обмелели, а поглощенная из них влага превратилась в облака, жадно пожираемые ослепительным потоком лучей звезды. Это был конец, и ничто не могло отвратить его.

Великий Консул! Он принял Ольрика в кабинете, спрятанном в бездонной шахте. Великий

Консул был стар и мудр, Ольрик — молод и дерзок.

— Так ты утверждаешь, что можешь уговорить звезду?

— Да.

— Выходит, ты разговариваешь со звездами?

— Иногда. По ночам. Когда не спится.

— Чушь. — Великий Консул искоса посмотрел на Ольрика и криво улыбнулся. — Впрочем, нам нечего терять. Ты получишь все, что хочешь.

— Мне нужен лишь корабль.

— Хорошо, я дам тебе его. Но знай, в корабль будет заложена мина, которую взорвут по истечении трех дней. Это на тот случай, если ты попытаешься обмануть и сбежать.

— Главное, чтобы она не взорвалась раньше, — улыбнулся Ольрик.

Корабль! Живой и мертвый одновременно. Он живет своей загадочной жизнью, окрашивая инверсионной струей спектральное излучение звезд. Он подобен падающей стреле, на излете ввинчивающей остриё в черное лоно космоса. Он отчаянно–весел, ощущая в себе биение сердца человека, и грустен, когда это биение затухает, и мертв. Мертвые остовы кораблей, вечные странники в вечном. Они негромко переклика-

ются между собой, зачем–то избегая жарких и ласковых объятий звезд. Порой их засасывают черные дыры — высшая эманация ничто. Быть может, там они обретают покой. А быть может, возвращают себе прежнюю отчаянную веселость, ибо кто ведает — а вдруг черные дыры обращают ход времени вспять, прокуренным пальцем проворачивая столетия против часовой стрелки? Мы ничего не знаем о них, как не знают о них корабли.

Пуля! Она дура, но лишь потому, что прилетает не ко времени. Ей неведомо, что иногда стоит немного опоздать, как на свидание, и провести отсчет тем мгновениям, когда любимая недоуменно топчется под спешащими вперед часами. Эти мгновения равны Вере, эти мгновения равны Надежде, а главное — они равны Любви. Не верьте, что последней умирает Надежда, последней умирает Любовь. Иначе на что остается надеяться? Великий Консул нажал на курок. Маленькая свинцовая дура стремительно покинула материнское ложе, даже не подумав о том, что, быть может, стоило бы немного помедлить. На то она и дура. Глухой звук падающего тела — пред ним умерла Надежда. А с ним умерла Любовь.

Чудо! Его не ждали. На него уже не надеялись.

Но оно свершилось. Звезда вдруг замедлила ход и отвернула в сторону. Ошеломленные, отказывающиеся поверить в спасение люди вылезли из подвалов и, раскрыв рты, взирали на уменьшающийся малиновый щит–диск–яблоко–вишню–точку–искорку. А вместе с ними разевали в восторге пасти вернувшиеся из нор крысы. Мир ликовал и праздновал свое спасение. Он обретал радость жизни. А смерть ушла. Мир ликовал и славил героя.

Герой! Он был молод и беспечен, и, удивительно, он не считал себя героем.

— Я не герой. Я человек, разговаривающий со звездами.

— Конечно, конечно! — сладко восклицал новый Великий Консул, старый и мудрый. — Это так естественно — говорить со звездами! — Он понижал голос и вкрадчиво шептал: — Скажи, Ольрик, ведь ты изобрел силу, способную обратить звезду вспять? Отдай силу миру, и мы наречем ее твоим именем.

Улыбку на лице Ольрика сменила усталость.

— У меня нет силы. Я просто поговорил с ней.

— Ты напрасно запираешься, — сказал Консул и велел схватить Ольрика. Ведь кто знает, что можно ожидать от человека, сумевшего повер-

нуть вспять блуждающую звезду.

И Мудрые порешили казнить его, сказав:

— Так как он спас наш мир, пусть его смерть будет легкой и веселой.

А люди смеялись и танцевали, широко разевая острозубые пасти. А крысы болтали, торопливо давясь утащенной корочкой сыра:

— Отличный парень. Он очень правильно сделал, отвратя звезду от наших нор. Но зачем он берет на себя то, что не дано ни человеку, ни крысе?

Крысы были счастливы, ибо их слова переполняла мудрость.

Ольрик! Он не протестовал. Он знал, что Умеющий разговаривать со звездами не вправе жить среди людей, ни даже среди крыс. Он грустно улыбался, а в черных зрачках его светились крохотные малиновые искорки, подобные тем, что были в сердце звезды. А перед тем, как умереть — смерть его была легкой, словно жизнь, — он сказал, вдруг став серьезным:

— Вы так ничего и не поняли. И не поймете. Звезды подобны нам. В их малиновых сердцах нет ни жестокости, ни кровавой ярости. Просто звезды одиноки, просто звезды, как и люди, ищут друг друга.

Сказав это, Ольрик исчез. Навсегда. Люди решили, что он умер, крысы торговали сувенирами–костями, выдавая их за останки героя, а мудрая философствующая крысища поселилась в изъеденном тленом черепе и патетически восклицала, демонстрируя перед восторженными собратьями свою ученость:

— Бедный Ольрик!

Они! И никто не знал, что далеко–далеко в бескрайнем космосе вдруг замедлила бег, а потом застыла на месте звезда — звезда, обретшая друга.

ЧЕЛОВЕК БЫЛ…

Вначале была Истина[1]*…*

(Евангелие от Иоанна 1.1)

Он был мастером на бесконечные споры, этот Лоу Лоусон, астронавт с Котоглавца. Он был отчаянно смелым парнем. И еще он был немного чудаком. Впрочем, возможно, он считал чудаками всех остальных.

Лоусон занимался каботажными перевозками, перемещая на своем корвете партии грузов вдоль периметра Большого кольца. Нудная работа, однако она гарантировала заработок — не слишком большой, но вполне достаточный, чтобы наполнить конденсаторы энергией, а брюхо — настоящим пивом под натуральный бифштекс с чипсами из репокара. Многие мечтали о подобной доле. Лоусон ненавидел ее. Порой он срывался и исчезал, иногда на пару дней, иногда на месяцы. Где был Лоусон и чем занимался, не знал никто, кроме его лучшего друга Ве Наурда,

---

[1] Примечания: 1

Греческое слово «логос» (λόγος), трактуемое переводчиком Библии как «слово», на деле соответствует нескольким определениям, одно из которых — «истина».

обычно сопровождавшего Лоусона в качестве напарника, но возвращался он усталый, помятый и неизменно счастливый. Поговаривали, что Лоусон баловался контрабандой и незаконной добычей редких металлов на планетах Компании, однако схватить его за руку не удавалось никому. А еще у Лоусона была мечта. Такая же сумасшедшая, как и он сам. Он рассказал об этой своей мечте лишь Ве Наурду. В тот раз они летели на Гамму Ордеона. Лоусон молча сидел в капитанском кресле. Все было в норме, заняться было нечем. В такие мгновения хотелось застыть и тупо размышлять ни о чем. Ве Наурд так и сделал. Он вообразил великолепную девочку, розовую и стройноногую с пухленькой аппетитной попкой, и медленно раздевал ее, смакуя каждое свое движение. Он уже дошел до самого интересного места, когда вдруг Лоусон заговорил, вынудив Ве оставить трусики на своем месте.

— Знаешь, Ве, о чем я мечтаю? — спросил Лоусон.

— Понятия не имею, Лоу, — честно признался Наурд, слегка раздосадованный тем, что его отвлекли.

— Ты туп, Ве, словно свинья. Ты никогда не мечтал.

Ве Наурд задумался. Он и вправду не знал, мечтал ли когда–нибудь. Возможно, он мечтал, грезя о розовой круглой попке, но Ве не был на все сто уверен, что это можно назвать мечтой, и еще меньше в том, что это настоящая мечта, что, узнав о ней, Лоу не захохочет и не прибавит ласково: ну и тупица же ты, Ве! Безопасней было согласиться с Лоу. Ве Наурд так и сделал. Он кивнул и сказал, слегка надувая для важности толстые щеки:

— Я думаю, ты прав, Лоу. Я никогда не мечтал. Уметь мечтать — это высший класс!

Лоусон фыркнул. Он был неглупый и образованный малый. Манеры Ве Наурда нередко смешили его.

— И тебя не интересует, о чем я мечтаю?

Ве Наурд заколебался. Ему хотелось сказать: нет, не интересует, — и вернуться к созерцанию облаченной в кружевные трусики попки, но он чувствовал, что Лоу ждет другого ответа. Пусть Ве был не очень умен, но в сообразительности ему отказать было нельзя. Недаром Лоу Лоусон брал его своим компаньоном.

— Еще как интересует! — с жаром произнес Ве.

Как он и ждал, ответ пришелся по душе приятелю. Лоусон ради важности чуточку помолчал, а затем спросил, уставя взор между Трехглавым

Лебедем и Безобразной Собакой:

— Что ты скажешь о Черной дыре?

Ве задумался. Что он мог сказать о Черной дыре? Ровным счетом ничего. Это было именно то, о чем он не мог сказать. Обитатели Большого кольца знали абсолютно все, и это делало их прагматиками. А может быть, они были прагматиками изначально. Знание заменяло веру. Они не верили в Бога. Они не верили ни во что, ибо знали, из чего состоит это «что». Они не знали лишь единственное — что представляет собой Черная дыра. И потому Ве понятия не имел, что сказать. Он так и ответил:

— Понятия не имею. — И чтобы не выглядеть полным идиотом, спросил: — А ты?

— Я тоже, — честно признался Лоусон. — Но я хочу сказать о ней.

— А что?

— Не знаю. — Лоусон положил в рот опийную жвачку и задвигал челюстями. — Но я хотел бы о ней знать. Ведь я человек.

Ве Наурд не сказал на это ничего. Черная дыра мало волновала его воображение. Ему вполне было достаточно твердо усвоенного еще в космошколе правила: не приближайся к Черной дыре. Утверждали, что эта заповедь существова-

ла всегда, даже еще до возникновения Большого кольца, а возможно, и раньше. Никогда не приближайся к Черной дыре! Почему? — над этим вопросом Ве не задумывался.

Лоусон молчал, и тогда Ве вернулся к прежнему занятию. Он извлек из тайника подсознания очаровательную девушку и принялся раздевать ее. На этот раз Ве дошел до заветных трусиков и нежным движением потянул их вниз. И зажмурился. На него смотрел жуткий зрак Черной дыры. Ве Наурд едва не поперхнулся. Ему пришлось несколько раз сглотнуть и помассировать кадык. А потом он спросил:

— Зачем?

— Что зачем? — переспросил Лоусон.

— Зачем тебе Черная дыра?

— Не знаю. Я просто вдруг подумал: а что там?

— Ничего. Временной парадокс или дезинтегрирующие вихри. Тебя засосет и разложит на микролептоны. От тебя не останется ничего, даже имени. Третья формула Гейвница.

— Точно. $К^{2}/_{Нс}СР_{О}II/_{8}Х + Т/Y - М_{О}/_{С}$, — заученно пробормотал Лоусон. — Но все же интересно.

— Но зачем?

— Зачем! Зачем! Заладил! Просто так! — резко оборвал Лоусон и, закрыв глаза, откинулся на

мягкий подголовник, всем своим видом показывая, что Ве Наурд со своими глупостями надоел ему. Лоусон не промолвил больше ни слова и долго не разговаривал на эту тему.

Вернулся он к ней спустя несколько месяцев, когда они шли через созвездие Скорпиона. Здесь, между вторым и третьим сочленениями хвоста, и находилась Черная дыра, открытая некогда Ником Фетисом. Корабль шел мимо нее всего в какой–нибудь паре парсеков. Черная дыра не производила устрашающего впечатления — хаотичное переплетение красных и золотистых нитей, широкое в чаше, сужающееся к основанию и исчезающее. Она ломала пространство, и потому звезды, прячущиеся за ее спиной, выглядели неестественно яркими. Лоусон зачарованно смотрел на эту картину, а потом вдруг промолвил, слегка испугав Ве Наурда:

— А я хотел бы залететь туда.

— И потерял бы голову! — мгновенно отреагировал Ве.

— Ну и что! А может быть, нет. А разве человеку не стоит рискнуть головой ради того, чтобы постичь неведомое?

— Тогда уж лучше высадиться на Р–14 у Сигмы Льва. Там тоже нетрудно потерять голову, но

зато там попадаются алмазы, величиной с голову быка. Мы могли б неплохо заработать.

— И нажить кучу неприятностей от Компании.

— Ну и что! — ответил на этот раз Ве Наурд. Он мыслил прагматично, в отличие от приятеля. — Ради такого куска можно было б рискнуть. А лезть в какую–то дыру, толком не зная, что в ней, увольте!

— А вдруг она дала б нам то, что несравнимо ни с каким богатством?!

— Мне не надо твоего «то». Я согласен просто быть богатым. Если она превращает пыль в золото, я, пожалуй, рискнул бы. Но она не похожа на рождественского дядюшку. Я люблю тебя, Лоу! Забудь эти глупости. Пусть какой–нибудь дурак засунет туда голову первым и, если ему повезет, мы станем вторыми!

— Вторыми… — задумчиво пробормотал Лоусон. Он открыл рот, желая прибавить еще что–то, но так ничего и не сказал. По чистому лбу его пролегла глубокая морщинка, в глазах появился лихорадочный блеск.

— Иди–ка лучше выспись! — советовал Ве Наурд.

— Ты прав, Ве, — сказал Лоусон и ушел в свою каюту.

Больше он не заводил подобных разговоров. Он стал непривычно расчетлив. По предложению Лоусона друзья высадились на B–14 и наковыряли целый контейнер превосходных алмазов. Это было опасное предприятие. Ве едва не сожрала какая–то прыгающая тварь, а на обратном пути пришлось удирать от патрульных катеров Компании. Но все закончилось более чем благополучно. Продав свою добычу с немалой выгодой, приятели купили на Ельнере новый корабль. Теперь каждый из них имел по кораблю. Лоусон великодушно уступил Ве свою старую посудину, подняв флаг на новом корвете. Они шли рядом и вновь через систему Скорпиона. Лоусон сказал, что у него есть неотложное дело на Шанарде. Ве Наурд не стал задавать лишних вопросов. Он был счастлив, у него были деньги, ему все равно было, куда лететь.

Неладное Ве заподозрил слишком поздно, когда они уже шли через хвост Скорпиона.

- Лоу, ты уверен, что знаешь, что делаешь? — спросил Ве Наурд. Он увидел Черную дыру и вспомнил слова, сказанные когда–то Лоусоном.

— Вполне.

— Лоу, Шанарда находится на пятнадцать координат ниже по плоскости.

— Я знаю, Ве. Ты извини меня… — Лоусон замолчал, и Ве Наурд испугался.

— За что?

— Я ведь обманул тебя. — Ближайшая к Ве желтая звезда ехидно подмигнула кошачьим зраком… — Меня не интересует эта чертова Шанарда. Я пришел сюда, чтобы войти в Черную дыру.

— Лоу, не надо, — попросил Ве Наурд.

— Я должен. Если не я, то кто? Там что–то есть. Что–то такое, что сокрыто от нас. Я хочу узнать это.

— Там ничего нет! Опомнись, Лоу! Остановись, пока еще не поздно!

— Поздно, — отрезал Лоусон. — Ты глуп, Ве, но ты мой друг. Ты получил все, о чем мечтал. Дай же и мне получить то, о чем мечтаю я.

Ве заплакал. Лоусон рассмеялся.

— Я чувствую, это будет презанятно!

— Ты умрешь! — со слезами на глазах закричал Ве.

— Ну и что? Разве смерть самое страшное? Разве тайна не стоит человеческой жизни? Разве не стоит отдать жизнь за то, чтобы проникнуть туда, откуда не вернулся никто и, быть может, куда никто и не отправлялся? Разве я не именую себя человеком, чтобы бояться какой–то дурац-

кой смерти?! Как много разве! — голос Лоусона был звонок, словно стеклянная капель. — Ну, я пошел, Ве! Пока!

Ве кричал, но Лоусон не отзывался. Лишь одна короткая фраза, небрежно выброшенная из ничто:

— А здесь и вправду занятно. Я…

И все.

Ве понял, что Лоу Лоусон умер…

Лоусон еще не знал об этом. Ему вовсе не хотелось умирать. Ему хотелось знать. И желание познания было сильнее, чем нежелание смерти. Смерть таилась где–то рядом, в сплетении разноцветных спиралей. Лоусон не думал о ней. Он направлял свой корабль вперед, потому что когда–то, быть может, мгновение назад, а возможно, и в раннем детстве, он понял, что не может поступить иначе. Он был рожден, чтобы войти в Черную дыру. Черная дыра манила его, клейко опутывая разноцветным фейерверком переплетенных параллелей, и Лоусон уже не мог, да и не хотел противиться этому влечению. До отказа сдвинув рычаги управления, он задал двигателям полную мощность и нырнул в неизвестность.

Здесь все было не так. Этот мир не был похож на тот, к которому привык Лоусон. Этот мир не

был похож на обычный, и даже на не совсем обычный. Это вообще не походило на мир.

Черная дыра всегда грезилась Лоусону воронкообразным переплетением сетки координат — так видели ее те, кто ею пугали. На деле все было гораздо проще и куда сложнее. Глаза мгновенно утратили всякое представление о форме и объеме. Мириады стремительно извивающихся спиралей, вовсе не похожих на распущенные пружины. Спирали были многоцветны и причудливы формой. Они походили то на изогнутую иглу, то вдруг разрастались в подобие шара, то принимали такие контуры, каким Лоусон даже не мог дать определение. Они завели бесконечный хоровод, заполонив собою все то, что было вне корабля; затем они пролезли внутрь и поглотили рубку, покрыв яркой паутиной приборную панель и переборки. С ними пришел звук, также слабо поддающийся привычным представлениям. Пение, мелодия, свист, шум, крик, плач, смех, рычание, стон, вопль… Вопль, похожий на ликующую песню. Этот звук пронизывал насквозь, он полз по артериям, проламывал мембраны клеток и растекался по вакуолям. Он мял, терзал, разрывал на части. Он нес боль и наслаждение, и горячее желание, чтоб все это продолжалось.

И вновь вились спирали. Они вели себя подобно звуку — они наступали, обращая плоть Лоусона в собственное естество. Они разрывали мышцы, дробили кости, заточенными патефонными пружинами строгали на мелкие клочки кожу.

Они терзали плоть, не трогая лишь одного — сознания. И настал миг, когда Лоусон ощутил, что его больше нет. Не было и корабля. Черная дыра поглотила их, подобно лучу солнца, выпивающему воду. И пришло странное чувство.

Чувство причастности.

Лоусон, точнее Тот, кто раньше им был, вдруг ощутил себя частью чего–то, чего и сам не знал. Едва он понял это, как хоровод спиралей распался, исчез, словно по волшебству. Все обрело цвета, непривычные, но осмысленные. Хаос звуков оформился в мелодию, довольно странную, но очень приятную. Мелодия была то холодной, то азартной, в ней было много гремящего металла, через миг сменяющегося мягким перебором нейлоновых струн.

И Тот, что прежде был Лоусоном, увидел Черную дыру — бесконечные, разграфленные черненым золотом соты, до отказа заполненные невесомой материей несовершенного. То была первооснова, и ключ ее принадлежал Тому, кто когда–то на-

зывал себя Лоусоном. Он мог сотворить все, что желал. Он знал, как это сделать. Для начала он сотворил тело — небольшое и могучее, с руками, ногами и крыльями. На гордо посаженную голову Тот, кого знали как Лоусона, вдруг захотел примерить рога, два витых рога, что немедленно и сделал — ведь он мог делать. Он расправил крылья и устремился вперед — прекрасный, всеобладающий и всемогучий. Он летел средь фантастических миров, где пели прекрасные девушки, и огромные, похожие на слонов животные отплясывали грациозные брачные танцы. Он видел леса, дышащие голубой корою деревьев, утопающие в поймах рек алые луга, острые, словно бивни, белоснежные пики гор. Он видел тысячи солнц — оранжевых, малиновых и фиолетовых. Он видел много черного, словно дыра, которая стала его естеством, но теперь черное распадалось на мириады оттенков, ведь абсолютно черного не существует; даже космическая ночь есть не что иное, как наитемнейший оттенок горного снега. А сколько в черном багрянца, лазури и камеди! А еще здесь есть киноварь и пурпур, и влажно–золотистый блеск сорванных на заре лимонов. Цвели сады, и рыбаки вытаскивали сети с среброчешуйчатой рыбой. Некто ходил по

воде, и Тот, кто некогда именовал себя Лоусоном, внезапно подумал, что и он теперь сможет вот так, запросто ходить по воде. Теперь он мог все.

Он жадно вслушивался в звонкий перебор струн, яростно и нежно взывающих:

— Ты познал Истину! Ты стал частью Истины! Ты — слуга Истины!

И новое существо Того, кто некогда откликался на имя Лоусон, трепетало от сладкой истомы.

Краски заключенных в соты миров манили его. Тот, кого недавно считали Лоусоном, взламывал замки и рисовал цветную радугу, какой не видел никто. В ней были сотни, тысячи, мириады оттенков. Небрежно разбросанные по черному бесцветью невесомого стекла, они образовывали ковер, аляповатый и безвкусный, поющий нестройные песни. Тот, кого мать нарекла Лоусоном, повел руками, и краски стали перемещаться, порождая очертания, подвластные законам высшей гармонии. Музыка также обретала стройность, выстраивая звуки шеренгами стойких одноногих солдатиков, и вскоре все вокруг содрогалось от могучих аккордов. Это была неистовая симфония, беспорядочно перебрасывающаяся тонами. Тот, кто был прежде Лоусоном, навел порядок и здесь, оформив звуки по регистрам — от альтового ряда

пельтастов до двенадцатидюймовок–басов. Во время действа он поймал себя на том, что ему нравится наводить порядок. В порядке была Истина. Он летел сквозь ячеи миров, составлявших естество Черной дыры, и вносил в них искру, именуемую Истиной. Взамен миры дарили Тому, кого когда–то называли Лоусоном, безбрежную силу, огненным потоком заполнявшую каждую клеточку нового тела. Сила была грандиозной, близкой к бесконечной. Он жадно пил ее, прихватывая губами за звездные сосцы. Он остановился лишь тогда, когда понял, что может все. Он пожелал удостовериться в своем открытии и широко развел руки, испустив два потока, бешено искрящихся сквозь разноцветную темноту. Потоки скользнули вдоль конуса, где–то на периферии безбрежности столкнулись и слились, крепко прижавшись друг к другу. И вспыхнула звезда, столь яркая, что у Того, кто считал себя Лоусоном, почти заболели глаза. Почти, ибо уже не было света, способного заставить зажмуриться Того, кто гордо именовал себя человеком.

И Тот закричал:

— Истина! Я Повелитель Истины! Я человек!

Закричал так громко, что задрожали желе туманностей, а звездный Скорпион вонзил ядо-

витое жало в свою спину и забился в судорогах, разбрасывая во все стороны комки комет. По черному с белизной небу мчались Псы, пытающиеся догнать двух гончих Медведей. Пел Рог, Кассиопея поднимала бокал с растворенным в уксусе жемчугом, крылатый Пегас стремительно плыл меж рифов, распугивая крылатых Дельфинов. Что–то мерили Весы, звонкие ходики Времени отбивали ход. То медленно, то быстро, так, как хотел Тот, кто некогда считал себя человеком.

— Человек! — закричал Он, рассекая своим криком на части ровно переплетенные модули сот. Те превратились в блестки и бросились во все стороны, пронзая пространство от края до края.

— И все, — сказал Родившийся Лоусоном, расхохотавшись. А потом Он закрыл глаза и пожелал очутиться на своем старом корабле.

Лицо объявившегося в рубке гостя было другим, но Ве Наурд признал его.

— Ты ведь Лоусон?

— Да, — ответил Он и не узнал собственного голоса.

— Ты вернулся?

Он кивнул, проскрежетав рогами по металлу переборки.

— Я вернулся. Я пришел, чтобы дать вам Исти-

ну.

— Здорово! — выдавил побледневший от восторга Ве Наурд. — Вот бы мне так!

— Поздно. Я же сказал тебе — иногда случается так, что не бывает вторых! — Тот, кто пытался убедить себя в том, что он Лоусон, был уверен, что прежде говорил это. — Ве Наурд, ты будешь счастлив, если пойдешь со мной?!

— Да, Лоу! С радостью, Лоу! Ведь ты меня знаешь! Я твой друг!

— Конечно, — согласился Тот, кто имел друга, и Ве Наурд превратился в прекрасную золотокожую свинью.

Ве был слишком туп, чтобы быть человеком. Истина требовала, чтобы тупой Ве Наурд занял подобающее ему место. А потом Тот, кто был для Ве Наурда просто Лоу, повел корабль меж планетами, перекраивая миры так, как подсказывала переполнявшая его Истина.

Не все верили в нее. Тот, кто некогда отзывался на имя Лоусон, заставил в нее поверить. Он уничтожил корабли и стер города, заполненные тленом всезнайства и скепсиса, Он исправил знание, разделив его на равные части. Одна из них, меньшая, была оставлена поверившим в Него, другая заняла место в ячеях Истины.

И тогда Тот, кого сделали из Лоусона, провозгласил:

— Это сделал Я, человек, Тот, кому принадлежит Все! А Черная дыра тихонько шепнула:

— Это сделал ты, Повелитель и Слуга Истины. — И тоненько рассмеялась…

Много воды утекло с тех пор. Обмелели реки, пересохли моря. Золотистый песок обрел пурпурный цвет, но, как и прежде, сухо шуршал под ногами бредущих на водопой людей. Они были наги и босы, в их желудках урчало от голода. Но они были счастливы и славили Того, кто открыл им Истину.

1 В начале была Истина, и Истина
была у Бога, и Истина была Бог.
2 Она была в начале у Бога.
3 Все чрез него начало быть,
И без него ничто не начало быть,
что начало быть.
4 В Нем была жизнь, и жизнь
была свет человеков;
5 И свет во тьме светит, и
тьма не объяла его.
6 Был человек…

Но вначале была Истина…

Но был человек, хотя мало кто помнил об этом. И никто не помнил, что его звали Лоусон.

Человек был…

ВЫБОР МАКГРОУНА

Знаменитый профессор Зерц оказался маленьким невзрачным человечком с ничем не примечательной наружностью. По сравнению со статным богатырем Гарри Макгроуном он выглядел тусклой амебой, каких тысячи и тысячи. Попадись такой в толпе, его и не различишь. Меж тем профессор Зерц был известнейшим ученым, почетным доктором бесчисленного множества университетов и лауреатом Федерации. Именно Зерц сумел доказать теорию Эйнштейна–Ратовского и покорил время и пространство. Для посетителя в серебристом комбинезоне профессор Зерц был сейчас богом и царем. Ведь от решения профессора зависела судьба астропилота второго класса Гарри Макгроуна. И не только его.

Поблескивая старомодными сферическими линзами, профессор долго рассматривал своего гостя, после чего произнес:

— Мне известна суть дела. Значит, вы желаете переместиться в прошлое?

— Да. — Побледневшие губы Макгроуна выдавили этот звук едва слышно. Зато вторая часть

ответа была подобна четкому военному рапорту.
— На 102 дня назад, в 2274 год, третий день летней фазы. В тот день.

Профессор рассеянно кивнул. Он оглядел пальцы левой руки, обнаружил ноготь–переросток и со вкусом обгрыз его.

— Цель?

— Спасти человека.

— Женщину, которая, как вы предполагаете, пожертвовала ради вас жизнью?

— Да.

— И убить того, кто был причиной ее смерти?

— Да, — твердо сказал Макгроун. — Он все равно уже мертв.

— Я знаю. — Профессор Зерц смешно причмокнул. — Кодекс запрещает убийства.

— Это была самооборона.

— Так. Но если изменить ситуацию, это станет убийством.

Макгроун криво усмехнулся.

— Лучше убить самому…

Он не докончил, потому что голос его осекся. Профессор внимательно глядел на посетителя. В широко расставленных глазах, изуродованных искажением линз, угадывалось сочувствие.

— Я понимаю вас. Мне самому приходилось

терять.

— Тогда помогите мне!

Профессор Зерц ничего не сказал. Поднявшись из–за своего громадного стола, он подошел к окну, за которым светило тусклое солнце. В небе виднелась вытянувшаяся в дугу стая птиц. Профессор следил за ними, пока крохотные черточки не растворились вдали. Макгроун терпеливо ждал. Наконец хозяин повернулся к нему.

— Вы представляете, чем вам это грозит?

— Да, мне известно, что я не смогу вернуться обратно.

— И всю жизнь проведете в ином мире, параллельном нашему. И я даже не смогу приблизительно описать его. Быть может, в нем свирепствуют ужасные эпидемии и войны. Быть может, в том мире царят произвол и тирания.

Макгроун передернул плечами.

— Мне все равно. Важно лишь то, что я буду вместе с ней.

— Вы твердо решили?

— Да.

— В таком случае я готов исполнить вашу просьбу. Судебное разбирательство по вашему делу завершено?

— Да. Меня оправдали.

Макгроун сказал это и покосился на лакированную поверхность стола, где лежала копия судебного протокола.

— Коллегия астрофлота не возражает против вашего перемещения?

— Нет. Я получил отставку.

— Разрешение эмиграционного совета?

Макгроун кивнул, почувствовав легкое раздражение. Все необходимые бумаги лежали на столе профессора Зерца.

— Тогда я не вижу никаких препятствий. — Профессор уселся в кресло и извлек бланк, отпечатанный на плотной светло–желтой бумаге. — Мистер Макгроун, мы можем заключить договор. Сколько вам потребуется времени, чтобы привести в порядок дела?

— Я готов отправиться хоть сейчас.

Ученый снисходительно усмехнулся.

— Не спешите, Макгроун. Подумайте хотя бы над тем, что возьмете с собой. Учтите, вес груза не должен превышать пятнадцати фунтов. Возьмите все, что сочтете нужным, с соблюдением, естественно, таможенных правил. Полагаю, вы знакомы с ними. — Макгроун кивнул. — Тогда распишитесь вот здесь.

Астронавт придвинул к себе бланк договора

и старательно вывел в указанном профессором месте свою фамилию.

— Все?

— Да. Вы можете идти. Жду вас через день точно в это время.

Макгроун поднялся и отвесил легкий поклон. Профессор Зерц небрежно дернул головой. Признанный гений, он мог позволить себе подобную бестактность по отношению к обычному Хранителю. Когда Макгроун вышел, профессор взял светоперо и сделал несколько коротких пометок на бланке, подписанном астронавтом. Затем он сунул лист в тисненую золотом кожаную папку и забыл о посетителе. У профессора Зерца было много хлопот.

* * *

В северном полушарии Земли царила осень. Землю покрывал ковер из опавших листьев — желтых, серых, багровых, темно–коричневых. В них была печаль по ускользающему времени. Такая же печаль переполняла сердце Макгроуна.

У Гарри Макгроуна был брат по имени Тед. Гарри не видел своего брата с тех пор, как поступил в Академию Хранителей. Не потому, что чуждался родственных связей. Просто у него не случилось

свободной минуты, чтобы съездить в городок Дастополь, где жил Тед.

Тед и его семья занимали уютный двухэтажный домик, весь укутанный желтой кипенью умирающих листьев. Он был искренне рад приезду брата. Ведь они не виделись… Сколько же они не виделись?

— Долго, — сказал Гарри.

Жена Теда, симпатичная полноватая брюнетка, расторопно накрыла стол в саду. Тед извлек бутыль самодельного вина, чуть мутноватого на свет и с приятной кислинкой на вкус. Он налил брату полный стакан и поинтересовался, не собирается ли тот подать в отставку и насовсем вернуться в родные края.

— Я уже в отставке, Тед, — ответил Макгроун. — Вот только вернуться сюда мне вряд ли удастся.

— Почему? — спросил Тед. На лице его было написано искреннее недоумение.

Гарри с теплотой подумал, что Тед остался таким же добродушным телком, каким был в детстве. Гарри Макгроуну не следовало говорить брату правду, договор запрещал делать это, но он не мог исчезнуть бесследно, подобно тому, как исчезали космические разведчики, авантюристы, раздвигавшие пределы познанной Вселенной. И

потому он сказал:

— Я покидаю этот мир. Ты слышал об открытии Зерца?

Тед раскрыл рот и испуганно кивнул. Конечно же, он знает о профессоре Зерце. Брат предстал перед Тедом этаким отважным исполином, бросающимся в бездну неведомого. Тед спросил, без всякого умысла, просто из любопытства:

— Гарри, что чувствует человек, покидающий свой мир?

Что ощущает человек, покидающий свой мир?

Наверно, тоску, страх, напряжение перед неведомым.

Макгроун был чужд всего этого. Он был спокоен, а внутри, там, где должно биться сердце, застыл кусок льда. И ничто не могло растопить этот лед, образовавшийся в тот день, страшный день, когда умерла Тина.

Прошло немало времени, но стоило Макгроуну вспомнить о Тине, как ее образ моментально возникал перед взором. Он познакомился с Тиной примерно два года назад на базе в Ракеоне. Крейсер «Стремительный», на которое служил Макгроун, проходил профилактический осмотр. Астронавты использовали эту передышку, чтобы расслабиться. Обстановка была сложной. Корабли

Свободной Конфедерации то и дело появлялись на торговых перекрестках, грабя транспорты и пассажирские лайнеры. Хранителям некогда было вздохнуть. Крейсера возвращались с дежурства, получали энергопитание, боекомплект и продукты, и на следующий день вновь выходили в космос. Профилактика была для экипажа «Стремительного» нежданным подарком судьбы. Грех было не воспользоваться им. Спросив разрешения командора Бриджеса, Макгроун и его закадычный приятель Лейв быстренько свалили с корабля и устремились прямиком в ракеонский бар. Это заведение было далеко не лучшим из тех, в которых довелось побывать лихому астронавту Гарри Макгроуну. Здесь было тесновато, сумрачно и слишком много серебристого цвета. Последнего было даже в переизбытке, потому что клиентами бара были почти исключительно Хранители, использующие короткую передышку между дежурствами. Среди серебристых комбинезонов лишь изредка можно было заметить красно–синюю одежду торговца или фривольный наряд залетевшей на огонек ночной бабочки. Словом, бар был не из лучших, но приятелей он вполне устраивал. Найдя пару свободных мест, они прочно заняли их и приступили к веселью.

Гарри заказал пару пива, а Лейв, которого от пива пучило, солидную порцию чистого виски. Гулять так гулять! Подобным образом поступали не только они. Каждый Хранитель, оказавшийся в баре, считал делом чести как следует нализаться. А Гарри и Лейв слыли мастерами этого дела. В тот день они собирались нагрузиться по полной программе.

Симпатичную девицу в комбинезоне вспомогательной службы заметил Лейв. На крейсере женщина редкость, тем более хорошенькая. Лейв сорвался с места и через миг притащил незнакомку к столику. Гарри проявил галантность, уступив ей свое место. Впрочем, ему не пришлось стоять. Молоденький астронавт с нашивкой катерников был слишком пьян, чтобы продолжать веселье. Макгроун направил нализавшегося катерника под стол, а сам занял его место.

Лейв подозвал официанта и повторил заказ, а для гостьи выбрал самый дорогой коктейль, который только можно было заказать в этой дыре. Он сорил деньгами и был ужасно весел, слова прямо–таки сыпались из него. Гарри больше молчал, разглядывая девушку.

Вначале она показалась ему так себе. Стройная фигурка, пышные волосы, милое личико. Таких

миллионы. Макгроун уже собрался заскучать, когда гостья вдруг взглянула на него. Их взгляды встретились, и Гарри остолбенел. Глаза! Они были глубокие, словно колодец, и синие, как вечернее небо. Они жили отдельно от лица. Они смеялись, сердились, грустили, шептали, пели. Это были самые прекрасные глаза в мире.

Друзья выпили еще, а затем гостья поднялась и сказала, что ей пора. Гарри и Лейв как галантные кавалеры вызвались проводить ее. Лейв сиял в предвкушении успеха, недаром же он был столь красноречив. Но девушка на мгновение задумалась и выбрала Макгроуна. Они ушли, оставив Лейва предаваться пьяной грусти. По дороге они как следует познакомились. Девушку звали Тиной. Она служила в бригаде, обслуживавшей крейсера. Как–то само собой так вышло, что Гарри объяснился Тине в любви. Конечно, это слишком старомодно, но об ином невозможно было думать, глядя в эти прекрасные глаза. Тина рассмеялась и поцеловала Гарри на прощание. Они встречались еще несколько раз, а когда крейсер ушел на патрулирование, Гарри не переставая думал о девушке с темно–синими глазами. Не обращая внимания на беззлобное подтрунивание Лейва, он терпеливо дожидался возвращения на

Ракеон. Когда ж вернулся, то оба они признались, что не в силах больше переносить столь долгую разлуку. К счастью или к несчастью, влюбленным повезло. Одного из астротехников списали с корабля. Срочно требовалась замена, и Гарри с Лейвом привели к командору Бриджесу Тину. Командор не стал возражать, он был не чужд человеческих слабостей. Девушку зачислили в экипаж крейсера.

Это было самое счастливое время в жизни Макгроуна. Он словно летал на крыльях. Командор Бриджес улыбался, глядя ему вслед. Крейсер патрулировал торговые трассы, возвращался, а затем уходил вновь. Но теперь Тина была рядом, и Макгроуна переполняла радость.

Их близость не могла не вызвать определенных толков. Ведь экипаж составляли тридцать здоровых, полных сил мужчин и четыре представительницы иного пола, из которых женщиной можно было назвать лишь Тину. Во избежание недоразумений командор Бриджес переселил Макгроуна и нового астротехника в каюты, находившиеся в самом конце жилого уровня, подальше от чужих глаз. Но несмотря на это, о их связи знали все. Кто–то завидовал Макгроуну, кто–то даже стал недолюбливать его. Был и такой,

что сумел возненавидеть.

Мелтон Тройд, третий помощник командора. Он был новичком, пришедшим на корабль даже позже Тины. Писаный красавец, наглый и самоуверенный, Мелтон решил добиться благосклонности Тины. Он выбрал ее, потому что она была самой красивой, а быть может, просто ради того, чтобы позлить Макгроуна. Мелтона совершенно не смущало то обстоятельство, что Тина любит другого. Мелтон Тройд даже не допускал, что женщина может предпочесть его какому–то астропилоту, причем даже не первого класса. Сначала он повел правильную осаду, а когда она окончилась неудачей, начал изводить влюбленную пару мерзкими насмешками. Он цеплялся к Тине, встречая ее в переходах, а за обеденным столом вполголоса бросал небрежные фразы насчет сливающихся звезд или нечто нарочито напыщенное, вроде: как больно видеть гибель двух его друзей в горниле слепой и глупой страсти. Макгроун терпел, Тина, не в силах вынести всего этого, вскоре перестала выходить к общему столу, чем вызвала замечание командора Бриджеса, доведшее ее до слез. Тогда Гарри с Лейвом решили проучить наглеца. Друзья отправились к Мелтону с твердым намерением раз и

навсегда заткнуть ему рот. Вернулись они очень скоро. У Макгроуна была разбита губа, а Лейв подмигивал расцвеченным глазом. Лейв поднял через компьютер личное дело Мелтона Тройда. Выяснилось, что помощник командора прошел курсы специальной подготовки.

А вскоре пришла беда.

«Стремительный» патрулировал оконечность Южного креста. В **тот** день во время завтрака командор Бриджес сообщил, что службой радиоперехвата запеленговано тайное донесение, отправленное с борта «Стремительного». Кто–то воспользовался для этой цели резервной радиорубкой. Командор не выдвинул конкретных обвинений, но велел экипажу усилить бдительность. Командному составу и пилотам были выданы бластеры.

У Макгроуна были кое–какие соображения на этот счет. Он как–то застал Мелтона Тройда рядом с резервной радиорубкой. Тот приставал к плачущей Тине, а увидев Макгроуна, смутился и ушел. Тина не захотела ни о чем рассказывать, но Макгроун был уверен, что дело нечисто. Он поделился этой тайной с Лейвом, и друзья решили присматривать за Тройдом.

Все, что произошло потом, Гарри Макгроун

запомнил до мельчайших подробностей. Сразу после завтрака он направился вслед за Тройдом в четвертый модуль — сложное сооружение из покрытых свинцом балок, панелей и наполненных водой труб. Здесь располагалась система охлаждения, обеспечивавшая работу реактора. Мелтон Тройд отвечал за нормальное функционирование этой системы и несколько раз в цикл проводил замеры радиации. Облаченный в желтый, с черными пятнами на груди и спине комбинезон, он бродил с дозиметром по переплетению отсеков, залезая в каждую щель, в каждый закоулок. Макгроун следовал за помощником командора по пятам, но ничего подозрительного не заметил. Вскоре настало время его вахты, и на смену явился Лейв. Те три часа, которые Макгроун находился в рубке, Лейв должен был следить за Мелтоном Тройдом.

Дежурство прошло нормально, если не считать того, что радары засекли подозрительный объект, двигавшийся курсом, параллельным траектории крейсера. Макгроун доложил об этом своему сменщику, а сам направился на поиски Лейва. Он уже спускался в переход четвертого модуля, когда услышал короткий вскрик. Затем он увидел, как в конце перехода промелькнула смутная

тень. Терзаемый нехорошими предчувствиями, Макгроун бросился вперед. Посреди перехода, хрипя, лежал Лейв. В его горле чернело треугольное отверстие, из которого фонтанировала кровь. Макгроун сжал пальцами страшную рану, но было уже поздно. Глаза Лейва помутнели, синеющие губы выдавили лишь одно слово: «берегись», после чего дрогнули и застыли. Оставив тело друга, Макгроун побежал вдоль по переходу в том направлении, куда исчез убийца. Они столкнулись неподалеку от оружейных камер. При виде Макгроуна помощник командора побледнел и выхватил бластер. Макгроун не успел сделать то же самое и теперь ждал смерти. Но Тройд отчего–то не спешил с выстрелом. Он начал твердить о своей невиновности. Он говорил, а Макгроун смотрел на левую штанину его комбинезона, на которой отчетливо проступало кровавое пятно.

В этот миг внезапно появилась Тина. Она шла из бокового перехода и потому не могла видеть убийцу. Она видела лишь бледного, словно смерть, Макгроуна. Он хотел крикнуть, предупредить, но Тина поняла все без слов. Она бросилась к Макгроуну. Тройд увидел ее тень и нажал на спусковой крючок. Он целился в Макгроуна, но попал в Тину. В тот же миг Макгроун выхватил

бластер и поразил негодяя.

Тина умерла на руках возлюбленного. Врач был бессилен ей помочь. Позднее техники обнаружили, что на всех трех линиях системы охлаждения сломаны предохранительные кронштейны. Через несколько часов корабль был бы обездвижен, и тогда крейсер конфедератов, крутившийся неподалеку, смог бы сделать с ним что угодно.

— Выходит, ты спас корабль, — сказал Тед.

— Нет, его спасла Тина. А я должен спасти ее.

Через день Гарри Макгроун стоял в кабинете профессора Зерца.

* * *

Телепортация в прошлое заняла мгновение. Наверно, потому, что это было очень близкое прошлое. Макгроун поднялся на круглую, окруженную светящимся барьером платформу из пористого серого сплава, профессор коснулся нескольких кнопок на пульте, и через миг астронавт обнаружил, что находится в собственной каюте на борту «Стремительного». Точнее, это была не его каюта, а каюта Тины. Сама Тина спала сейчас в объятиях другого Макгроуна — Макгроуна из прошлого. Именно поэтому Макгроун–настоящий выбрал ее каюту в качестве

точки прибытия.

Первым делом Макгроун сверил свой таймер с тем, что был вделан в переборку напротив кровати Тины. Ровно 5.00, как и обещал профессор. В распоряжении Макгроуна было два часа. Придвинув кресло к столу, Макгроун сел и раскрыл взятый с собой койтейнер. Здесь было собрано все то, что могло понадобиться ему сегодня — миниатюрный бластер, пружинный нож, ампула с парализующим ядом, тонкая резиновая маска, имитирующая лицо Лейва, дешифратор электронных кодов и еще несколько полезных приспособлений.

А вот и перчатки. Макгроун не без труда натянул их на руки. Обдумывая план действий, Макгроун решил, что лучше будет, если он не оставит никаких следов. В левый боковой карман комбинезона лег бластер, в правый — нож, но главная роль отводилась ампуле с ядом. Макгроун спрятал ее в кулаке с таким расчетом, что достаточно было слегка сжать пальцы — и крохотная ядовитая струйка летела вперед, повинуясь направлению руки. Этим оружием его снабдили друзья из спецотдела Коллегии. Экипировавшись подобным образом, Макгроун тихонько приоткрыл дверь и выскользнул в переход.

Его первой жертвой должен был стать двойник — астропилот второго класса Гарри Макгроун из прошлого. Как это ни жестоко, от двойника следовало избавиться. Во время инструктажа профессор Зерц обратил особое внимание на то, что фактор относительности исключает возможность сосуществования двойников. Рано или поздно один из них рисковал исчезнуть в другом измерении. Так уверяла теория. Гарри Макгроун не испытывал желания проверить ее на собственной шкуре. Ради спасения Тины он был готов пойти на все, даже на смерть. Что уж говорить о каком–то Макгроуне, жалком двойнике из прошлого!

Подкравшись к двери собственной каюты, Макгроун приставил к замку дешифратор кодов. Прибор бесстрастно помигал разноцветными индикаторами, но заветный красный огонек, извещающий о том, что замок открыт, так и не зажегся. Чертыхнувшись, Макгроун поспешно возвратился в каюту Тины. Здесь он внимательно осмотрел дверь. Так и есть — в нее был врезан примитивный механический замок, открывающийся ключом. Макгроун предусмотрел и этот вариант. Взяв маску Лейва, он прижал ее к лицу и тщательно разгладил, после чего посмотрелся в

зеркальную панель. Вылитый Лейв, только чуть выше ростом. Макгроун улыбнулся собственному отражению, но улыбка вышла натянутой.

Сердце бухало от напряжения. Макгроуну пришлось постучать трижды, прежде чем ему ответили. Голос был знакомый. Это был его, Макгроуна, голос.

— Кто?

— Это я, Лейв! — сказал астронавт, подражая писклявому голосу приятеля.

За дверью установилась тишина, потом до Макгроуна донесся взволнованный женский шепот, мешающийся с чуть более громким мужским. Макгроун из прошлого успокаивал Тину.

— Не волнуйся, все будет в порядке. — Затем он спросил, обращаясь к ночному гостю:

— Что тебе нужно?

— Поговорить. Да открой же ты! Это я, Лейв!

Но и вторичное упоминание имени Лейва не произвело должного впечатления. За дверью вновь о чем–то заспорили. Макгроун прислушался. Судя по всему, Тина уговаривала возлюбленного не открывать, а Макгроун–двойник горячился, твердя, что разберется с наглецом.

«Интересно, — Макгроун невольно подумал о двойнике в первом лице, — чем это Лейв не

угодил мне?»

Ответа на свой вопрос он не получил. Раздалось шлепанье босых ног. Они достигли двери и остановились. Негромко заскрипел открываемый замок. Макгроун чуть напряг пальцы.

Дверь распахнулась. В проеме, четко вырисовываясь черным силуэтом на фоне освещенной каюты, стоял Гарри Макгроун собственной персоной. Он был почти обнажен, если не считать коротких штанов, едва доходивших до колен. Макгроун машинально подумал, что он в свое время вел себя куда пристойнее. Несколько мгновений они рассматривали друг друга: Макгроун — своего двойника из прошлого, Макгроун–прошлый — мнимого Лейва. Потом Макгроун–прошлый провозгласил:

— Тина, этот негодяй, кажется, намеревается преследовать нас и ночью!

И хорошо б, если это прозвучало с шутливым оттенком, как обычно переругивались между собой Лейв и Гарри, но в голосе Макгроуна–прошлого звучала явная угроза. Не успел Макгроун–настоящий понять, что все это означает, как могучий удар в челюсть поверг его на пол.

— Проваливай, дерьмо!

Дверь захлопнулась.

Макгроун долго лежал, ощупывая языком разбитую нижнюю губу и прислушиваясь к шуму в голове, потом поднялся и возвратился в каюту Тины. Он ничего не понимал. Ему приходилось ссориться с Лейвом, но выяснение отношений никогда не выходило за рамки словесной перебранки. Происшедшее требовало объяснений, однако на размышления времени не было. Макгроун быстро умылся и прополоскал рот. Дело усложнялось, но несмотря ни на что, Макгроуну необходимо было избавиться от двойника. Приходилось рисковать. Вернув маску на прежнее место, Макгроун вновь направился к своей каюте.

Похоже, его возвращения ждали. Едва Макгроун постучал, как дверь тут же распахнулась. Двойник намеревался повторить свой апперкот, но Макгроун присел, перехватил его руку и прошипел:

— Какой ты смелый, приятель! Особенно при своей бабе!

— На что ты намекаешь? — процедил Макгроун–прошлый, пытаясь вырвать руку.

— А на то, что ты струсишь разобраться со мной один на один.

— Где? — мгновенно отреагировал Макгроун–

прошлый.

— В биоотсеке. Там травка, тебе будет мягче падать.

— Но биоотсек закрыт.

— Тогда где хочешь.

— Хорошо, я тебе задам! — Макгроун–прошлый обернулся и негромко бросил в темноту каюты:

— Тина, я сейчас вернусь. Наш друг напрашивается на небольшую взбучку.

— Не ходи с ним, — попросила Тина.

— Не бойся, ничего не случится! — Макгроун–прошлый больно хлопнул своего двойника по плечу. — Пойдем!

— Пойдем.

Прикрыв за собой дверь, Макгроун–прошлый отправился вдоль по переходу. Босые ноги его сочно шлепали о пластик пола. Макгроун–настоящий шел следом, лаская ладонью рукоять бластера. Они перешли из жилого модуля в третий, затем во второй. Макгроун внимательно фиксировал те особенности, которых не было на «Стремительном», том «Стремительном», что знал он. Профессор Зерц недаром предупреждал, что мир, в каком Макгроун окажется, возможно, будет отличаться от прежнего. Все так и вышло.

Макгроун–прошлый свернул в короткий тупик

и остановился.

— Ну, что скажешь, гаденыш?!

«Ничего себе обращение!» — подумал Макгроун и ответил вопросом на вопрос.

— Мы с тобой давно в ссоре?

Макгроун–прошлый удивился.

— Да всю жизнь, сколько я тебя знаю. — Он подозрительно посмотрел на Макгроуна. — У тебя что, отшибло память, когда я въехал тебе в челюсть? И что у тебя на голове?

Макгроун машинально ощупал голову.

— Ничего.

— О–го–го! — заржал Макгроун–прошлый. — Что ты сделал со своими волосами?

Гарри Макгроун внимательно оглядел двойника и только сейчас обратил внимание на его странную прическу. За минувшие сто дней мода, похоже, здорово изменилась. Если во времена Макгроуна было принято стричь волосы ежиком, выбривая до половины затылок, то здесь, напротив, выбривали всю переднюю половину головы, а сзади волосы были вольны расти, как им вздумается. Причуды моды создавали дополнительные трудности, но отступать было уже поздно.

Лжелейв сладко улыбнулся.

— Собираюсь записаться в проповедники. Сменил прическу, а теперь сменю лицо. Смотри, как это у меня здорово получается!

Макгроун ухватился левой рукой за свою пластиковую щеку и с треском оторвал маску. Двойник изумленно уставился на него.

— Но ведь это я!

— Был, — сказал Макгроун. — А теперь — я.

Правая рука Макгроуна, прячущаяся в кармане, нажала на спусковой крючок. Луч прожег ткань комбинезона и вонзился в тело двойника. Точно под левый сосок. Макгроун–прошлый всхлипнул и распластался на полу. Убийца склонился над ним. Он не испытывал жалости к несчастному. Двойнику не повезло, что профессор Зерц создал свою машину именно в измерении Макгроуна. Иначе убитый мог поменяться местами со своим палачом.

Макгроун спешил. Первым делом он стащил с двойника штаны. От них исходил неприятный запах, и Макгроун поморщился при мысли, что ему придется надеть это на себя. Затем Макгроун извлек нож и, перевернув труп на живот, аккуратно срезал заднюю часть скальпа. Она была нужна ему, чтобы перевоплотиться в Макгроуна из прошлого. Теперь предстояло избавиться от

трупа. По пути сюда Макгроун заметил на переходе из второго в третий модуль чернокрасный знак бытового утилизатора. Кряхтя от натуги, Макгроун взвалил на себя коченеющее тело — что и говорить, двойник весил препорядочно — и двинулся в путь. Вскоре Макгроун–прошлый исчез в узкой черной щели, а через мгновение от него не осталось даже воспоминания. Следом в щель отправились комбинезон Макгроуна и маска. Брезгливо морщась, Макгроун натянул на себя штаны убитого и направился к жилому модулю. Он шел быстро, но осторожно, опасаясь наткнуться на кого–нибудь из астронавтов, однако избежать неприятной встречи так и не сумел.

Это был астротехник Квел Твирт, «мальчик из оркестра», как называли его на крейсере. Когда–то Квел играл на саксофоне, а затем, наслушавшись героических небылиц, решил податься в Хранители. Поговаривали, что он голубой и ночами ходит к своему любовнику штурману Тормесу. Квел открывал дверь своей каюты, когда из–за поворота появился Макгроун. При виде его астротехник разинул рот, собираясь то ли заговорить, то ли закричать, однако Макгроун оказался быстрее. Меткий импульс вонзился Квелу точно под левый глаз. Ткнувшись головой

в переборку, астротехник рухнул на пол каюты. Макгроуну осталось лишь забросить внутрь его ноги и закрыть дверь на ключ.

Второй труп был незапланированным. Он мог вызвать неприятности. Но Макгроуну некогда было думать об этом. Он должен был спешить превратиться в Макгроуна–прошлого. Порывшись в вещах Тины, Макгроун нашел вибромашинку и косметический клей. Несколько быстрых движений — и передняя часть головы была начисто выбрита, а на затылке очутился снятый с двойника скальп. После этого Макгроун избавился от всего, что могло его изобличить, оставив себе лишь нож. Это был великолепный выкидной нож с трехгранным лезвием, совершеннейшее орудие убийства, раны от которого практически не заживали. Макгроун спрятал нож за кроватью Тины.

Настала желанная минута, о которой он так долго грезил. С бьющимся сердцем Макгроун приблизился к своей каюте. Он думал о Тине. Раз все столь сильно изменилось, не случится ли так, что он найдет здесь совсем другую женщину с другой улыбкой, с другими глазами, с другим запахом. Макгроуну стало страшно, но он пересилил страх. Собрав всю свою волю, Гарри Макгроун толкнул дверь и шагнул внутрь.

— Это ты, Гарри?

Макгроун слегка вздрогнул. Голос его возлюбленной ничуть не изменился.

— Да, я, — поспешно ответил он.

— Почему так долго?

— Пришлось повозить этого мерзавца мордой по полу, прежде чем он успокоился.

Макгроун подошел к кровати и лег. Тина немедленно прижалась к нему мягким податливым телом.

— Какой ты холодный.

Ее глаза были закрыты, на губах играла легкая улыбка. Подобная улыбка появлялась каждый раз, когда Тина хотела, чтобы Макгроун поцеловал ее. Макгроун немедленно исполнил это желание, убедившись, что губы Тины все так же вкусно пахнут мятой. Девушка отстранилась и, смеясь, прошептала:

— Похоже, тебе тоже досталось. — Это она почувствовала кисловатый привкус крови, сочащейся из разбитого рта Макгроуна. — Ты надавал ему?

— Да, он должен быть доволен. — Макгроун коснулся губами шеи Тины. И тут им овладело желание, столь сильное, что он не смог сдержать его. Он хотел обладать Тиной так, как не хотел

еще ни разу. Но Тина не ответила на ласку. Она приоткрыла свои васильковые глаза и сказала:

— Какой ты ненасытный! Или это драка с Лейвом так возбудила тебя? Прости, милый, но уже слишком много времени. Я должна привести себя в порядок. Возьмешь свое сегодня вечером.

Точно так было и в тот день. Тогда Тина ушла под утро к себе, не позволив Макгроуну насытиться любовью.

Макгроун уступил. Тот, кто забыл, как пахнет женщина, может потерпеть один день. Макгроун убедился в главном — это была его Тина, та, ради которой он прибыл в этот мир. И теперь все должно было быть хорошо.

* * *

Тина зашла за ним около семи. Она выглядела превосходно, да и Макгроун привел себя в порядок. С помощью вибромашинки он подровнял и уложил волосы — свои и убитого двойника. Клей и засохшая кровь на скальпе стягивали кожу, но Макгроун терпел. Сегодня все закончится, а уже завтра он обреет голову и примется отращивать волосы в соответствии со здешней модой. Пока же он старался вжиться в образ Макгроуна–бывшего. Это было несложно, хотя и не обошлось без

мелких недоразумений. Комбинезон показался несколько мешковатым, на голову полагалась круглая шапочка вроде той, что в мире Макгроуна носили католики–талмудисты. Еще большее удивление вызвал браслет, который, как выяснилось, надлежало одеть на правую руку.

Макгроун едва не ушел без него, но Тина вовремя спохватилась. Надевая на запястье золотой ободок с двумя синими камушками, Макгроун пробормотал:

— Ты никогда не задумывалась, зачем он нужен?

— Как зачем? — удивилась Тина. — Ведь это обозначение подразделения и разряда. Два синих — астропилот второго разряда, красный — младший астротехник. Командор строго следит за соблюдением формы. Да и красиво…

Макгроун машинально взглянул на ее запястье. В браслете Тины сиял пурпурный глазок.

— Действительно, красиво, — согласился он.

Влюбленные пришли в столовую позже других. Наверно, потому все обратили на них внимание — кто–то посмотрел, кто–то улыбнулся, а Мелтон Тройд дружески подмигнул правым глазом. Макгроун озадаченно обвел взглядом своих товарищей. Они ничуть не изменились, если не

считать уже упоминавшейся метаморфозы с прическами. Здесь были и командор Бриджес, и старший механик О'Фрил, и штурман Тормес, и, наконец, Мелсон Тройд, который, заметив нерешительность Макгроуна, вновь дружески подмигнул ему. Черту осмотру подвел Лейв, ехидно пробормотавший:

Похоже, Макгроун так переусердствовал сегодня ночью, что не узнает своих товарищей. Бедняжка Макгроун!

К этим шуткам, похоже, привыкли, по крайней мере, никто из сидящих за столом не отреагировал. Макгроун также счел за лучшее промолчать, зато Тина не сдержалась:

— С такой потрепанной физиономией тебя трудно узнать!

Никто, в том числе и сам Лейв, не понял, о чем идет речь, но реакция Тины была неожиданной, и несколько человек хмыкнули. Лейв покраснел и злобно уставился на девушку.

— Какая ты сегодня разговорчивая!

Назревал конфликт, командор Бриджес счел нужным вмешаться.

— Лейв, немедленно прекрати.

Лейв затаился. Макгроун и Тина уселись за стол. На завтрак было рагу из телятины, рис и

абрикосовое желе. Макгроун хорошо помнил, что в тот день кормили тушеным зайцем. Ели по большей части молча, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами. Дежурство подходило к концу. Все успели порядком поднадоесть друг другу. Макгроун, подобно остальным, молчал. Он жевал безвкусное мясо, искоса рассматривая своих незнакомых товарищей. Каждый раз, когда он останавливал свой взгляд на Мелтоне Тройде, тот одарял Макгроуна приветливой улыбкой. Все это было непостижимо.

Первым расправился со своей телятиной командор. Он допивал сок, когда в столовую вошел первый помощник Орш. Подбежав к командору, Орш начал быстро шептать ему на ухо. Лицо командора Бриджеса побледнело, он отставил бокал и поспешно вышел. Все разом прекратили жевать и проводили командора внимательным взглядом. Лишь Макгроун бесстрастно продолжал свой завтрак. Он неторопливо расправился с мясом и принялся за желе. Глотая сладкую массу, Макгроун тайком поглядывал на ручной таймер. Он совершенно не замечал того, что Мелтон Тройд внимательно следит за ним. Макгроун был поглощен мельканием светящихся цифр.

В 7.24 командор Бриджес вернулся в столовую.

Ровно столько же времени было и в **тот** день. Командор шагал словно механическая кукла, от его глаз веяло холодом, Макгроуну даже показалось, что он осунулся.

Подойдя к своему креслу, командор встал за ним и начал говорить. Жесткие слова разбивались о пластик переборок подобно горошинам.

— Друзья, я должен сообщить вам неприятное известие. Пеленгаторы «Стремительного» перехватили незарегистрированный сигнал. Передача велась из запасной радиорубки. Текст ее пока не расшифрован, но у меня есть все основания полагать, что послание адресовалось конфедератам. Это первое. — Командор Бриджес сглотнул, кадык на его шее нервно дернулся. — А теперь, второе. На борту произошло убийство. Только что обнаружен труп астромеханика Твирта, убитого выстрелом в лицо. — Послышался негромкий вскрик. Головы дружно повернулись в сторону штурмана Тормеса. Тот сидел, обхватив руками голову. Командор сделал вид, что ничего не заметил, и продолжал:

— Возможно, между этими двумя происшествиями существует связь. Властью, данной мне как командору крейсера, объявляю о начале расследования по данным фактам. Если кто–то из вас

желает сообщить какую–нибудь информацию, он может связаться со мной по внутренней связи. — Командор кашлянул, словно устыдившись своих слов. — Вахтенные могут приступить к обязанностям, остальных я попрошу вплоть до моего особого распоряжения оставаться в каютах.

Закончив говорить, Командор неловко кивнул и покинул столовую. Следом за ним вышли штурман и старший механик. Затем стали подниматься и остальные. Все молчали. Лейв попытался подать короткую реплику, но тут же осекся. Астронавты искоса поглядывали друг на друга. В их взглядах сквозили осторожность и даже недоверие.

Макгроун шел рядом с Тиной. Они уже выходили из столовой, когда кто–то коснулся его плеча. Макгроун обернулся. Перед ним стоял Мелтон Тройд. Он приветливо улыбался, но от этой улыбки Макгроуна бросило в дрожь. Сжав зубы, он подавил порыв истерики, после чего заставил себя изобразить ответную улыбку. Тройд спросил:

— Что ты обо всем этом думаешь?

Макгроун состроил неопределенную гримасу.

— Ничего. Какое–то безумие.

— Я так не считаю. У меня есть кое–какие соображения по этому поводу. Нам надо поговорить.

— Пожалуй, — пробормотал Макгроун. Ужасно непривычно было видеть на месте шустрого Лейва мускулистого улыбчивого здоровяка Мелтона Тройда. Все это как–то не укладывалось в голове. И в то же время Макгроун сознавал, что это реальность. В данном измерении Мелтон был другом, а Лейв — врагом. Ситуация была предельно запутанной. Разговор с Тройдом должен был хоть что–то прояснить. — Я жду тебя в своей каюте.

Мелтон кивнул.

— Я только зайду к командору и сразу приду к тебе.

Затем он отстал, а Макгроун и Тина направились в жилой модуль. Оказавшись в каюте Макгроуна, Тина уселась на кровать и сурово посмотрела на своего любовника. Тот поспешил оправдаться.

— Тина, я здесь ни при чем.

— Откуда мне знать?

— Но ведь ты сама видела, что я разбирался с Лейвом.

— Тогда, может быть, он?

Макгроун вздохнул.

— Не знаю.

— Мы должны рассказать обо всем командору.

— Ты хочешь, чтобы я попал под подозрение?

Тина отрицательно покачала головой, потом нерешительным голосом спросила:

— Что же нам делать?

— Ничего. Все разрешится само собой.

Сказав это, Макгроун внезапно понял, что теперь у него нет абсолютной уверенности в том, что все разрешится, и каким образом все это разрешится. Он даже не знал, кто будет убийцей, а кто жертвой. Мелтон Тройд оказался другом, но это не означало, что он не может быть агентом Конфедерации. С другой стороны, Лейв был подлецом, но данное обстоятельство не превращало еГо автоматически во врага. Предстояло сделать выбор, и выбор был сложен. Размышляя над этим, Макгроун пришел к выводу, что желает лишь одного. Ему было наплевать, что станет с Лейвом или Мелтоном Тройдом. Их судьба Макгроуна совершенно не волновала. Ведь один перестал быть другом, другой им так и не стал. Важно было спасти Тину. Макгроун спросил:

— Ты дежуришь сегодня?

— Как обычно, — ответила Тина, слегка удивившись подобному вопросу. — Третья смена.

— Мне кажется, сегодня нас всех ожидают крупные неприятности. Тебе лучше сказаться больной и не выходить из каюты.

— Но тогда мне придется пойти к зануде Фоссу. А его не проведешь.

Макгроун задумчиво покачал головой. Да, судового врача Фосса провести невозможно. А если выяснится, что Тина симулирует, это может вызвать подозрения.

— Но ведь у тебя может случиться женское недомогание?

— В принципе — да.

— Решено! Если до твоей смены ничего не разъяснится, ты притворишься больной.

Тина вопросительно посмотрела на Макгроуна.

— Ты что–то знаешь?

Макгроун знал больше, чем что–то, но он не мог об этом говорить. Поэтому Макгроун не ответил. Возникла двусмысленная пауза. К счастью, в этот миг в дверь постучали.

— Войди! — крикнул Макгроун.

Дверь распахнулась, и в каюту вошел Мелтон Тройд.

* * *

Помощник командора выглядел так, словно собрался вступить в рукопашный бой с пиратами. Он держал в руке бластер, второй был укреплен

на перевязи, перекинутой через правое плечо. Видимо, он рассчитывал застать Макгроуна одного, потому что при взгляде на Тину недовольно скривился. Но тем не менее, ничего не сказал. Подойдя к Макгроуну, Мелтон молча подал ему бластер, после чего уселся в стоявшее у стены кресло. Макгроун и Тина также молча глядели на него. Мелтон внимательно изучил свою крепкую белокожую ладонь, после чего соизволил открыть рот.

— Приказ командора — командному составу и пилотам иметь при себе оружие.

Макгроун кивнул и положил бластер на кровать между собой и Тиной. Мелтону этот жест пришелся не по нраву, он недовольно скривился.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, выразительно глядя на Макгроуна.

— Давай.

Мелтон замялся и перевел взгляд на Тину. Та поняла все без слов.

— Я как раз собиралась разобраться в своих вещах.

С этими словами Тина поднялась и оставила каюту.

— Какого черта, Мелтон! — недовольно протя-

нул Макгроун.

— Гарри, если ты начал спать с этой девицей, это не означает, что ты хорошо знаешь ее.

— Что значит начал спать? — Помощник командора позволил себе усмехнуться.

— Только не ломай комедию. Все знают, что ты увел Тину у Лейва.

Слова Мелтона Тройда подействовали на Макгроуна подобно увесистому удару по голове. Он не нашел ничего лучшего, как спросить:

— И давно это случилось?

— Я что, должен следить за твоей личной жизнью? — рассердился Мелтон. Тут он заметил странное выражение лица Макгроуна и понизил тон. — Ну, дней десять назад. Гарри, с тобой все в порядке?

— Да, — пробормотал Макгроун. — Только голова что–то болит. О чем ты хотел поговорить со мной? О Лейве?

— Нет. С чего ты взял? — В голосе Мелтона Тройда звучало недоумение. — Я пришел, чтобы поговорить о Тине.

Теперь пришел черед удивиться Макгроуну.

— Тина? При чем здесь она?

Помощник командора изобразил легкое замешательство.

— Вообще–то мне следовало б доложить об этом командору Бриджесу, но я решил вначале поговорить с тобой. Ведь мы как–никак друзья.

— Достаточно лирических вступлений. Переходи к делу, — потребовал Макгроун.

— Хорошо. Сегодня утром, незадолго до общего подъема, я случайно видел Тину в переходе из третьего модуля.

— Ну и что?

— Там находится резервная радиорубка.

Макгроун посмотрел на помощника командора таким взглядом, словно видел его в первый раз. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ты хочешь сказать, что она… — Макгроун не договорил, оборвав фразу на полуслове.

— Я ничего не хочу сказать. Просто… — Мелтону также не довелось закончить. Дверь приоткрылась, и вошла Тина.

— Мелтон, ты не мог бы дать мне ключи от своей каюты?

— Зачем?

— С моей вибромашинкой что–то случилось. Если тебе не жалко, я воспользуюсь твоей.

— Гарри, — помощник командора повернулся к Макгроуну, — дай ей, пожалуйста, то, что она просит.

Тина звонко рассмеялась.

— Да Гарри даже не знает, где она у него лежит!

— Странно. Могу поклясться, что не далее как вчера он брил себе лоб, — задумчиво заметил Тройд.

На этот раз Тина промолчала, не зная, что возразить. Макгроун поспешил выбраться из неприятной ситуации.

— Я брил голову пять дней назад! — сказал он резко. — Я же не виноват, что у меня плохо растут волосы!

Слова Макгроуна и тон, которым они были произнесены, несколько смутили Мелтона. Он кашлянул и поспешил извиниться.

— Я не знал, Гарри. Прости меня. — Мелтон извлек ключ и бросил его Тине. — Держи и не забудь вернуть!

Тина фыркнула.

— Не беспокойся!

Она исчезла. Едва дверь закрылась, как Мелтон Тройд вернулся к прерванному разговору.

— Так вот, я видел, как Тина шла из третьего модуля. И выглядела она очень подозрительно.

— Как?

Помощник командора замялся.

— Мне показалось, что она чего–то боится. Она спешила и оглядывалась по сторонам.

— Оглядывалась и не видела тебя?

— Я стоял у запасного перехода. Она не могла меня видеть.

— А что ты делал у запасного перехода?

— Я? — Мелтон вновь смутился. — Ничего. Гулял.

— Приятель, — процедил Макгроун, — а почему бы не предположить, что она тоже — гуляла?

— Да, может быть. Но я уже однажды видел ее около радиорубки. Я рассказывал тебе.

Макгроун покачал головой.

— Не помню.

— Как же? Я тогда как раз…

— Мелтон, не строй из себя спецагента Коллегии. Тина гуляет по утрам, ты гуляешь, я… Твирт тоже гулял. Да если разобраться, половина экипажа бродит ночами по кораблю, страдая от бессонницы. Полет совсем доконал нас. И что же, теперь всех надо подозревать? Если ты помнишь, подобное случилось на борту «Серебряного орла». И помнишь, чем все это закончилось?

— Помню, — пробормотал Мелтон.

— Вот потому я и говорю тебе: оставь свою подозрительность! А если уж тебе так нужен шпион

конфедератов, могу предложить тебе более подходящую кандидатуру. Переключи внимание на Лейва.

— Но Лейв служит на корабле уже пять лет и ни разу не был замечен ни в чем предосудительном.

— По–моему, Тина тоже не была. Так ведь?

— Так, — признался Мелтон.

— Ну вот и все, вопрос решен. И будь с ней, пожалуйста, полюбезней, если хочешь, чтобы мы остались друзьями!

На красивом лице Мелтона появились красные пятна, отчего оно стало неприятным.

— Ты совсем потерял голову!

— Не твое дело! — отрезал Макгроун и улыбнулся входящей Тине. — Все в порядке?

— Да.

Тина подошла к Мелтону и отдала ему ключ. Макгроун обратил внимание на то, что помощник командора придирчиво рассматривает прическу Тины, словно пытаясь обнаружить возможные изменения. Бестактное поведение Мелтона не укрылось и от глаз Тины.

— Если тебя вдруг стала столь интересовать моя внешность, я подровняла здесь и здесь. — Девушка указала рукой на виски, где волосы и впрямь

были значительно короче. Мелтон смутился.

— Да нет, я просто так.

На лице Тины появилась победная усмешка.

— Ты поговорил?

— Да, — ответил после краткой заминки Мелтон и стал подниматься. — Мне пора. Командор приказал проверить систему охлаждения.

— Давай, — поощрил его Макгроун. Он смотрел вслед уходящему Мелтону и вновь испытывал двойственное чувство. Нелегко было свыкнуться с тем, что Мелтон Тройд его приятель. Еще труднее было согласиться с тем, что Лейв — враг. Зато Тина осталась прежней. Едва помощник командора вышел, как Макгроун крепко обнял ее и прильнул к влажным губам. Тина, смеясь, отбивалась, но Макгроун был настойчив. Он уже почти добился своего, когда дверь распахнулась. Макгроун поспешно оставил Тину и вскочил. Он был зол.

— Что тебе еще нужно?!

Мелтон — а это был он — ответил вопросом, адресовав его Тине.

— Тина, ты не брала моего браслета?

— Зачем он мне?

Тина быстро привела в порядок наполовину снятый Мак–гроуном комбинезон и поднялась,

на ходу оправляя волосы. Она была рассержена не меньше своего любовника.

— Но я не могу его нигде найти.

— А я здесь при чем? Наверно, ты потерял его. Доложи командору и получишь новый.

Лицо Мелтона вытянулось.

— Я так и поступлю, — сказал он и захлопнул дверь.

— Чего это он так распсиховался? — спросил Макгроун.

— Ему здорово влетит от командора, если он и впрямь потерял свой браслет.

— Так ему и надо!

Макгроун притянул Тину к себе и прошептал, целуя ее волосы:

— Это ведь не ты, правда?

— Конечно, не я! Зачем он мне?

Рассердившись, Тина резко оттолкнула Макгроуна. Тот попытался обнять ее, но девушка не позволила.

— Не хочу. — Она отошла подальше и прижалась спиной к переборке. — Отвратительный тип! Мне кажется, он домогается меня.

Макгроун засмеялся, показывая зубы.

— Нет, просто он ужасно подозрителен. Он видел тебя утром неподалеку от третьего моду-

ля и решил, что это ты проникла в резервную радиорубку.

— Какая… — Тина запнулась, но решительно докончила: — чепуха!

— Я так ему и сказал. Мало ли кто и почему бродит ночью по кораблю. — Макгроун исподлобья взглянул на Тину. — А что ты делала в третьем модуле?

Этот невинный вопрос вызвал у Тины вспышку ярости.

— Ничего! Если ты не прекратишь этот глупый разговор, я уйду!

— Молчу, молчу…

Макгроун с шутливой мольбой приложил руки к груди. Тина победоносно улыбнулась.

— Кстати, я поговорила с доктором, и он разрешил мне остаться в каюте. Так что я буду послушно дожидаться твоего возвращения.

— Тогда я закрою дверь, чтобы птичка не улетела.

Тина улыбалась, когда Макгроун запирал замок. Улыбка ее была задумчивой.

* * *

Мелтон или Лейв? Мелтон или Лейв? Мелтон или Лейв?

Вопрос этот непрерывно кружился в голове Макгроуна, не давая ему сосредоточиться на работе. Крейсер рассекал черную бездну Вселенной, стремительно и незаметно пожирая пространство. Мелькали индикаторы, компьютер выводил на экран показания приборов. Макгроун не обращал на это почти никакого внимания. Его терзала одна–един–ственная мысль — Мелтон или Лейв. Мелтон должен был сейчас находиться в четвертом модуле, Лейв, который был сегодня свободен от дежурства, — в своей каюте. Мелтон или Лейв?

Макгроун взглянул на таймер — 11.27. В тот день через две минуты он засек крейсер конфедератов. Макгроун следил за цифрами и думал все о том же — Мелтон или Лейв?

Негромко зазвенел зуммер радара. Макгроун взглянул на экран. В четырехмерной сетке трепыхалась крохотная красная точка. Радар поймал неизвестный объект. Еще немного — и все начнется. А если? Макгроун застыл, едва подумав об этом. А вдруг Лейв не поднимется в четвертый модуль и события пойдут иначе? Этого нельзя было допустить. Твердо ступая по черной поверхности пола, Макгроун подошел к пульту внутренней связи и набрал код каюты Лейва.

Через мгновение из динамика донесся голос:

— Я слушаю.

— Немедленно поднимись в четвертый модуль и проверь, как идут дела у Тройда, — велел Макгроун, подражая голосу командора Бриджеса.

— Слушаюсь, — послышалось в ответ.

Макгроун отключил пульт связи. Он беззвучно смеялся. Ему удалось свести вместе Лейва и Мелтона. А это означало, что то, чему суждено случиться, непременно произойдет. И с запертой в каюте Тиной все будет в порядке. Макгроун внезапно поймал себя на том, что знает нечто важное. Но что? Он машинально погладил ладонью свежевыбритый лоб и вдруг понял, что еще несколько часов назад с вибромашиной Тины все было в порядке. Но что это меняло? Макгроун беззвучно смеялся, красная точка продолжала трепыхаться в паутине радарных лучей. Макгроун задыхался от смеха. Оставалось десять минут до конца смены.

Всего десять! Надо поговорить с Тиной, успокоить ее, объяснить, что скоро все кончится, — решил Макгроун и набрал свой код. Он ожидал услышать любимый голос. Но Тина не ответила. А это означало лишь одно — что–то случилось. Вскрикнув, Макгроун бросился вон из рубки.

Он бежал по пустым, гулко звенящим переходам, едва сдерживаясь от дикого звериного крика. Он знал, куда должен бежать. Он боялся опоздать, и он успел.

Все было точно так, как в тот день. Посреди перехода пласталось агонизирующее тело, а в самом конце его виднелся стремительно уменьшающийся силуэт бегущего человека. Макгроун подбежал к телу и рывком перевернул его. Это был Лейв. Нож проник ему в шею, перерезав артерии. Мастерский удар. Веки Лейва подергивались, изо рта текла кровь. Выпуская последний воздух, он прохрипел:

— Берегись Т… Т… — На большее Лейва не хватило. Голова астронавта дернулась и упала на бок. В этот миг Макгроун заметил, что из кулака Лейва торчит какой–то блестящий предмет. Не без труда разжав немеющие пальцы, Макгроун извлек свою добычу на свет. Это был браслет с зеленым камнем посредине — знак командного состава. Именно этот браслет искал третий помощник командора Мелтон Тройд. Все встало на свои места. Перепрыгнув через мертвое тело, Макгроун бросился бежать туда, где промелькнул силуэт убийцы.

Один переход, другой, третий. Макгроун вгля-

дывался в серый пластик пола, на котором то и дело попадались грязно–красные отпечатки. Очевидно, Мелтон вляпался в кровь своей жертвы.

Здесь! Выхватив бластер, Макгроун прыжком нырнул вперед в боковой проход.

Как и в тот день, Мелтон скрывался в этом месте. Он не ожидал этой встречи. На этот раз он проиграл. При виде Макгроуна по лицу Мелтона Тройда разлилась смертельная бледность.

— Гарри, это все она. — Пепельные губы Мелтона едва шевелились.

Макгроун не ответил, концентрируя внимание на правом боку помощника командора, где висел бластер.

— Гарри, это твоя девчонка…

На этот раз Макгроун дал ответ, спросив:

— А что ты скажешь об этом?

Он швырнул под ноги Мелтону Тройду его смятый браслет, на котором виднелись капди крови, точно такие, что покрывали сапоги Мелтона.

И в этот миг за спиной Макгроуна появилась Тина. Как и в тот день, она шла по боковому переходу. Она не видела Мелтона, она не видела бластера, намертво зажатого в правой руке Макгроуна. Она видела лишь спину астропилота и крохотный кусочек его искаженного жестокой

гримасой лица. И словно испугавшись чего–то, Тина бросилась к своему возлюбленному. Макгроун услышал ее шаги и обернулся. Но было поздно.

Время жизни расслоилось на крохотные отрезки смерти. Взглянув на Тину, Макгроун поспешил вернуться к Мелтону. Он поворачивал голову, словно завороженный, наблюдая за тем, как правая рука Мелтона, изогнувшись, схватила рукоять бластера, и тот медленно, словно опутанный невесомостью, стал поднимать свое тонкое дуло вверх. Рот Мелтона раздвинулся для крика. Макгроун опередил убийцу. Длинный импульс, плавной чертой покинувший оружие Макгроуна, вонзился в голову Тройда. Медленными каплями брызнули куски черепа и мозга. Причудливо кувыркаясь, они падали на пол, слюняво цеплялись за стены. И в этот миг Макгроун почувствовал нестерпимую боль, ворвавшуюся с трехгранным острием, которое вонзила в его тело Тина. Трехгранное лезвие вошло точно под левую лопатку, тягучая липкая лента времени сжалась в стремительную спираль, вместив жизнь Гарри Макгроуна в крохотное, безликое мгновение. Мгновение смерти…

На Земле, в западном полушарии, вечно стоит

осень. Там, в крохотном городишке со странным названием Дастополь живет некий Тед Макгроун, который, выпив молодого вина, любит рассказывать о своем брате, отправившемся в прошлое.

— Он ушел искать счастье и наверняка обрел его, — говорит Тед и роняет пьяную мутную слезу, после чего наполняет стаканчик вновь. И так продолжается до тех пор, пока госпожа Макгроун не отбирает у мужа бутыль с вином и не гонит его спать. А на Земле стоит вечная осень.

АНГЕЛ

Собор был заполнен рыдающим пением органа. Высокие звуки голубиной стаей взлетали под купол, ватно сползали по стенам и бились тугим мячиком о мраморные ребра колонн. Звуки рвали душу, вознося ее к глубинам сознания, и биение сердца переплеталось с биением мысли, отравляя последнюю всепоглощающим наркотиком чувственности. Тело цепенело, а душа взвивалась вверх, к своду, где изящный худой человек с вычурной бородкой гранда тщетно пытался оторвать нанизанные на крест руки. Здесь они растворялись и сливались с незримой душой человека, который на деле был Богом. И душа тоже становилась Богом, ибо осязающий Господа становится подобен ему. Душа парила в весях, мягко перекатывалась по туго натянутым жилам прозрачно–невесомых струн, а орган рыдал. В его плаче было что–то чувственное, почти вакхическое, но люди, зачарованно внимавшие вышнему гимну, не отождествляли свой экстаз с бесовским богом эллинов, ибо не знали того бога. Чувственный трепет означал для них отказ от че-

ловеческого и слияние с Ним, пожертвовавшим жизнью ради искупления их грехов.

Тонкие, белые, почти женские пальцы органиста плавнр перебегали по рядам костяных клавиш, меняя регистры и мелодию. Он играл грустную и торжественную мессу, подобающую чувствам и приличию, но время от времени пальцы невольно ускоряли свой бег, и тогда в размеренное движение мелодии врывались неистовые аккорды токкат, буйные и пьянящие, словно молодое вино. И душа вздрагивала и начинала озираться в поисках оставленной на земле бренной оболочки, а через миг токкаты растворялись в торжественном гимне Ему, и душа мгновенно забывала о своих суетных стремлениях.

Выше, выше, еще выше… Выше только свод, а за ним — ничто, из которого нет возврата. Звуки замерли и рассыпались приглушенными басами, возвращая душе свободу. Душа протерла глаза, повела вокруг ошеломленным взором и, устыдившись своей наготы, поспешила юркнуть в тело. Меж колонн пронесся последний протяжный аккорд, и пришла тишина, терзаемая слабыми отголосками резонирующих стен, а через миг стихли и они.

Потрясенные слиянием с Ним, прихожане покидали собор, на выходе заполняя чашу для пожертвований серебряными и золотыми кружочками. Музыкальная месса Отца Ворда стоила этой ничтожной платы.

В этот миг человек с тонкими пальцами был уже далеко. Он стоял перед небольшим столиком, опустив руки в сосуд с чистой ледяной водой. Пальцы горели, словно их наполнял огонь. Человек ненавидел свои пальцы, он имел полное право ненавидеть их, предпочитающих токкаты плавным рыданиям месс.

— Дьявольское порождение! — тихо шевельнулись тонкие бесцветные губы.

Послышался негромкий стук в дверь. Человек вздрогнул и быстрым, воровским движением вылил воду в стоявший под столом серебряный таз. Он вытер насухо онемевшие пальцы рушником и лишь после этого промолвил:

— Войдите.

Дверь отворилась, и в комнату проникла женщина — странное существо, почти неразличимое на фоне тусклых стен. Она была не стара и не молода, не уродлива и не красива. Весь ее облик носил печать той серой усредненности, которая сливает человека с миром, растворяя его как

в толпе, так и в сосновом бору. Великий Фуке утверждал, что именно так должен выглядеть настоящий соглядатай, но этот мир не знал Фуке; тот придет много позже, в эпоху ярости и расшитых золотом эполет. Этот мир был более тускл и более безобиден.

Подойдя вплотную к органисту, женщина поклонилась ему и тихо шепнула:

— Отец Ворд, он опять прилетал.

— Хорошо, Луиза. Что они делали в этот раз?

— Как всегда, Отец. — Серые щеки женщины покрылись бледным подобием румянца. Она запнулась, словно устыдившись, но потом все же вымолвила:

— Они прелюбодействовали.

— Хорошо… — задумчиво прошептал Отец Ворд, и брови Луизы удивленно вздернулись от этого неопределенного «хорошо». — Думаю, настало время покончить со всем этим.

Отец Ворд одарил женщину благосклонным взглядом и улыбнулся.

— Ты хорошо поступила, придя ко мне.

— Это мой долг, Отец.

— Конечно. Держи, купишь гостинцев своей девочке.

С этими словами Отец Ворд подал Луизе ма-

ленькую серебряную монетку. Та смутилась.

— Как я смею… Деньги Господа…

— На то они и деньги Господа, чтобы Господь оделял ими тех, кто беден, но блажен духом, — нравоучительно проговорил Отец Ворд. — Бери и не позволяй сомнению посетить сердце твое.

Живо схватив монетку, Луиза припала губами к руке священника.

— Святой Отец, благослови!

— Конечно, дочь моя.

Отец Ворд осенил голову женщины крестным знамением. В этот миг на его лице явственно проступала гримаса отвращения, но когда Луиза подняла глаза, он ласково улыбался.

— А теперь ступай, дочь моя. И смотри, никому не говори о нашем разговоре и о том, что ты видела сегодня на поляне!

Низко склонив голову, Луиза попятилась и толкнула задом дверь. Как только она вышла, добрая улыбка моментально исчезла с лица Ворда. Он умел улыбаться, но считал улыбку, отражение радости — дурной склонностью рода человеческого, вечно скалящего зубы. Отцу Ворду было наречено страдать, как страдал Он.

* * *

Он прилетал сюда много раз — прекрасный телом и ликом. Елена не поверила своим глазам, впервые увидев в небе парящего на крылах златовласого юношу. А когда вдруг он начал спускаться, Елена, вскрикнув от ужаса, бросилась прочь. Но через пару шагов она неловко наступила на кочку, запнулась и упала. Крылатый юноша немедленно поспешил на помощь. Он завис рядом, затем сложил крылья, и ловко, чуть подогнув ноги, спрыгнул с небес на землю. Рука, сильная, но вместе с тем изящная, коснулась плеча Елены, и та вдруг ощутила в теле невиданную легкость, словно невидимое воздушное облако обняло плоть и плавно потащило вверх. И Елене стало страшно и радостно. Она посмотрела на незнакомца, и тот улыбнулся. Улыбка его была доброй, беззащитной, а в голубых глазах светился восторг, что бывает у детей, рассматривающих полюбившуюся игрушку. И Елена улыбнулась в ответ. А через миг она ощутила, что земля уходит из–под ног. Затрепетали два прозрачных крыла, и юноша повлек добычу в небо. Был миг, когда Елена испугалась, сердце ее дрогнуло в страхе перед неведомым, но она заглянула в глаза юноши и

успокоилась. Глаза были чисты, словно небесная гладь. В них не было ни пятнышка похоти или порока. Это были глаза, каким можно доверять. И Елена доверилась им.

Они поднялись к самым облакам и полетели к линии горизонта — прямо над городом, подобно огромным, едва различимым в вышине птицам. Потом они летели над рекой, лесом, квадратиками полей и лугов. Пел ветер, ему вторил тонкий голос юноши. Он любил петь и делал это неплохо, хотя и пел без слов. Все это было столь восхитительно, что у Елены захватывало дух. Когда они вернулись на землю, девушка задыхалась от счастья.

— Кто ты? — спросила она, касаясь ладонью белоснежной щеки незнакомца.

— Я ангел, — просто ответил он.

В первое мгновение Елена не поверила. Она была достаточно умной девушкой, чтобы верить в сказки.

— Я серьезно!

— Я тоже. Я ангел. Прощай. Наступает ночь. Я буду ждать тебя завтра.

Но завтра Елена не пришла на заветную поляну. Она пряталась в кустах и следила за тем, как ангел одиноко парит в небе. Несколько раз он

опускался так низко, что Елена смогла заметить — голубые глаза его были грустны. Так повторилось на второй день, и на третий. А потом… Потом Елена не выдержала. Она вышла из своего укрытия, и ликующий ангел унес ее в небо.

— Я люблю тебя, — шепнул он, когда они вновь оказались на поляне.

Елена промолчала, но ее глаза говорили лучше любых слов.

Она тоже любила. Да и как не любить того, кто открыл перед тобою весь Мир!

Они стали встречаться — простая девушка и тот, кто именовал себя ангелом. Почти ежедневно, иногда чуть реже. Однажды Елена поинтересовалась:

— Любимый, я вижу тебя каждый день. Неужели у тебя нет дел на небе?

— Нет, — ответил прекрасный юноша. Плавной волной изогнутые губы его чуть обиженно усмехнулись. — Небо — дом для покорных, а я… — Ангел замолчал, и прошло время, прежде чем он нашел в себе силы для признания.

— Так уж случилось, что светлый мир делится на людей и ангелов. Так вот, мне нет места ни меж теми, ни меж другими. Я падший ангел, и мой удел — парить в небе. Тебе не страшно?

— Нет. — Елена прижалась золотистоволосой головой к его могучей груди и, словно эхо, прошептала:

— Мой падший ангел…

Они встречались тихо, тайком, но в мире, где правят корысть и зависть, нет места любовной тайне. Вскоре город знал все, и отец Ворд увещевал Елену:

— Опомнись, дочь моя! Ты ступила на стезю порока.

А липкие черные глаза Святого Отца скользили по нежному лицу и безвольно падали вниз — к груди, бедрам и стройным лодыжкам.

Он был Святым, но при этом оставался мужчиной. И в этом была его слабость.

И потому Елена улыбалась, и Святой Отец отступал. Но проходил день, и Ворд вновь поджидал девушку у порога ее дома. Проходило два — и кухарки шушукались за ее спиной. Проходило три — и мясники извлекали из колод ножи и проводили острием по точилу, бормоча, что пора бы разобраться с этим парнем, прилетающим в город похабить девок. Уж так устроен мир, и мир города не был исключением.

* * *

На этот раз Отец Ворд пришел к ней домой. Переступив через порог, Елена увидела Святого Отца, и румянец, след бурных ласк ангела, сполз с ее щек. Священник пил чай и беседовал с родителями Елены. Он едва удостоил вошедшую девушку взглядом и тут же отвел пережженные угольки глаз. Однако Елена знала, сколь скользки манеры Отца Ворда. И она не ошиблась в своих предчувствиях.

Едва девушка переоделась, как в ее комнату зашел отец. Смерив дочь суровым взглядом, отец сказал:

— Елена, Отец Ворд желает серьезно поговорить с тобой.

— Если барышня, конечно, не против, — растягивая губы в елейной улыбке, прибавил Святой Отец, выскальзывая из–за спины отца.

— Она не против! — со значением сказал отец. Конечно же, Елена была против, но могла ли она возразить!

— Я выслушаю Святого Отца.

— И внимательно! — добавил отец и вышел.

Отец Ворд был привычно ласков и внимателен. Он предложил Елене стул и лишь после этого

уселся сам. Маленькие черные глаза ощупали девушку, породив у нее ощущение прикосновения змеиного языка, изучающего поглощенного ужасом кролика.

— Ты хорошо выглядишь, Елена.

Девушка судорожно кивнула. Она была красива и прекрасно знала об этом. В красоте была ее сила, в красоте была и ее беда. Кто станет подглядывать за дурнушкой? Отец Ворд ласково улыбнулся побледневшей девушке, однако глаза его остались холодны.

— Ты опять встречалась с ним?

Отпираться было бессмысленно, и Елена кивнула.

— Опять.

Отец Ворд издал строчку квохтающих звуков, должных означать смех.

— Разве я не предупреждал тебя, что ты ведешь себя дурно?

— В этом нет ничего дурного. Многие девушки встречаются с парнями.

— С парнями! — Святой Отец многозначительно помахал пальчиком. — Но ты любишь беса!

— Он не бес! Он ангел!

Усмешка священника выражала превосходство.

— Ангелы не блудят с девицами. Это удел бесов!

Елена вздрогнула, словно слова Святого Отца были хлыстом, обрушившимся на ее спину.

— Не смей так говорить обо мне!

— Хорошо, — смиренно согласился Отец Ворд. — Но ты должна признать, что он бес, и публично покаяться.

Елена грустно усмехнулась.

— Бес. Разве у беса могут быть голубые глаза? У беса они черны как смоль. Разве у беса может быть такой прекрасный голос? А где ты видал беса с теплыми и ласковыми руками?!

Священник кашлянул и полуприкрыл веки, пряча черные угольки глаз. Тонкие губы зловеще шепнули:

— Бес… Он говорит в тебе, заставляя тебя повторять собственные слова. Бес… Он изменяет свое обличье, вползая в человеческое сердце тем недостижимым идеалом, которого оно алчет. Бес! — закричал Отец Ворд, и его голос рассыпался, словно альтовая струна.

В комнату заглянул привлеченный шумом отец. Священник успокаивающе кивнул ему.

— Бес! — подытожил он шепотом, когда голова отца исчезла.

— Ну и пусть. Если у беса столь ласковые руки, пусть бес! Если у него такие прекрасные глаза. Если у него золотые, словно солнце, волосы. Если он целует так, что сердце готово выскочить из груди. Если он готов поделиться со мной миром, не требуя ничего взамен! — жарко выдохнула Елена.

Глаза Святого Отца налились кровью.

— Он уже получил свое!

— Как ты смеешь, поп! — четко, отделяя звуки, воскликнула Елена.

Отец Ворд смиренно опустил голову.

— Прошу простить меня, но я сказал лишь то, что вижу.

— А я читаю в твоих глазах зависть!

— Да! — не сдержавшись, воскликнул Отец Ворд и поспешно спрятал глаза. Он помолчал, словно собираясь с силами, а потом вымолвил:

— Ведь мы поймаем его, красотка! И тогда будет страшно.

Священник тяжело поднялся.

— Никогда! — отчеканила Елена, провожая взглядом сутуловатую спину. — Никогда.

Вечером отец больно побил ее. Мать же пришла перед сном, чтоб утешить. Поглаживая волосы Елены, она вдруг сказала то, о чем девушка знала

уже давно.

— Ведь он не так уж и дурен собой.

— Его пальцы похожи на его рот! Такие же сухие и холодные, словно плавники рыбы!

— Ты хоть знаешь, о ком я?

— Да — Мать вздохнула. Она была ревностной прихожанкой.

— А как он играет!

Потом мать ушла, и пришел сон. Перед тем, как настало забытье, Елене явственно явилось лицо Святого Отца Ворда и тонкие губы, с змеиным шипением выплевывающие злобные слова — ведь мы поймаем его…

Елена улыбнулась и уснула. Червю не дано поймать птицу.

* * *

Но его все–таки поймали. Приманив на землю и опутав хитро упрятанной в кроне деревьев сетью. Ликующие мясники приволокли крылатого юношу в церковь, где Отец Ворд окропил молочную кожу святой водой. Вопреки ожиданиям, кожа не потемнела и не задымилась, что, впрочем, не смутило священника.

— Бес силен! — провозгласил Святой Отец. — Но ничего, я совладаю с ним!

Святая церковь гуманна, но всему, даже гуманности, есть предел. Несмотря на свою мягкость, Отец Ворд счел возможным применить к упорствующему бесу особые меры. Беса жгли огнем, но он лишь улыбался, словно боль доставляла ему наслаждение. В конце концов От?ц Ворд решил обратиться к слову. Ведь в начале было слово. Он отпустил палача и со вздохом опустился на скамью. Скамья была обита жесткой кожей, покрытой застарелыми подтеками крови. Распятый на железных цепях бес висел на стене напротив. Бес продолжал улыбаться, и это раздражало Ворда.

— Ты улыбаешься! — громко заметил он. — Смотри, как бы не пришлось горько рыдать.

— Зачем?

— Огонь стирает улыбку, — пробормотал Ворд и тут же вспомнил, что опаляемый огнем крылатый человек, напротив, улыбался. — Тебя ждет костер, очищающее пламя!

— Костер вернет меня домой, на небо.

— Твой дом — ад!

— Ты глуп, священник! — рассудительно заметил юноша. — Глуп и завистлив. Ты ревнуешь красоту, доставшуюся не тебе, а другому.

— Чушь, — быстро отреагировал Отец Ворд,

но в его голосе не было уверенности. Он встал, взял раскаленный прут и провел им по животу юноши. На белоснежной коже вздулся багровый рубец. Ангел улыбнулся, но от внимательного взгляда Ворда не ускользнуло, как расползлись зрачки, превратив голубое в черное.

— Ты чувствуешь боль, — удовлетворенно констатировал Святой Отец. — Думаю, мы договоримся.

Юноша промолчал. Казалось, возможность договориться отнюдь не прельщает его. Святой Отец приблизил узкое лицо к белоснежному лику пленника.

— Ты хочешь обрести свободу? — Голос Ворда был змеино вкрадчив.

— Ты предлагаешь сделку?

— Да.

— А что потребуется от меня?

— Совсем немного. Ты улетишь и больше никогда не появишься в наших краях.

Юноша вздрогнул.

— И значит, Елена достанется тебе?

Отец Ворд недовольно поморщился.

— Не говори скабрезности, сын мой. Я слуга Бога и поступлю так, как будет угодно Ему.

— А Богу угодно…

— Да! — коротко подвел итог дискуссии Ворд. — Богу угодно.

— Тебе ли знать, что угодно Богу, — пробормотал юноша, и лицо его исказилось.

— Я верный слуга Господа!

Пленник не обратил внимания на высокопарное восклицание священника. Тяжело повиснув на цепях, так, что кольца кандалов до крови пронзили тонкую кожу, он прошептал:

— Боже, как это низко!

Лицо Святого Отца приняло возмущенное выражение.

— Ты хочешь сказать, что я преследую тебя из–за этой девчонки?

— Из–за чего же еще?

— Нет, сын мой. Твоя ужасная вина в том, что ты с помощью бесовских чар делаешь то, что непозволительно делать человеку.

— Но я ангел!

Ворд усмехнулся.

— Ложь. Хотя ты, кажется, искренне веришь в нее. Ты чудовище. Ты бес, принявший обличье ангела. Но я насквозь вижу тебя. Я вижу, как через твою белую кожу проступает чернота души!

Священник с размаху ткнул прутом в грудь юноши. Хотя металл остыл, бес скривился от

боли.

— Ты заблуждаешься.

— Разве слуга Господа может заблуждаться?! Подобные слова осмелится произнести лишь слуга Сатаны! Но Бог милостив к заблудшим. Если ты отречешься от Сатаны и дашь обещание никогда не появляться в городе, он помилует тебя.

— Но если я отрекусь, — юноша пристально посмотрел на Ворда, — я стану чист. А значит, никто не вправе запретить мне остаться здесь.

Святой Отец стиснул тонкие губы.

— Вот, значит, как ты повернул! Не упорствуй, сын мой! Даже слуга Господа может потерять терпение.

Юноша никак не отреагировал на угрозу.

— Но я могу не отречься, а дать тебе обещание покинуть город. Что же тебе нужно, священник — мое отречение или обещание?

Лицо Отца Ворда застыло, превратившись в гипсовую маску. Оно словно умерло. Жили лишь глаза — суетливые, сомневающиеся, мечущиеся. Потом священник что есть сил хлестнул юношу прутом по лицу и закричал:

— Не искуси меня, Сатана!

Улыбнувшись, юноша заметил:

— Но ты не сказал.

У Ворда дрожали губы.

— Уйди из города, — едва слышно шепнул он.

— Вот ты и сделал свой выбор, священник! — В голосе юноши слышалось торжество победителя, однако Отец Ворд уже вполне овладел собой.

— Нас рассудит огонь! Завтра!

Бросив прут, Ворд выскочил из застенка. Ангел улыбался.

* * *

Быть может, Ворд мечтал об этом всю свою жизнь. Она пришла, пришла сама, пришла без приглашения и без принуждения. Она уже не осмеливалась надсмехаться над ним, напротив, он мог позволить себе с превосходством улыбнуться.

— Я ждал тебя, дочь моя.

Смиренно преклонив колена, Елена припала губами к руке Святого Отца. Священник воспринял выражение покорности от гордой девушки как должное. Он помедлил, наслаждаясь своей властью, и лишь после этого поднял девушку с колен.

— Сядь, дочь моя.

Елена повиновалась. Она уселась на краешек кресла и робко сложила руки на коленях. Отец

Ворд устроился рядом, почти касаясь рукой полуприкрытого платьицем бедра девушки. Его черные глаза прятались за приспущенными веками, голос был полон елея.

— Я слушаю тебя, дочь моя.

— Святой Отец, — голос девушки дрогнул, — я пришла к тебе просить за ангела.

Отец Ворд изобразил недоумение.

— Какого ангела?

— Того самого, что схватили твои слуги.

— Ты говоришь о крылатом бесе? — Отведя в сторону лицо, священник искоса посмотрел на Елену. Девушка кивнула. — Я что–то слышал о нем. Только его схватили не мои слуги, а слуги Господа.

— Твои, — тихонько не согласилась Елена.

— Не кощунствуй, дочь моя. Все мы слуги Господа, а я лишь первый из них. Да, слуги Господа привели крылатого беса ко мне.

— Что ты собираешься с ним делать?

— Господь милосерден, дочь моя. Если бес отречется от своего господина, Сатаны, мы ограничимся тем, что с позором изгоним его из города. Если ж нет…

— Что — если нет?

— Упорствующий в опасном заблуждении, от-

казывающийся вернуться в лоно истинной веры должен быть подвергнут наказанию огнем.

Девушка вздрогнула, словно языки невозженного пламени лизнули ее.

— Но Святой Отец, совет города отменил казни!

— Для раскаявшихся, да. Но ведь он упорствует в своем заблуждении. Он поклоняется Сатане.

— Неправда!

— Вот и ты пришла к опасному заблуждению, — вкрадчиво посетовал Отец Ворд. — Страшись, дочь моя! Заблудших ждет страшная кара!

— Ты угрожаешь мне?

Тонкие губы священника раздвинулись в лицемерной улыбке.

— Что ты, Елена! — Отец Ворд выговорил это имя плотоядно и в то же время с плохо скрываемой ненавистью, заставившей девушку вздрогнуть. — Кара ждет тебя в иной жизни. Когда вернется на землю Господь наш, праведники восстанут из могил и обретут вечное блаженство, отрекшихся же от него ожидают вечные муки. Будь смиренной, дочь моя, и Господь простит тебе твое заблуждение.

Руки Отца Ворда потянулись к волосам Елены с намерением коснуться их, но девушка резко

отшатнулась.

— Хорошо, — стараясь оставаться спокойной, сказала она. — Я буду смиренна. Это может каким–то образом повлиять на судьбу… — Елена замялась и нерешительно прибавила: — беса?

— Все зависит от степени твоего смирения.

— Говорите прямо, что вам от меня нужно, Святой Отец!

— Ты слишком торопишься, дочь моя. Ночь длинна, — сладенько прищурившись, сообщил Отец Ворд. — У тебя роскошные волосы…

— Я должна посвятить их церкви?

— Нет, что ты! — Священник протестующе замахал руками. — К чему такая жертва! Я могу стать благосклонней к этому бесу. Но при одном условии.

Отец Ворд умолк и, не тая вожделения, уставился на округлые колени девушки.

— Каком?

— При условии, что ты будешь благосклонна ко мне.

Лицо Елены осталось бесстрастным, лишь руки едва заметно дрогнули.

— Когда?

— О чем ты? — изобразил недоумение Отец Ворд.

— Когда я должна придти к тебе?

Священник вскочил на ноги. Лицо его исказилось гневом.

— Ты забываешься, дочь моя! Слуга Господа не может заниматься блудом!

— Но, насколько я понимаю, речь идет именно о служении Господу.

Отец Ворд усмехнулся, сел на прежнее место и вкрадчивым движением положил ладонь на бедро девушки.

— Ты мудра, дочь моя. Когда хочешь быть мудрой. Мы будем служить Господу сейчас же, а завтра узаконим нашу любовь, как этого требует церковь.

— Что? — Елена задохнулась от гнева. — Ты хочешь, чтобы я стала твоей женой?!

— А ты думала отделаться простым блудом?! — Тонкие пальцы священника вцепились в платьице с такой силой, что ткань не выдержала и треснула. Соблазнительно мелькнула нагота женского тела, но Отец Ворд, казалось, не заметил этого. — Ты осмелилась подумать, что я хочу этого?!

— А чего ты хочешь, Ворд?! — с ненавистью промолвила Елена.

Отец Ворд опомнился и убрал руку.

— Слуга Бога не должен даже допускать греховных мыслей о блуде. Все, чего я хочу, так это перевоспитать и вернуть в лоно истинной веры заблудшую душу. Взяв тебя в жены, я сумею сделать это.

— Не сомневаюсь!

— Ты дерзишь, дочь моя. Если ты и дальше будешь вести себя неразумно, мы не договоримся.

Священник был взволнован, как и Елена. Девушка бурно дышала, у Отца Ворда подрагивали руки.

— Я буду твоей сейчас же. Ведь ты этого добиваешься. Чего тебе еще надо?

Отец Ворд перевел дух и поправил растрепавшиеся волосы.

— Я уже сказал тебе.

— Я не стану твоей женой! — В голосе Елены слышалась решимость.

— Тогда бес взойдет на костер.

— Совет не допустит этого.

— Времена меняются, дочь моя. Вера подвергается испытанию. Совет знает это. Он сделает так, как захочу я. — Заметив, что Елена испытующе смотрит на него, священник прибавил:

— Я не преувеличиваю и уж тем более не лгу. Члены городского совета — слуги Господа, и они

не посмеют отказать мне. Так что решай.

Елена молчала. Отец Ворд неторопливо извлек сигару, обрезал серебряными ножницами ее кончик и со вкусом прикурил. Дым сизыми кольцами растекся по комнате. Дробно зазвонили часы, заставив Елену вздрогнуть.

— А если я соглашусь, ты отпустишь ангела?

— Да. Казнь будет заменена бичеванием, а затем его с позором изгонят из города. Это все, что я могу сделать, не отступаясь от Господа.

Елена задумалась.

— Так ты согласна? — спросил Отрц Ворд.

— Я могу поговорить с ангелом?

Священник кивнул.

— После того, как примешь мое предложение.

— Хорошо, — с трудом выдохнула девушка. Я согласна стать твоей.

— Женой! — веско прибавил священник. Он поднялся и подал девушке руку. — Прошу достойную госпожу ознакомиться с моей опочивальней. — Тонкая сухая рука растворила дверь. — Это здесь.

Елена помедлила, а затем решительно, словно бросаясь в пропасть, шагнула вперед.

Дверь со стуком захлопнулась.

* * *

Пропитанная водой земля под церковью плакала. Влага выступала из невидимых пор, пленкой скапливалась на стенах темницы и, напитавшись тяжестью, струйками сбегала вниз, холодя измученное мукой тело. Ангелу было зябко, а когда ледяные змейки ползли по изъязвленным раскаленным железом ранам, тело пронизывала боль, куда более сильная, чем та, которую причинил огонь.

Ангел устал. Он задыхался в сумрачной чаше подземелья. Ему не хватало неба.

Ангел устал настолько, что ему едва хватило сил поднять голову, когда скрипнула отворяемая дверь.

Это была она, его любовь — земная, что во сто крат прекраснее небесной. Это была женщина, с которой он разделил небо и свою душу. А позади ее стоял тот, кто пытался погасить пожар любви и непрестанно твердил о Боге, которого, в отличие от ангела, совсем не знал.

Медленно переступая по усеянному выбоинами полу, Елена подошла к распятому на стене юноше, Отец Ворд тенью следовал за ней. Ангел пристально вгляделся в столь милый сердцу

облик любимой, и не мог не заметить перемен, произошедших с ней.

Прежде всего глаза — бегающие и несчастные, словно у провинившейся собаки.

Волосы, обычно лежавшие аккуратными волнистыми прядями, сегодня походили на тщательно расчесанную копну. Золотистый цвет побледнел и приобрел ломкость, свойственную и глазам.

И, наконец, губы. Они предательски подрагивали, а под нижней отчетливо виднелся тускло–багровый отпечаток — след куснувших нежную кожу зубов.

Ангел с трудом заставил себя отвести глаза от этого отпечатка. Кадык на его шее судорожно дернулся. Елена видела это непроизвольное движение и догадалась, о чем думает ангел. Повернувшись к ухмыляющемуся Отцу Ворду, девушка резко приказала:

— Святой Отец, оставьте нас.

— Как так? — попытался возмутиться Ворд.

— Ты не понял меня, священник?! — угрожающе процедила Елена. В ее тоне отчетливо звучали властные нотки, и священник спасовал перед ними.

— Хорошо, дочь моя, — пробормотал он. — Но я

буду за дверью.

Елена смерила Святого Отца презрительным взглядом.

— Вон!

Лицо Отца Ворда передернулось. Он хотел что–то сказать, но не осмелился. Одарив Елену и юношу долгим многозначительным взглядом, священник вышел, оставив дверь чуточку приоткрытой.

Но Елену мало волновало, что Отец Ворд может подсматривать за ней. Оказавшись наедине с ангелом, девушка бросилась к нему и прижалась щекой к изуродованной багровыми шрамами груди.

— Господи, за что они тебя так!

Ангел промолчал, во взоре его было отчуждение. Глотая слезы, Елена извлекла платок и отерла им запекшуюся на лице юноши кровь.

— Господи! — вновь прошептала она.

И тогда ангел нашел в себе силы улыбнуться.

— Не упоминай имя Его всуе!

— Да–да, конечно! — Елена непонятно чему обрадовалась. — Ты жив, и это главное. Я спасу тебя.

— От чего?

— Они собираются объявить тебя бесом и сжечь

на костре.

— Они не осмелятся.

— Теперь, да. Я добилась того, чтобы тебя освободили.

— Тебе это дорого обошлось! — с грустной улыбкой заметил ангел.

— Ничего, пустяки… — быстро проговорила Елена и, подняв глаза, осеклась, встретив внимательный взгляд ангела. В нем было не сочувствие, нет — невероятная брезгливость. Елена вздрогнула, почувствовав всю силу отвращения, нисходящего на нее от ангела.

— Но я должна была! Иначе они б убили тебя! И ты никогда б не увидел неба!

— А теперь?

— А теперь ты спасен! Священник отпустит тебя, и ты уйдешь из города.

— Меня ждет позорный столб, — рассудительно сказал ангел.

— Откуда ты знаешь?

— Я прочел это в твоих глазах.

Елена потупила взор.

— Любимый, — сказала она после небольшой заминки, и голос ее звучал буднично. — Ведь это не так уж страшно. Они вымажут тебя грязью, но ведь за городом есть река. Ты отмоешься и

взлетишь в небо.

— А ты не подумала, нужно ли мне после этого небо?

Девушка возмущенно фыркнула.

— Ну, знаешь ли! Я пожертвовала ради тебя самым дорогим, что у меня было!

Ангел качнул головой.

— Ты пожертвовала самым дорогим, что было у меня. Когда–то давно я потерял Господа, сегодня я потерял любимую, а завтра потеряю небо. Ты спасала меня от огня. Но что есть огонь, который жжет тело, в сравнении с огнем, язвящим душу? Ты предала меня.

— Глупец! — Маленькая ручка злобно хлестнула распятого по щеке. — Глупец! Они сожгли б тебя, а завтра пришли бы за мной. Ты этого хочешь?

— Кто знает, что будет завтра. И кто знает, что будет через месяц? Время властвует над нами.

— Не кощунствуй! — строго приказала Елена, и ангел отчетливо различил в этих словах отзвуки голоса священника. — Он уже проклял тебя, а я не желаю, слышишь, не желаю быть проклятой! Надеюсь, ты будешь счастлив.

— Надеюсь, ты тоже, — эхом откликнулся ангел.

— Я приду посмотреть на тебя завтра.

И вновь прозвучало почти эхом:

— Я приду посмотреть на тебя через месяц.

— Глупец!

* * *

Толпа торжествовала. Ей дарили зрелище, роскошное зрелище! Зрелище унижения одиночки, возвышающее толпу до вершин горделивости.

— Это он! — кричали кухарки. — Говорят, он осмелился летать!

— Точно, — соглашались мясники. — Этот мерзавец парил на двух штуках, что прикреплены у него за спиной.

— Какой он отвратительный!

— Еще бы!

— Какой он жалкий!

— А каким он еще будет!

— Он осмелился стать птицей!

— Нет, он хотел быть Богом!

— Отец Ворд вернул его на землю!

— Слава Святому Отцу!

Мясники поднимали вверх кружки с пивом и жирно щупали радостно взвизгивающих кухарок. Отец Ворд благожелательно улыбался толпе.

— Святой Отец, гляди, чтоб бес не удрал в пре-

исподнюю!

— Не удерет! — бормотал Отец Ворд.

Он и сам подумал об этом еще ночью. Бес мог сбежать, взвиться в небо. Святой Отец вызвал палача и велел тому перебить бесу крылья. Палач исполнил приказание в точности, и теперь за спиною истерзанного юноши беспомощными тряпками болтались два потерявших блеск обрубка.

— Слава Отцу Ворду!

— Слава Господу нашему! — бормотал Отец Ворд.

Толпе было радостно. Ведь сквозь нее волокли того, кто осмелился не быть толпой. Он рискнул взвиться в небо, вместо того, чтобы месить зловонную грязь запруженных отбросами мостовых. Он осмелился уподобиться птице, вместо того, чтоб походить на бесхвостых обезьян, которые веселят толпу в балаганах. Он осмелился распрямить спину и взмыть к солнцу, вместо того, чтоб, согнув колени, вознести душу к Господу. Он был:

— Отъявленный мерзавец!

Толпа ухала, бесновалась и брызгала слюною, празднуя свою победу.

Она бросала огрызки, и кости, и гнилые овощи, а ражие мясники щедро плескали в истерзан-

ное лицо юноши недопитое пиво из глиняных кружек.

— Освежись, бес! На костре будет жарковато!

Толпа ликовала, а она улыбалась.

Елена не могла не улыбаться, ведь за ней следили внимательные глаза Отца Ворда, чьей законной супругой ей предстояло стать сразу же после позорной расправы. Прильнув изящной головкой к плечу священника, она тихо прошептала:

— Ведь правда, ему ничего не будет?

— Правда, дочь моя, — так же тихо говорил священник. — Времена костров прошли. Наш век гуманен.

— Хорошо.

Елене было хорошо. Толпа обнимала ее ласковым, похотливым взглядом, и уже не хотелось думать об этом несчастном оборванце, чьи волосы спутаны и нечесаны, а некогда белое тело покрыто слоем грязи и отвратительными рубцами. Правда, у него остались прекрасные голубые глаза, но разве черное хуже голубого? Ведь это тоже небо, только ночное.

Елена закрыла глаза и ни о чем не думала.

Ей было хорошо в толпе, ведь она была рождена толпой.

Бил колокол. Звонко и торжественно.

Радостно матерились мясники.

Взвизгивали кухарки.

Посреди площади ждал столб, обложенный сырыми поленьями.

У столба стоял палач в красной рубахе и уродливокомичном красном колпаке. Палач игриво посвистывал кнутом. Глядя на этот кнут, толпа веселилась еще более.

— Поддай этому парню! — кричали ражие мясники.

— Выбей из него дурь! — вторили кухарки.

— Врежь как следует! — орала безликая, словно толпа, Луиза.

— Я думаю, это пойдет ему на пользу, дочь моя! — тихонько прошептал Отец Ворд.

— Ты прав, любимый, — кротко согласилась Елена.

Его уже возвели на помост, и кузнец готовился соединить штифтами оковы и врезанные в позорный столб кольца. Священник и девушка стали рядом.

— Покайся, сын мой, и Господь пощадит тебя! — проблеял священник.

— Покайся, и тебя отпустят. Ну, что тебе стоит? — тихо шепнула девушка.

Юноша посмотрел на стоящую рука об руку пару и вдруг улыбнулся. Радостно и весело. Словно оковы не тяготили его, а огненные рубцы не жгли кожу.

Толпа разразилась негодующим ревом, а священник и девушка одинаково раздраженно поджали губы — они сделали все, что могли, и они были не из тех, кто собирается сделать лучше.

Кузнец приготовил штифт, палач раскрутил над головой кнут и…

Юноша вдруг оттолкнулся ногами от помоста и взмыл вверх. Бестелесно и плавно, подобно и духу, и птице. В этот миг вышло солнце, и лучи его обняли стройное тело золотистым нимбом.

Толпа застыла, не в силах даже ахнуть.

Толпа застыла, не в силах поверить в чудо.

А чуда и не было. Просто толпа не знала, что ангел может взлететь даже с перебитыми крыльями.

Руки Отца Ворда дрожали, волосы Елены уподобились серой перепрелой соломе.

Ангел скрылся из виду, а мясники и кухарки еще долго стояли на площади. Они смотрели в небо, не в силах вобрать в себя мечту о свободном полете. Ведь они были толпой, той самой, что

виснет на ногах и руках чугунными отшельническими веригами.

Прошел день, второй и четвертый — и до города дошли слухи, что в ближних краях, за рекой, объявился человек, нарекший себя Инквизитором, и у человека белоснежная кожа, золотистые волосы, голубые глаза, а его плащ за спиною подобен крыльям парящей птицы, и руки его, не ведающие жалости, обращают в факелы всех, кто не верит в воспарившего в небо Бога.

Прошел месяц — и настал день, когда очищающее пламя доползло до города.

ОРФЕЙ ОБЕРНЕТСЯ

1

Наступит миг — и Орфей обернется, ибо слаба воля человека, преисполненного робостью и сомнением…

Замок Медного Круга возвышается на огромном скалистом утесе, выдающемся глубоко в море. Здесь день и ночь бушует ветер, а солнечный диск зарождается в темных волнах, отряхивает седую пену и умирает в хризоберилловой пучине, бросая ломкий свет на уродливое око луны.

Замок Медного Круга — семнадцать приземистых, похожих на пузатые бочонки башен, соединенные стеною из дикого камня. Они вырастают одна из другой и обиты шестигранными медными пластинами, излучающими нестерпимо ослепительный свет. Здесь полно высоких стрельчатых арок в мавританском стиле, а архитектура святилища напоминает великолепный арабский храм в Кордобе. Еще здесь есть донжон, дворец и казармы на двести сорок лошадей, и множество переходов — явных и скрытых, некоторые из которых выводят к пене морского

прибоя. Здесь в толще скал спрятаны казематы, в которых томятся сотни узников.

Замок Медного Круга — резиденция могущественнейшего Полидема, графа Западного Побережья. Ни один из смертных не осмеливается приблизиться к жилищу своего сюзерена, не имея на это высокого дозволения. Орфей совершал дерзость, делая это.

Он шел много дней, шел мимо селений и постоялых дворов, мимо лугов и пашен с копошащимися на них работниками. Люди почтительно приветствовали певца, снимая свои выжженные полуденным солнцем шляпы, Орфей с рассеянным видом кивал в ответ. Он не замечал лиц здоровающихся с ним, так как взор его был устремлен в сторону блистающего желтыми шпилями Замка. Порой певец останавливался и уделял несколько мгновений скромной трапезе, но и в этом случае он не отрывал глаз от вожделенной цели. Засыпая, Орфей рассматривал темнеющие на фоне умирающего дня зубцы башен, а просыпаясь, видел их четкие контуры, вычерченные холодными утренними лучами.

Певец не был зван и шел по своей воле, но знал, что его ждут. Равнодушно или с нетерпением, но ждут.

День был в разгаре, когда Орфей ступил на узкую, вымощенную розовыми туфовыми плитами дорогу, ведшую от подножия скалы к воротам Замка. Дорога эта была то полога, то крута, она вилась по каменным карнизам причудливым серпантином. Орфей двинулся по дороге навстречу своей судьбе.

Огненные башни Замка становились все больше и больше, пока не нависли над головою певца, подобно сверкающим сталактитам. Резкий ветер трепал выцветшую одежду, играл спутанными волосами и бородою. Путник выглядел жалко, хуже любого нищего, но стоявшие в воротах стражи беспрепятственно пропустили его внутрь Замка. Кто же не знал Орфея, величайшего певца Побережья! Офицер, чей торс был закован в легкий чешуйчатый панцирь, отсалютовал Орфею серебряной шпагой и приказал одному из солдат проводить гостя во дворец.

Орфея провели в просторные покои, принесли воды, благовоний и чистые одежды. Певец тщательно омыл лицо, руки, запыленные, истерзанные дорогой стопы, но не прикоснулся ни к бархатным штанам, ни к узорчатой рубахе, ни к украшенному самоцветами поясу из драконовой кожи. Он полюбовался этими прекрасными ве-

щами и отложил их в сторону. Подобная одежда приличествовала знатному господину, Орфей же был обыкновенным бродячим певцом.

Только–только Орфей покончил с туалетом, как явился слуга, сообщивший, что светлейший граф ждет его.

Граф находился на самой вершине Крылатой башни — двухсотфутового донжона, шпиль которого был покрыт самородным золотом. Попасть сюда можно было лишь одним путем — по узкой винтовой лестнице, огороженной хлипкими перильцами, чьи ступеньки шатались под весом человеческого тела. Это было совсем не легкое испытание. Орфей выдержал его и очутился в круглой комнате с шестью круглыми же окнами. Посреди комнаты стоял стол, окруженный двумя десятками дубовых кресел. Орфей машинально подумал, что хозяин Замка подражает легендарному королю Артуру.

Граф сидел в одном из кресел — самом высоком, увенчанном трехзубой короной. При появлении Орфея он чуть привстал, указал на стол и жестом приказал гостю садиться. Орфей молча повиновался.

Они сидели напротив, внимательно рассматривая друг друга. Врывающийся сквозь широкие

овальные окна ветер играл бархатными занавесями и складками роскошных одежд графа.

Граф Полидем по праву считался не только первым господином, но и первым мужчиной своего государства. Он был высок, статен и благородно красив. Широкие, словно у атлета, плечи венчала гордая голова. Кисти рук были невелики, что свидетельствовало о знатном происхождении, но о их силе ходили легенды. Говорили, что граф может смять пальцами стальную подкову. Полидем был лучшим наездником, стрелком из лука и бретером, он был самым галантным кавалером. Вдобавок ко всему он превосходно пел, уступая в этом искусстве лишь одному Орфею. И еще, когда граф хотел этого, он бывал отменно вежлив.

Молчание нарушил Орфей.

— Я пришел воззвать к твоей справедливости, граф!

Полидем сделал медленное движение головой.

— Я слушаю тебя, сладкоречивый Орфей.

— Месяц назад твои слуги похитили Эвридику, мою невесту. Я пришел сюда, чтобы забрать ее. — Граф промолчал, наливая в кубок вино. Орфей заволновался. — Ты вернешь мне ее?

— Почему бы и нет, если она сама захочет вернуться. Захочет ли она вернуться к тебе, Орфей?

— Она любит меня! — жарко выдохнул Орфей.

— Мне показалось, ей понравилось здесь.

— Не может быть! Она привычна к свежему воздуху, солнцу и свободе!

Полидем улыбнулся.

— Свежий воздух… Разве его мало здесь? — Словно в подтверждение слов графа в окна ворвался порыв мокрого морского ветра, заполнивший залу пряными запахами соли и гниющих водорослей. — Солнце… Оно не уходит отсюда с раннего утра до позднего вечера. Свобода… Я никого не держу здесь против его воли. В Замок трудно войти, но покинуть его может каждый. Ты напрасно считаешь, Орфей, что твоя Эвридика несчастна. Ей хорошо здесь.

— Не верю!

— Хорошо, в таком случае я предоставлю тебе возможность самому убедиться в этом.

— Как и когда?

— Сегодня вечером я даю бал. Ты увидишь на нем Эвридику. Если она пожелает, я позволю ей уйти с тобой. А пока исполни мою просьбу. Спой мне Балладу Морской волны.

Орфей ожидал подобной просьбы.

— Я готов, — сказал он.

Полидем хлопнул в ладоши, и слуга принес

изящный, инкрустированный золотом и перламутром инструмент. Орфей тронул серебряные струны и запел. Он пел о любви и разлуке. И пел так, что на глаза Полидема, графа Западного Побережья, навернулись слезы.

На море опустилась ночь, и трубы герольдов возвестили о начале бала. Зал, в котором собрались гости, был огромен и прекрасен. Витые ароматные свечи заливали его ровным светом, причудливыми бликами игравшим на вычурных статуях, доспехах стражников, шпагах кавалеров и изысканных украшениях дам. Во дворце графа Западного Побережья собралось самое изысканное общество, какое только можно себе представить. Здесь были шесть благородных князей, чья кровь лишь на гран менее чиста, чем графская, семнадцать баронов из Долины и девятнадцать с Побережья, двадцать четыре маркиза, имевших право на нашейную золотую цепь, и сорок один — с застежкой в форме родового герба. На бал явились рыцари и благородные разбойники, адмиралы и корсары, знатные дамы и обольстительные шлюхи. Мужчины были в дорогих, украшенных золотом и драгоценными камнями камзолах, дамы — в длинных платьях, нескромно декольтированных на груди и спине.

Среди этого великолепия дорогих тканей и мишуры всеобщее внимание привлекал Орфей, так и не расставшийся со своим потрепанным хитоном. Он стоял по левую сторону от графского трона, возвышавшегося на пьедестале у южной стены дворца. Гости кланялись графу, тот кивал им в ответ; Орфей раздавал поклоны вместе с хозяином Замка. Певец делал это машинальным движением, словно марионетка, ибо мысли его были далекодалеко — рядом с маленькой рыжеволосой женщиной с волшебным именем Эвридика.

Орфей не расслышал обращенных к нему слов и очнулся лишь тогда, когда в его ребра больно уперся графский локоть.

— Орфей, — шепнул Полидем, — а вот и она.

Встрепенувшись, Орфей устремил взор на женщину, подходившую к трону рука об руку с галантным кавалером. Это была Эвридика, но как мало она была похожа на прежнюю Эвридику, ту, которую знал Орфей. У той была чистая загорелая кожа и распущенные по плечам волосы. Лицо этой было ярко и со знанием дела раскрашено — щеки покрыты слоем жирных румян, лоб и подбородок припудрены, губы напитаны экстрактом вишни. Еще большие изменения претерпела

одежда. Куда подевалось простое льняное платье, столь сообразительно облегавшее стройную фигуру. Эвридика была облачена в роскошный наряд из парчи, шелка и кружев, на шее висело рубиновое ожерелье. Иной стала и походка. Если раньше Эвридика летала, почти не ощущая веса собственного тела, то теперь ее шаг стал мелок и жеманен, словно в расчете на поддерживающую руку кавалера.

Эвридика увидела Орфея, и на лице ее появилась улыбка. Певец понял, что она рада его приходу. Он собирался сойти со ступеней вниз, чтобы обнять ее, но в этот миг граф подал знак, и заиграла музыка. Медленная и тягучая, подобная жужжанию ленивого шмеля. Гости немедленно разбились на пары и начали вальсировать. Лишь хозяин Замка, Орфей и четверо вооруженных алебардами телохранителей неподвижно стояли на тронном возвышении. Все прочие кружились, притоптывали, легко перебегали из одного конца залы в другой. Лица кавалеров раскраснелись, яркие губы дам размазались лепестками улыбок. В воздухе витал пряный запах чувственности и наслаждения.

Орфей недовольно кривил рот. Его раздражала музыка — слишком громкая и сумбурная, по сути

— набор бессмысленных звуков. Оглушительно визжали скрипки, в этот визг врывалось глухое рыдание контрабасов и геликорнов, а через миг все тонуло в громоподобном реве труб. Какафония, лишенная красоты и гармонии.

Страдальчески щурясь, Орфей следил за тем, как танцует Эвридика. Она порхала словно разноцветная бабочка, подпрыгивая и перелетая с места на место. Она то взмывала вверх, то замирала в объятиях кавалера. И с лица ее не сходила счастливая улыбка. У Орфея холодело сердце, когда он ловил эту улыбку.

Едва кончился один танец, музыканты тут же заиграли новую мелодию. Вальс сменился жеманным контрдансом. Эвридика продолжала кружиться по залу. Голова ее томно лежала на плече партнера, тонкая талия трепетала от прикосновения сильной руки. Орфей неотрывно наблюдал за ней, граф Полидем столь же пристально рассматривал Орфея. В глазах хозяина Замка мерцали отблески пурпурного огня.

Это было необыкновенно красивое зрелище — сотни плывущих по темному мрамору пар. Тусклые блики играли на шитых золотом одеждах, разбрасывая неверные тени на стены и покрытый фресками потолок. Чадили куриль-

ницы, выбрасывая вверх струйки благовонного дыма, который не мог перебить сладкого аромата женского пота и страсти.

Орфей не шевелился. Лицо его все более бледнело. Наконец, не выдержав, он обернулся к хозяину, словно умоляя его остановить танец. Тот ответил улыбкой и прошептал:

— Видишь, ей у меня нравится.

Певец сглотнул липкую слюну.

— С кем она?

— Танцует?

— Да. Этот барон д'Эргвиль. Он командовал отрядом, который привез твою девушку в Замок. Он красив, верно?

Орфей не ответил, потому что барон д'Эргвиль был и в самом деле красив. Певец почувствовал, как его сердце кольнула острая игла ревности.

— Я заберу ее.

Граф Западного Побережья еще раз усмехнулся.

Потом были менуэт и мазурка. Эвридика продолжала танцевать, и лицо ее светилось неподдельным восторгом. Она была самой красивой дамой бала. Орфей чувствовал некое подобие гордости и одновременно острой ревности — чисто животной, за обладание самой привлекательной

самкой. Он пытался уверить себя, что счастлив, ведь он нашел Эвридику, но сердце не оставляли неуверенность и неясная тоска.

В последний раз взвизгнули скрипки, и все стихло. Музыканты начали подтягивать струны, танцоры потянулись к столам, на которых стояли блюда с фруктами, сластями и кувшины легкого светлого вина. Граф извинился и сошел вниз. Взяв под руку какого–то рыжеволосого господина, он заговорил с ним. И в этот миг Орфей ощутил, как внутри него дрогнула душевная струна — на возвышение поднималась Эвридика.

Девушка держала в руке надкушенный персик, сладкий сок которого пузырился на вишневых губах. Грудь ее вздымалась чуть чаще, чем обычно, на припудренном лбу проступили крохотные капельки пота.

— Привет, — сказала она, улыбнувшись.

Орфей кивнул и попытался изобразить ответную улыбку, но губы дрогнули, растянувшись в нервную гримасу.

— Я ждала, когда ты придешь.

— И я пришел.

— Да, — звонко подтвердила Эвридика и положила теплую, слегка влажную руку на плечо Орфея. — Ты пришел.

Я ужасно рада, мне было плохо без тебя.

— А мне без тебя. Я даже перестал петь, — пожаловался Орфей.

— Это ужасно! — сказала Эвридика, изо всех сил стараясь придать голосу соответствующие интонации. — Я так ждала тебя!

Орфей обратил внимание на то, что на них обращены сотни любопытных глаз, и ему стало не по себе. Потупив взор, он сжал в ладони тонкие девичьи пальцы и сказал; сказал совсем не то, что хотел сказать:

— Здесь красиво. Тебе нравится?

— Да, — не лукавя, ответила Эвридика. — Здесь весело.

Мне дали дорогие одежды и украшения. Обо мне заботятся слуги. Меня всячески развлекают любезные кавалеры.

Орфей смутился еще больше. Он вдруг осознал, что не сможет тягаться в красоте и изысканности манер со всеми этими разодетыми баронами и князьями. И что только они нашли в этой простой, не приученной к благородным манерам девушке?

— В таком случае, ты не захочешь оставить Замок?

Эвридика тоненько засмеялась, показав ост-

ренькие белые зубки.

— Что ты, дурачок! — Она сделала паузу, от которой сердце певца екнуло — не захочет. — Конечно же, я уйду с тобой. Я люблю только тебя. Мне нет дела до Замка и всех этих вельмож. Ведь ни один из них не питает ко мне чувств, которые заключены в твоем сердце.

— Даже барон д'Эргвиль?

Румяна не смогли скрыть того обстоятельства, что Эвридика покраснела.

— Он любезен со мной, но не более. И он безразличен мне. Хотя… — Эвридика замялась. — Хотя здесь очень неплохо. Может быть, нам остаться здесь? Уверена, граф Полидем будет рад, если ты согласишься жить в Замке.

Орфей покачал головой. Он хотел объяснить, что певец лесов и лугов не может жить заключенным в башне, пусть даже эта башня стоит посреди рокочущего моря и сделана из чистого золота. Певцу нужен простор, стены ломают голос, низводя его до хрипоты и писка. Орфей собирался сказать все это, но не успел. Расфранченный дирижер взмахнул палочкой, и раздались первые аккорды. Эвридика заторопилась.

— Милый, мы договорим позже. А сейчас я должна идти.

С этими словами девушка упорхнула вниз в переплетение сверкающих одежд, где ее поджидал победоносно улыбающийся маркиз д'Эргвиль. Звуки инструментов переплелись в ритмичный хаос, порождая примитивную мелодию. Сотни разноцветных пар возобновили кружение по залу. Раз–два–три, раз–два–три–па. Раз–два–три, раз–два–три–па. Орфей молча с тяжелым сердцем взирал на это кружение; и чувствовал, что в душе его рождается пустота. Ему стало тяжело, и он оперся рукой на золоченую спинку графского трона. Стоявший слева стражник косо взглянул на оборванца. Он намеревался сделать ему замечание, но наверх уже поднимался граф Полидем.

С улыбкой кивнув Орфею, граф занял свое место. Какое–то время он молча рассматривал причудливый калейдоскоп, образованный яркими одеждами танцующих, затем повернулся к певцу и поманил его пальцем. Орфей послушно нагнулся.

— Поговорили?

В голосе графа не было любопытства, лишь формальный вопрос. Орфей понял, что граф наблюдал за ним.

— Да.

— И что же?

— Эвридика согласна уйти со мной.

— Вот как? — на этот раз граф, похоже, удивился. — Надеюсь услышать то же самое из ее уст.

— Она подтвердит мои слова, граф Западного Побережья.

— Надеюсь, — вновь повторил Полидем.

В бархатных глазах графа играли багровые демонические огоньки. Он задумчиво коснулся рукой острого клинышка бородки.

— Ты ведь сам не веришь в это.

Орфей не возразил. Граф воспринял его молчание как свидетельство своей правоты.

— Она не пойдет с тобой.

— Лишь в том случае, если ты силой воспрепятствуешь этому! — резко воскликнул Орфей.

— Что ты, певец. Игра, предложенная тобой, мне по вкусу. Я заронил в твое сердце сомнение. Человеку свойственно сомневаться. Сомнение — вот в чем главное зло человечества. Даже в минуты величайшего счастья человека грызет червь сомнения, твердящий одну–единственную песню — а не есть ли настоящее счастье лишь пролог к грядущим бедам. Ведя на приспущенном поводу коня, человек то и дело оглядывается, проверяя, не оставил ли тот своего хозяина. Покидая надолго дом, муж искоса смотрит на жену, а не

готовится ли она принять на супружеское ложе сладострастного соседа? Не всякий полководец рискнет выйти вперед, чтобы возглавить атаку своего войска. И не из страха перед вражеским мечом. Он опасается судьбы Антония, покинутого своими легионами. Человек сомневается и оттого несчастлив. Человек опасается признаться в любви своей возлюбленной из страха, что она посмеется над ним. Друг опасается поделиться сокровенным с другом, ибо сомневается — а существует ли дружба вообще. Недоверие и мнительность правят миром. И посему я отпущу вас, но поставлю одно условие. Ты покинешь Замок первым, Эвридика будет следовать за тобой чуть поодаль. И если вдруг ты обернешься, чтобы убедиться, а не остановилась ли она, не повернула ли обратно, мои люди немедленно разлучат вас. Эвридика вернется в Замок, а ты пойдешь своей дорогой. Это и есть мое условие.

— Оно жестоко, граф.

— Конечно. Как и все в этом мире. Смерть сомнению! Да здравствуют решимость и непреклонность! Человек не вправе всю свою жизнь оглядываться назад, проверяя, а не отбился ли он от стаи. Человек должен быть уверен в своей силе, и тогда стая никогда не отобьется от него.

Ты согласен со мной, поэт?

— Нет, это слишком жестоко.

Граф усмехнулся, образовав на щеках симпатичные ямочки.

— Ты заставляешь меня повторяться. Жестокость определяет лицо мира. Это главная его сторона. Жестокость есть первое выражение незыблемости и постоянства. Сомнение есть апокалипсис незыблемости и основа слабости и страха. Ты должен изжить в себе глупый страх перед грядущим. Ведь ты певец, ты голос тысяч и тысяч. И ты не имеешь права проповедовать сомнение и страх. У тебя есть выбор — либо ты принимаешь мои условия и получаешь право уйти с Эвридикой, либо она остается у меня.

— Я принимаю твои условия! — закричал Орфей столь громко, что голос его заглушил шквал звуков.

А пары продолжали скользить по влажному мрамору пола…

Они покинули Замок на рассвете. Рядом с шедшим впереди Орфеем шагали два закованных в доспехи стражника, сотрясавшие воздух грохотом металла. Позади должна была идти Эвридика.

Орфею позволили взглянуть на его возлюб-

ленную в последний раз в воротах Замка. На Эвридике было выцветшее льняное платье, а привыкшие к мягкому сафьяну туфель ножки осторожно ступали по усыпанной соломой и конским навозом земле. Неподалеку стояли несколько придворных, среди которых был и барон д'Эргвиль. Он пристально смотрел на Эвридику, та же бросала на своего кавалера быстрые, словно случайные, взгляды, и Орфей вновь ощутил, как медный обруч сдавливает ему сердце.

Взошло солнце. Герольд махнул рукой.

— Иди! Граф ждет тебя у подножия скалы. Там конец твоему испытанию. И помни, стоит тебе обернуться, и девушка вернется в Замок!

Орфей кивнул — он помнил — и зашагал вниз по розовеющей в сиянии первых лучей дороге.

Посвистывал ветер, впитывавший абсолютно все звуки, кроме грохота медных сапог стражников. Еще громче был стук мнительного сердца. Орфей не сделал и пятидесяти шагов, а ему уже хотелось повернуть голову и удостовериться, что Эвридика идет следом. Сжав зубы, певец подавил это желание.

Еще сто. Медные сапоги стражников грохотали раскатами весеннего грома. Они шагали, словно нарочно, не в такт, низводя паузу между очеред-

ным ударом ноги о землю до бесконечно малого мгновения.

Дорога слегка повернула вправо. Орфей скосил глаза, надеясь, что произойдет чудо и он увидит хоть край одежды Эвридики. Но поворот был слишком плавным, к тому же шедший по правую руку стражник приотстал. Орфей решил, что он сделал это нарочно, и возненавидел стражников.

Трое вышли из–за каменного утеса, прикрывавшего дорогу с запада, и попали в мощный поток ветра. Воздушные струи рвали одежду и разухабисто свистели в ушах. Вой был столь силен, что Орфей даже перестал слышать удары собственного сердца. Они утонули в этом дыхании моря, порожденном слиянием ночной прохлады и восходящего солнца.

Нога Орфея подвернулась, и он едва не упал. Стражники поспешно подхватили певца под руки, более всего заботясь о том, чтоб он ненароком не подсмотрел, что творится у него за спиной. Они были вовсе не злыми, эти стражники. Орфей чувствовал, что они желают ему добра, но он все равно ненавидел их. И еще — в этот миг он был готов отдать все добро этого мира за один–единственный звук — шелест легких девичьих ножек. Но как же сильно изменилась Эвридика!

Десять, пятнадцать, двадцать шагов. Оставалось совсем немного, но черный червь сомнения все глубже вгрызался в трепещущее сердце Орфея. Он входил тонким иззубренным буравом и рвал плоть в кровавые клочья.

Впереди возник смутный силуэт. Орфей ускорил шаг. Он шел все быстрее, потом побежал. Он мчался навстречу ухмыляющемуся графу Западного Побережья. Он уже мог разглядеть золотой узор на его камзоле. И он не выдержал и на бегу обернулся назад.

Дорога была пустынна. Ни стражников, ни Эвридики не было и в помине.

Ошеломленный, задыхающийся, Орфей приблизился к графу.

— Как же так? Ты обманул меня!

Полидем, граф Западного Побережья, с усмешкой посмотрел на Орфея. В его бархатных глазах мешались сочувствие, презрение и жестокость.

— Она поняла, что ты не выдержишь испытания. А прежде она поняла, что ей хорошо у меня. И она чувствовала, что и ты понял это. Сомнение оказалось сильнее твоей любви, Орфей. Так пой же отныне лишь грустные песни. Пой!

Граф аккуратно обогнул Орфея, словно имел дело с неодушевленным предметом, и зашагал

вверх к Замку. Орфей смотрел ему вслед до тех пор, пока крохотная фигура Поли–дема не слилась с черным месивом скалы. И тогда из глотки Орфея вырвался ужасный вой.

То был плач по утерянной любви.

То был вопль путника, вдруг осознавшего, что ему не дойти до желанной цели.

То был гимн сомнению.

А где–то далеко, на вершине скалы, танцевала легкая, словно мотылек, Эвридика.

2

Наступит миг, и Орфей обернется, ибо сила человека ничто в сравнении с волей бессмертных богов…

Фидий изобразил повелителя неба громадным базилевсообразным мужем с тяжелыми мускулами атлета и глазами, переполненными жгучей черной энергией. В гневе эти глаза сверкали, и тогда на землю летели молнии, испепеляющие все сущее. Фидий не страдал избытком идолопоклонства, каждый представлял бога примерно таким — огромным и грозным. Величие — во всеобъемлии, величие — в силе, способной подавить человеческое я. На деле бог был куда более земным, чем представлялось людям. Он ел, пил,

справлял естественные надобности, волочился за шлюхами, не оставляя вниманием ни один подол, за которым пряталась стройная ножка. У него было лицо портового менялы — острое и жуликоватое, словно лисья мордочка, объемистый животик, тоненький визгливый голос и такой запас цинизма, которому мог позавидовать сам Антисфен, бывший, впрочем, скорей философом, нежели циником. И еще у него были противные потные руки, которыми во время разговора он лапал своих собеседников. Что и говорить, это был пренеприятный субъект, и люди обращались к нему лишь в случае крайней необходимости.

У Орфея такая необходимость была.

Как и положено, человек пал на колени, воздев вверх руки.

— О великий Вседержитель!

— Немедленно поднимись! — завопил в ответ бог и прибавил, наблюдая за тем, как проситель с хрустом распрямляет ноги: — К чему это низкопоклонство!

Он выставлял себя либералом, это считалось признаком хорошего тона.

Орфей поднялся. Бог стоял на небольшом подиуме и оттого казался огромным и внушительным, но певец знал, что все это не более чем иллюзия.

Иллюзия, претендующая на величие, обманна. Под нею скрываются низменные страсти и пожелтелая ткань заношенных кальсон. Но правила игры требовали быть смиренным. И Орфей изобразил смирение. Для этого ему пришлось опустить уголки губ и наморщить лоб. Проделав подобную метаморфозу со своим лицом, певец посчитал, что формальности соблюдены, и перешел к делу.

— Великий Вседержитель, взываю к твоей справедливости!

— Я слушаю тебя, певец, — отозвался бог. — Изложи мне суть дела, с которым ты пришел ко мне, я рассмотрю его и покараю твоих обидчиков, если тебе нанесена обида, или тебя, если обиду нанес ты.

— О великий Вседержитель, ты мудр и благороден! — провозгласил Орфей. Бог милостиво кивнул, изобразив улыбку.

— Говори.

— О великий Вседержитель…

Бог начал выходить из себя.

— Я велю тебе — говори!

— Хорошо.

Орфей понизил голос сразу на два тона, поменяв восторженность на оттенок доверительности.

— Какой–то мерзавец похитил мою возлюбленную Эвридику.

При этих словах бог вздрогнул и, как показалось Орфею, стал чуть ниже. Однако лицо его осталось бесстрастным, хотя нет — оно изобразило сочувствие.

— Ай–яй–яй, какой мерзавец! Назови мне его имя, певец, и я испепелю негодяя молнией.

Глаза бога грозно сверкнули, из–за ширмы, где стоял магнитофон, донесся грохот грома, а система подсветки изобразила далекую зарницу.

— Я не знаю его имени, но люди, видевшие, как все произошло, рассказали мне, что похититель прискакал на колеснице, запряженной шестеркой белых жеребцов.

— Да? — Бог почесал плешивую голову и сошел с подиума навстречу Орфею. — Что ты говоришь, Орфей? — спросил он, понизив голос почти до шепота. — Ведь это колесница моего брата.

— Так может быть, это его рук дело?

— Думай, прежде чем говоришь! — крикнул бог. — Брат Вседержителя вне подозрений.

— Да, — послушно согласился Орфей.

— Впрочем, — бог взял просителя под локоток и увлек его из тронной залы на открытую веранду. Когда они очутились вне дворцовых стен, бог

толкнул Орфея плечом и, хитро усмехнувшись, шепнул:

— Здесь нет микрофонов. — После этого бог вернулся к прежней мысли. — Впрочем, мой папаша говаривал, что в тихом омуте черти водятся. Правда, он говорил это обо мне. И к тому же с его стороны это было всего лишь предположение, превратившееся в утверждение, лишь когда он очутился на нарах. Но Посейдон хороший семьянин, как ты считаешь?

— Если не принимать в расчет полусотню его внебрачных детей, да.

Бог захихикал.

— Кто не без греха! Так, значит, этот пират уволок твою подружку?

— Я тоже так вначале подумал, но видевшие похищение утверждают, что колесницей управлял вовсе не Посейдон.

— Кто же?

— Они не разглядели его лица, но смогли заметить, что похититель был кривоног, сутул и плешив.

Бог медленно разогнул спину и отодвинулся от Орфея с таким расчетом, чтобы тонзура, выбритая годами и сладострастием, была менее заметна.

— Тогда, может быть, это был кто–то из его

слуг?

— Я так и подумал, Вседержитель. И потому обратился за советом к всезнающему Сизифу.

— Как, этот мерзавец еще жив? — неприятно изумился бог.

— Да, и одна очень влиятельная особа выплачивает ему пансион, вполне достаточный для обеспечения сытой старости.

Бог состроил умильную гримасу.

— Я не злопамятен к поверженным врагам. И что он тебе сказал?

— Сизиф посоветовал мне искать следы у того, кто некогда похитил дочь Эсопа.

— Как? — Бог оскорбился. — Ты подозреваешь меня?

— Да, Вседержитель. Тебе же известно, что Сизиф не ошибается.

Бог рассеянно поковырял пальцем в носу.

— Ах, Сизиф, Сизиф! Каков мерзавец! И это после всего того, что я для него сделал! Неблагодарный!

— Неблагодарность простительна для человека, — заметил Орфей.

— Ты полагаешь? — Бог оживился. — А вот если, к примеру, рассмотреть неблагодарность как эманацию провидения…

Певец не дал собеседнику развернуть мысль.

— Мы не на афинской агоре!

Бог поблек и кашлянул.

— Верно. Так чего же ты хочешь?

— Верни мне мою женщину.

— Это чрезвычайно дерзкая просьба, Орфей.

— Согласен. Но ты не заслуживаешь иного обращения.

— Я могу покарать тебя!

— Перемотаешь пленку и изобразишь гром?

— Неслыханная дерзость!

Орфей не отреагировал на это замечание и принялся насвистывать мелодию неприличной песенки. Бог пребывал в легком замешательстве.

— Согласись, это даже как–то неудобно, чтоб Вседержитель исполнял требование простого смертного. Все же я бог или не бог!

— Слушай, ты, бог! — Орфей резко повернулся к собеседнику. — Будешь слишком много болтать — я сообщу о случившемся божественному совету и поставлю вопрос о твоем переизбрании.

Лицо бога покраснело от досады и ярости.

— Шантаж? — свистящим шепотом выдавил он.

— Считай это чем хочешь. Тебе мало других юбок?

— Но право сюзерена?

— Забудь о нем! Времена изменились.

Бог поднял вверх правую руку, растопырив пальцы, принял выспренную позу и провозгласил:

— О времена, о нравы!

— Компилятор несчастный! — немедленно отреагировал Орфей.

— Да что ты понимаешь! Если хочешь знать, это откровение подсказал Цицерону именно я!

— Мы отклонились от темы.

— Да–да. Знаешь, Орфей… — Бог доверительно положил потную ладонь на плечо собеседника. — Мне как–то неудобно возвращать твою Эвридику так просто без какого–либо условия. Подумают, что я уступил тебе из слабости. Согласись, это может подорвать авторитет власти. Ты, как член совета, должен об этом думать.

Орфей задумался. На его лице отразилась целая гамма чувств — брезгливость, сомнение, согласие наконец.

— Твоя правда. Что ты предлагаешь?

Бог причмокнул пухлыми губками.

— Надо сделать так, чтобы ты согласился на какое–нибудь условие. Что–то вроде небольшого испытания. Знаешь, боги часто подвергают лю-

дей испытанию.

— Что я должен сделать? Пройтись по морю или слетать на луну?

— Что ты! Что ты! — Бог замахал руками. — Меня засмеют, если я остановлю свой выбор на столь низкопробном шарлатанстве. Здесь требуется что–нибудь оригинальное. Этакое рыцарское испытание. Нечто вроде обета молчания.

Орфей хмыкнул.

— Чего удумал! Если я перестану петь, кто будет платить мне деньги?

Бог скривился, словно у него заболел коренной зуб.

— Да речь идет совсем не об этом. Пой сколько влезет.

Я сказал это так, к примеру. Ну, хочешь, возьми обет месяц ходить спиною вперед.

— Чтоб я, член божественного совета, ползал раком? Не бывать этому!

— Да, не совсем удобно, — согласился бог. — А как ты посмотришь на то, чтобы недельку попоститься?

Орфей ответил мрачным взглядом.

— Завтра начинаются Великие Мистерии. Ты хочешь, чтобы меня приняли за идиота?!

— М–да! Трудная ситуация. Может быть, ты сам

придумаешь что–нибудь?

— Я не знаю. Вот что, отдай мне ее просто так, а я сочиню за это в твою честь хвалебную оду.

— Само собой разумеется, что ты сочинишь в мою честь оду. Но вот отдать ее тебе без испытания я не могу. Подорвет авторитет власти. Как член божественного совета ты должен понимать это.

— Заладил — член, член! — рассердился Орфей. — Тогда назначай испытание!

— Ну хорошо, давай поступим таким образом. Я наложу на тебя заклятие… Формальное, конечно, — поспешил прибавить бог, видя, что Орфей намеревается возразить. — Заклятие следующего рода. Я отпускаю Эвридику, но с тем условием, что она пойдет вслед за тобой, а ты должен будешь ни разу не оглянуться. Если же ты оглянешься, она останется у меня. — Бог хихикнул. — Я давно мечтал о симпатичной пухленькой экономке. Ну как, согласен?

Орфей засомневался.

— Подозрительно все это. Какую выгоду извлечешь ты?

— Самую прямую. Если ты оглянешься, то тем самым будет подтверждена неотвратимость божественной воли. Если же ты справишься с

испытанием, все узнают о моем благородстве и добросердечии. Тоже недурная реклама.

— А ты хитер! — Орфей усмехнулся.

— Приходится быть хитрым. Жизнь такая.

— Ну ладно, допустим, я соглашусь. Когда все это произойдет?

— А когда хочешь.

— В таком случае прямо сейчас.

Бог хитровато сощурил левый глаз.

— Что, соскучился по пухлым сиськам?

— Не смей говорить о моей женщине в подобном тоне! — потребовал Орфей.

— Хорошо, хорошо…

Обернувшись к темному проему, бог закричал:

— Гермес! Гермес, собачий сын!

Появился Гермес, жирный и лениво позевывающий.

— Что тебе, пес?

— Как ты смеешь разговаривать со мной подобным тоном?!

— Ну, если я собачий сын, а ты мой отец, то следуя абсолюту, можно придти к заключению…

Бог подскочил к разговорчивому юнцу и с размаху влепил ему затрещину.

— Слышал, какой умник? — вопросил он, оборачиваясь к Орфею. — Наглец! Дешевка! Ученик

софистов!

Гермес обиделся.

— Да они тебя шутя за пояс заткнут!

— Сам заткнись! — велел бог. — И чтоб я больше от тебя подобного не слышал. Садись и пиши.

Пробурчав что–то нечленораздельное, Гермес нехотя устроился за небольшим столиком, который по собственной инициативе выскользнул из чрева дворца. Взяв в руку парке–ровское перо, юнец осведомился:

— Чего писать–то?

— Пиши! — Бог вдохновенно закатил к небу глаза и начал диктовать:

— Я, великий Вседержитель, бог неба и земли, заключаю договор с членом божественного совета…

— Не части! — перебил Гермес.

Бог поубавил тон.

— Орфеем, согласно которому, то есть договору, обязуюсь добиться возвращения жены… — бог вопросительно взглянул на певца, тот кивнул, — … жены вышеозначенного Орфея, похищенной неизвестным, при условии, что тот, то есть Орфей, пройдет следующее испытание, а именно проделает путь от моего дворца до парадных ворот, ни разу при этом не обернувшись. В противном

случае жена вышеозначенного Орфея остается у того, кто является ее владельцем в настоящий момент. Написал?

— Настоящий момент, — пробормотал Гермес и поднял голову. — Готово.

Забрав у сына перо, бог протянул его Орфею.

— Подпиши.

Тот на мгновение заколебался, но потом все же вывел свое имя. Рядом появились размашистая подпись бога и дата.

— Все формальности соблюдены. Сейчас приведут твою подружку.

Орфей издал глухое сопение, воспринятое богом в свой адрес.

— Ты не думай, что это сделал я. Ее похитил мерзавец Гадес. Сам знаешь, он мастер на подобные проделки. Я лишь отбил ее, чтобы вернуть тебе. — Орфей засопел еще громче. — Ах да, — спохватился бог, — ведь ты должен умолять меня, петь мне свои чудесные песни…

— А не пошел бы ты! — недвусмысленно предложил Орфей.

— Так не положено, Орфей. Ведь ты, как член божественного совета, должен думать об авторитете власти.

— Ну хорошо, — сдался певец. — Что петь–то?

— А хоть вот эту… — Бог прокашлялся и тоненько затянул:

— Где вы теперь, кто вам целует пальцы…

Орфей подхватил мелодию, старательно подстраиваясь под фальшивый тенорок бога. Гермес беззвучно хохотал, повернувшись к ним спиною. Жирные плечи его тряслись, словно куски свиного студня.

Была пропета еще одна песня, затем еще одна, прежде чем появился слуга, ведший за руку Эвридику. Увидев Орфея, девушка бросилась к возлюбленному и повисла на его плечах.

— Ладно, ладно, голубки, — проворчал бог, с нескрываемым вожделением поглядывая на загорелые ляжки Эвридики. — Поворковали и хватит. Певец, изложи ей суть нашего договора.

Орфей послушно объяснил возлюбленной, что она должна делать.

— И заруби у себя на носу! — встрял Зевс. — Ты, девка, не должна издавать ни звука, ни шороха, иначе я зачту твоему приятелю поражение. А ты, мой сладкоголосый соловей, ни под каким предлогом не должен оборачиваться.

— И не подумаю! — Орфей нагнулся к уху Эвридики и что–то прошептал. Девушка улыбнулась, что заставило бога нахмуриться.

— Надеюсь, хотя божественную волю не так–то легко одолеть.

Орфей расхохотался и неприличным жестом показал, что думает о божественной воле и ее обладателе.

— Хам, — процедил бог, когда Орфей направился по гаревой дорожке, ведущей к воротам. Он нежно лапнул руку Эвридики. — Красотка, может быть, тебе все же стоит подумать насчет того, чтобы остаться у меня.

— Я уже говорила тебе — женись!

— Мое солнышко, — проворковал сластолюбец. — Ведь я не турок какой–нибудь, чтобы иметь двух жен. Знаешь, сколько у меня было таких, как ты. Да послушай я каждую из вас, мне пришлось бы содержать целый гарем! Моя кошечка!

С этими словами бог ущипнул девицу за пухлую попку. В ответ она звонко шлепнула ловеласа по щеке.

— Тогда отваливай! Орфей обещал жениться на мне!

Не слушая новых увещеваний, Эвридика вырвалась из липких объятий и быстро сбежала по ступеням дворца. Гермес продолжал беззвучно хохотать, пребывая в совершенном восторге от этой сцены, пока его жирная спина не ощутила

увесистый шлепок.

— Ну что, насмеялся?

— Да… я…

— Молчи! — велел бог. — Молчи и слушай. И прими форму.

Гермес кивнул и в тот же миг исчез в облаке розового дыма. Через мгновение он появился вновь, красивый и стройный. Бог оглушительно чихал.

— Аллергия на эту пакость, — пробормотал он, разгоняя правой рукой рваные куски дыма, а левой вытирая бегущие по щекам слезы. — Теперь слушай меня! Первое, дежурный ивовый куст у ворот.

Гермес извлек из кармана штанов коробочку дистанционного передатчика и нажал на одну из кнопок. Земля возле входа в парк разверзлась, и из нее выскочил ивовый куст.

— Готово.

— Отлично! — одобрил бог. — Второе, двух киллеров к Сизифу. Наглец стал слишком болтлив. Да прикажи им работать мечами, а не ядом, как в прошлый раз. Старик напичкан противоядиями

от головы до самой задницы — прямо Митридат[2] какой–то! И, наконец, третье, выпусти универсал, в котором сообщи всем, что певец Орфей сошел с ума и помещен в клинику Менад. Там знают, что с ним делать. Все понял?

— Да, отец.

— Тогда вперед, мой милый. Отдай все соответствующие распоряжения и, будь любезен, принеси мне цейсовский бинокль.

Через миг бог, держа искомый предмет в руках, наблюдал за Орфеем.

Орфей шагал широко и уверенно, Эвридика, как и было велено, следовала за ним на должном расстоянии. Вот Орфей достиг ворот, и тогда бог нажал на одну из кнопок — третью в третьем ряду. Ивовый прут, самый близкий к тропинке, колыхнулся, словно от порыва ветра, и устремился прямо в лицо Орфею. Инстинктивно, защищая глаза, тот отвернулся и встретился взглядом с Эвридикой.

В тот же миг победно взревели динамики, спрятанные меж клумбами. Прибежавшие санитары

---

[2] Примечания: 2

Митридат 6 Евпатор, царь Понтийского государства,опасаясь быть отравленным, всю свою жизнь принимал значительные дозы ядов в качестве противоядия, обезопасив таким образом себя от покушений подобного рода.

скрутили Орфея, а выскочившие из дворца слуги потащили брыкающуюся Эвридику к ее новому господину.

— Воля бога — закон! — напыщенно продекламировал Гермес, заключив этой фразой текст уже готового универсала. Довольный своей работой Гермес беззвучно захохотал.

Бог вернулся во дворец и ласкал присмиревшую Эвридику, насвистывая при этом мелодию своей любимой песенки, которую только что столь фальшиво напевал на пару с Орфеем. Только теперь в его голосе не было слышно ни единой неверно взятой ноты.

3

Наступит миг — и Орфей обернется, ибо песня гаснущей природы преисполнена грусти и одиночества…

Люди старались реже бывать в Гефсиманском Лесу; считалось, что через него проходят пересекающиеся плоскости времени и пространства. Быть может, все это выдумал досужий мудрец, но по крайней мере здесь было в переизбытке непонятного и необъяснимого. Солнце могло вдруг раздвоиться, а день превратиться в ночь. Здесь царили таинственные шорохи, а на едва

приметных тропинках можно было повстречать вервольфа, русалку или сатира. И подобная встреча не вызывала изумления, ибо в таком месте могло случиться что угодно.

Люди не любили этот Лес. Он не вписывался в объяснимый прагматичный мирок, к которому они принадлежали. Каждый знал, что должен делать при встрече с разбойниками, но ни один не имел представления, как поступить, столкнувшись с лесной ведьмой или тенью отца царевича Гамлета. Еще поговаривали, что где–то здесь находится вход в Аид, а на одном из заросших елями холмов давным–давно был распят самозванец–маг. Это, как вы понимаете, тоже не прибавляло Лесу популярности.

Все сторонились его, и лишь один из всех считал Лес своим домом. Но что взять с поэта, ко всему прочему еще и сумасшедшего. А как иначе? Вдумайтесь сами, станет ли нормальный человек ночевать в медвежьей берлоге или сочинять песни, непривычные человеческому слуху. А уж если копнуть глубже — станет ли нормальный человек поэтом?

Вот то–то и оно. Поэтому все поэты сумасшедшие. Тихие иль буйные, любимые или нет, но сумасшедшие. И отношение к ним соответ-

ственное — как к глупым, непонятным и смутно опасным существам. В лучшем случае накормят да пустят переночевать.

Этот не просил ночлега, его домом был Лес. И не заговаривал о еде, о ней заботились лужайки и шумящие деревья. И потому он прослыл немного колдуном, неопасным, хотя и загадочным. Он был загадочен, словно Лес.

У него было имя, но никто не помнил его; все называли его просто Поэт. Он сочинял стихи и клал их на музыку. Странные слова и еще более странная мелодия. Торговцы и крестьяне не понимали его песен, но поговаривали, что если слушать их долго, то можно увидеть наяву и цветенье волшебной травы, и трепетный бег ручейка, и порханье пурпурных бабочек, услышать пение сладкоголосых птиц и тонкий гомон эльфов, можно почувствовать необычное тепло лучей, испускаемых двойным солнцем. Ясное дело — здесь не обходилось без колдовства.

Поэт являлся в деревню лишь несколько раз в год — на праздники, где развлекал толпу своими причудливыми песнями. Кто–то смеялся над ними, но находились и такие, что плакали. Но зачем говорить об этих последних, ведь в мире и без того так много печали и неустроенности. Сме-

ющиеся совали Поэту кусок пирога и гнали его обратно в Лес — водить хороводы с призрачными красавицами.

Но случилось так, что в Поэта влюбилась красавица реальная, первая красавица деревни. Ее так и звали — Красавица. Происшедшее нельзя было даже назвать романом. Роман не бывает столь стремителен, и развязка его, увы, банальна. Это была Любовь, чувство, о существовании которого подозревают немногие, ведь многим даже неведомо это слово — Любовь. Красавица решилась на неслыханную дерзость — она просто–напросто ушла вслед за Поэтом, оставив семью в печали и позоре. Был большой скандал. Обманувшиеся в своих надеждах женихи хотели отправиться в Лес и вернуть Красавицу силой, но побоялись, старухи пели нескончаемую быль о колдовстве, и лишь моряк Грей задумался — а не стал ли он свидетелем чуда, равного которому нет на свете. Но что взять с моряка! Он был новым человеком в этих краях и ко всему прочему имел скверную репутацию мечтателя.

Красавица ушла, и вскоре о ней стали забывать. Она так и не появилась больше в деревне, хотя Поэт приходил не раз. Как и прежде, он пел людям песни, но с некоторых пор эти песни стали более

понятны, и все с удовольствием слушали бесхитростные слова о стрекочущих сверчках, лошади, неохотно жующей перепрелую солому, и свиданиях на мельничном мосту, когда загорелые молодцы лапают девок, вгоняя тех в счастливую краску. И мужики стали аплодировать Поэту и даже здороваться с ним, когда он проходил по грязным улицам. Лишь Грей хмурился, а вскоре и вовсе уехал куда–то за гору, где, по слухам, плескала огромная соленая река, именуемая по недомыслию морем.

Одновременно стали поговаривать об изменениях, произошедших в Лесу. Будто бы русалки и лешие оставили Лес, а двойное солнце больше не встает над горизонтом.

А вскоре Поэт пришел в последний раз и сказал, что Красавица умерла. Он не ответил на расспросы, лишь бросил, уходя, дерзкую фразу о том, что он вырвет свою Любовь из царства мертвых.

Он был дерзок, этот сумасшедший!

Поэт ушел, дав досужим кумушкам пищу для сплетен. Сидя на завалинках, они лузгали жареные семечки и рассуждали о том, какой смертью померла Красавица. Одна утверждала, что ее душу забрали ужасные призраки, вторая, поглядывая на полную луну, шептала об оборот-

нях, третья и четвертая сходились на том, что бедняжку убил Поэт. Ведь недаром его считали сумасшедшим.

А истина была иной. Красавица просто умерла. Она была слишком красивой, чтобы не вызывать зависти Смерти. И слишком счастливой. А Смерть всегда благосклонна лишь к тем, кто во власти большого горя. Горе питает Смерть. Счастье причиняет ей боль. Старуха чувствительна к боли.

Она пришла и взмахнула косой, той самой иззубренной косой, какой размахивает костлявый всадник дюреровского Апокалипсиса. Коса прошла по шее красавицы и мигом выпила всю кровь. И тогда Смерть почувствовала себя счастливой.

Красавица ушла, и Поэт сразу почувствовал, что что–то изменилось. Нет, он не ощущал боли, его даже не слишком мучило чувство утраты. Просто ушло то, чем делилась с ним Красавица, часть мира, привнесенная ею. Солнце вновь обрело два лика, а день стал ненормально прерываться лунной темнотой. В дубраве поселилась банипи, с наступлением сумерек, как когда–то, мелькали огоньки эльфов. Все возвращалось. Поэт не знал, плохо это или хорошо. Но он чувствовал себя обязанным женщине, которая показала ему иной

мир, которая смогла изменить его мир. И потому он решил схватиться со Смертью.

Поэт знал, что Смерть не переносит дерзких и не склонна к жалости. Но даже палач, отдыхая от работы, становится сентиментальным. Никто не рассказывал об этом Поэту, но он знал это. Им двигала Любовь и в большей мере чувство долга. И еще — претензия на бунт, присущая любому Поэту.

Наполнив глиняный сосуд душистым пчелиным медом, Поэт взял свою старенькую гитару и двинулся на встречу со Смертью.

Если вы думаете, что Смерть обитает под землей, вы ошибаетесь. Под землей лишь кладовые Смерти. А дом ее стоит на высоком холме посреди елового леса, где воздух чист и вкусен, а солнца роняют на землю веселые блики.

Поэт шел по Гефсиманскому Лесу, и Лес радовал его. На просеке Поэт повстречал добрую фею, та угостила его великолепным завтраком. Леший, свивший гнездо в ветвях трехсотлетней секвойи, одарил Поэта туеском спелой малины. Русалка напоила ледяной водой, зачерпнутой с самого дна глубокого колодца.

Потом ему повстречалась женщина с кошачьей головой, украшенной литой серебряной короной.

Она сделала Поэту непристойное предложение, а когда тот отказался, не обиделась и пожелала ему счастливого пути.

Странные птицы, мало похожие на обычных, насвистывали мелодии, сочиненные Поэтом, хотя нет — скорей Поэт некогда позаимствовал мелодии у этих птиц.

На развилке Поэт повстречал говорящего медведя, задиру и болтуна… Тот считал себя самым умным в Лесу и оттого вечно говорил глупости, но сегодня он высказал мысль, поразившую Поэта своей простотой и глубиной.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — Вот что сказал медведь.

Поэт не понял, к чему отнести эти слова, но на всякий случай запомнил их.

В березовой роще пировали зайцы, задравшие волка. Они пили волчью кровь, наливая ее в высокие граненые фужеры, и очень обиделись, когда Поэт попытался отказаться от их угощения. Поэту все же пришлось съесть кусочек волчьего мяса, изжаренного на корнях мандрагоры. В благодарность он пропел зайцам Балладу об удачной охоте. Его наградили шквалом аплодисментов.

Не столь приветливой оказалась баньши, у которой как раз случилась ссора со свояченицей,

зеленой ведьмой. Поэт помирил их и двинулся дальше.

Он пересек дубраву и углубился в подлесок. Здесь находилась нора странного существа по имени Хоббит. Этот Хоббит был большим хвастуном. Он уверял, что его создал некий Д. Р. Р. Толкин, маг из далекой параллели. Поэту, как и всем остальным, было прекрасно известно, что Хоббит всю жизнь провел в этом Лесу, а многие даже помнили его родителей, весьма почтенных и уважаемых Хоббитов, но Поэт сделал вид, что поверил. Он ушел, оставив Хоббита совершенно счастливым.

А дальше не жил никто. Здесь был дом Смерти. Высокий, в три этажа, рубленный из громадных сосновых бревен, он высился черной громадой на фоне цветущей зелени, всем своим видом предупреждая живое держаться подальше. В другой раз поэт не решился б зайти сюда, но сегодня он не был склонен внимать предостережениям. Поэт толкнул окованную прохладным серебром дверь и смело вошел внутрь.

Смерть сидела у окна. Вопреки представлениям людей, она вовсе не походила на отвратительную костлявую старуху с лицом голодающей нищенки и горящими глазами. Смерть была нестара и

недурна собой. В ее обличье было что–то от мулатки, весьма соблазнительной притом. Смерть ела творожный пудинг, политый вишневым сиропом. Когда Поэт вошел, Смерть удивленно уставилась на него.

Их взоры скрестились, и Поэт машинально отметил тот факт, что Смерть абсолютно не пугает его. Напротив, он нашел ее весьма привлекательной. Но тут Смерть потянулась к прислоненной к стене косе, и Поэт торопливо тронул струны гитары. Он знал, что Смерть не пронять мольбою, и поэтому он просто пел.

О Лесе, столь любимом Смертью, о ночи, врывающейся в течение дня, о стылой воде в жарком солнце. Он знал, о чем должен петь.

И Смерть замерла. Она не шевелилась, погрузившись в волну восторга. В этот миг она видела наяву все то, о чем грезила долгими темными ночами, влача за собою стенающие души. В этот миг она слышала волшебные звуки — они прежде были недоступны ей из–за вечного звона, издаваемого цепями, в которые были закованы ее пленники. В этот миг перестали умирать люди. И они жили все время, пока Поэт пел.

Но Поэт не в силах петь вечно. А Смерть не вправе вечно слушать. Поэт устал и умолк, умолк

еще и потому, что Смерть кивнула ему, дав знак оборвать песню.

Они поняли друг друга без слов. Красавица была в плену у Смерти, а сама Смерть оказалась пленницей Поэта. И потому Смерть решила заключить сделку. Она смотрела в глаза Поэту, и тот понимал все, что Смерть хочет ему сказать. Ведь нет ничего красноречивей безмолвия Смерти. Смерть возвращала Поэту его Красавицу, но ставила условие, обычное для тех редких сделок, которые заключала Смерть.

— Ты не должен видеть ее лица до тех пор, пока не вернешься домой.

Поэт собирался возразить, напомнив, что его дом — весь мир, весь Лес и даже этот холм, на котором обосновалась Смерть. Это было актом мелкой, неприличной даже казуистики, но Смерть не позволила себе рассердиться. В отличие от людей она умела ценить истинную красоту песни и потому была терпелива.

— Туда, где стоит твой шалаш, крытый шкурами седовласых лисиц, — прибавила Смерть, одаривая Поэта чарующей улыбкой.

А затем она велела Поэту оставить ее дом и освободила Красавицу. До Поэта донеслось легкое дыхание милой, еще носящее в себе холод

подземелий. Поэт начал спускаться по склону, и слух его ласкал шелест листьев, потревоженных быстрыми легкими ножками. Он был счастлив, словно мать, подарившая миру новую жизнь, словно творец, создавший свое лучшее творение. А верно, это и есть лучшее творение, — думал Поэт. Он думал так о песне, околдовавшей Смерть. И гордый этой мыслью, он забывал о Красавице.

Они сошли вниз — Поэт и пара быстрых ножек, неотступно бегущих по его пятам — и подошли к тому месту, где жил Хоббит. Поэту хотелось похвастать перед маленьким болтуном своей победой. Однако он не обнаружил жилища странного человечка, выдуманного Д. Р. Р. Толкином, а сидевшая на осиновой ветке сорока процокала:

— Здесь. Давно. Никто. Не живет.

Все это было странно. Но Поэт не привык удивляться. Он воспринимал странности как должное. В конце концов мир до безобразия странен.

Он поспешил дальше — к баньши и ее сварливой товарке, обещавшим наварить к его приходу свежего пива. Но баньши встретила Поэта с откровенной злобой. Позволь ей, и баньши растерзала б его. К счастью, все закончилось злобным воем и демонстрацией острых клыков, после чего баньши собрала котомку и улетела на восток

или запад.

В березовой роще Поэт наткнулся на отвратительного облезлого волка, лакомившегося зайчатиной. Такое существо не заслуживало Баллады об удачной охоте. Раздосадованный Поэт поспешил дальше.

Говорящий медведь сидел у своей берлоги, но в этот раз он предпочел молчать. Как ни старался Поэт разговорить его, медведь не вымолвил ни слова.

Птицы чирикали весело и беззаботно, но это были обычные птицы.

Женщина с кошачьей головой умерла. Она лежала, уткнувшись усатым лицом в мох, и над ней читал заупокойную молитву пузатый неопрятный кюре с постной физиономией доминиканца. Эта сцена показалась Поэту настолько отвратительной, что он невольно ускорил шаг.

Русалка торговала квасом, теплым и приторным. Рядом сидела фея, сушившая детские ползунки. Поэт едва удержался от крика.

Средь желтеющей листвы промелькнуло пятно шалаша, крытого седыми лисьими шкурами. Поэт замедлил шаг, а затем и вовсе остановился. Ножки красавицы замерли в футе за его спиной. Поэт стоял, часто дыша, и по лицу его текли

слезы.

Внезапно он вспомнил странную историю про странного человека, которую ему довелось услышать при совершенно невероятных обстоятельствах неведомо когда. Тот человек имел свой голос. Столь же чистый и непорочный, словно голос Поэта. И пел свои, только свои песни. Подобные песни поют сердцем, а не переплетением линий разума. И чем чище и невинней сердце, тем прекрасней эти песни. Но стоит кому–либо — даже нечаянно, даже с самыми наилучшими намерениями вмешаться в течение голоса, и его очарование исчезает. И тогда гибнет целый мир, ибо то изначальное, ради чего он существовал, сменилось заезженной фонограммой. Люди научили того человека петь так, как нравилось им. Они сделали его голос прекрасным, но сокровенная истина, что была сокрыта в сердце человека, ушла. А вместе с ней ушли баньши, русалка, леший и эльфы.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — Так сказал говорящий медведь.

— Любая игра должна быть доведена до конца! — повторил Поэт и обернулся.

В этот миг ожила женщина с кошачьей головой, выскочившие из кустов зайцы напали на

пирующего волка, а говорящий медведь обрел дар речи.

Говорят, в этот миг Смерть рассмеялась.

Поэт больше никогда не появлялся в деревне.

Прошли годы. На свет появилось новое поколение, уверенное в том, что Гефсиманского Леса нет, что он существует лишь в легенде, красивой и непорочной, словно Баллада, которую сочинил, посвятив ее своей любимой, давно ушедший Поэт.

Может быть, тот лес — душа твоя,
Может быть, тот лес — любовь моя,
Или, может быть, когда умрем,
Мы в тот лес направимся вдвоем[3].

[3] Примечания: 3
Строки из стихотворения Н.Гумилева «Лес».

ПОЖЕЛАНИЕ СМЕРТИ

Всю эту историю можно считать совершенно невероятной, я бы даже назвал ее сверхъестественной. Подобного не бывает в реальности, если, конечно, ты не живешь в Семнадцатом отражении. А я как раз жил в Семнадцатом отражении Земли или, как иначе его именовали, Земля–Семнадцать, ну а в разговоре — просто Семнадцать.

Семнадцатое отражение почти как две капли воды похоже на Первое, Восьмое и Четырнадцатое, и столь же мало отличается от остальных тринадцати. Все дело в цвете. Если капля Первого слегка мутновата от первородного хаоса, Пятого, где вечно бушуют войны, с алым оттенком, а Девятого, в котором все уверовали в универсальную цель, — розовая, то Семнадцатое отражение не имеет цвета. Оно подобно блестящему кристаллу, определенному абсолютным прагматизмом. Мы, обитатели Семнадцатого, все как один трезво мыслящи, расчетливы и уверены в собственных силах. Мы не веруем ни в Бога, ни в Дьявола, ни в Судьбу. Только в себя, все остальное не имеет зна-

чения. Колонна железных людей, шагающих по шестеро в ряд. Кое–кто отстает, другой шагает не в ногу, но о таких не говорят, ведь мы — Семнадцатые, мы гордимся собою и своим отражением.

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Эти заповеди твердит каждый, настраивая себя на ежедневный бой. Дважды утром и дважды вечером. И по многу раз днем, когда борется за место под солнцем.

— Я — Семнадцатый! Семнадцатый всегда прав!

В день, когда началась вся эта история, я повторил эту фразу по крайней мере раз двадцать. Большую часть того дня я провел в приемной у начальника Отдела Низших стандартов, который искал себе заместителя. Нас было сто двадцать восемь, и каждый мечтал получить это место. Начальник Отдела Низших стандартов, по физиономии которого блуждала сладкая иезуитская улыбочка, терпеливо выслушал всех претендентов, но так и не сделал выбора. Всем ста двадцати восьми было велено явиться на следующий день для нового, более подробного собеседования. Скрывая озлобление под сияющими, уверенными

в себе улыбками, мы разошлись, твердя, словно молитву:

— Семнадцатый преисполнен сил!

Дома меня ждали панорамный экран, жиденький чай, в котором плавали сучки неизвестного происхождения, и до смерти опротивевшие белковые капсулы. Я уже успел позабыть о том дне, когда мне удалось прилично поесть. Я был уверен лишь в одном — это было очень давно.

Проглотив три упругих маслянистых шарика, я запил их стаканом подкрашенной заваренными опилками воды и упал в виброкресло. Именно упал, потому что в этом деле требовались решительность и натиск. Как обычно, кресло приняло мое тело с неохотным возгласом. Какое–то время оно шевелилось, выбирая оптимальную форму, затем замерло, создав привычное ощущение ненадежности. Виброкресло считало меня непримиримым врагом. Когда–то давным–давно мы поссорились, и с тех пор оно мстило, пытаясь подловить своего обидчика. Я не без оснований подозревал, что в один прекрасный день оно сложится таким образом, что я не смогу выбраться из его поролоновых объятий. Это был глупый, даже идиотский страх, присущий какому–нибудь хлюпику из Седьмого отражения, но я ничего не

мог поделать с собой.

Подождав немного и убедившись, что виброкресло не намеревается покуда предпринимать решительных действий, я немного успокоился. Повинуясь приказу, ожил черный восьмисекционный экран. Я быстро прогнал по нему часть того бесчисленного множества каналов, прежде чем остановился на одном, транслируемом с Четвертого отражения. Здесь крутили исторический фильм с претензией на трагедию. Я посмотрел примерно половину его, но трагедия так и осталась лишь претензией. Зевнув, я вновь принялся переключать изображения. Выбор был велик. Я был волен смотреть что угодно, начиная от лилейных проповедей с Седьмого и кончая открытой порнографией, которую передавала Земля–Пятнадцать. Я остановился на порнографии. Быть может, мой выбор и предопределил возникновение этой невероятной истории, быть может, все оказалось во власти случая, хотя, должен заметить, Семнадцатые не верят в случай.

Едва экран заполнила объемистая женская грудь, как резко тренькнул дверной звонок. Я слегка удивился, потому что не ждал посетителей. Вставать не хотелось.

— Семнадцатый преисполнен сил! — сообщил я

сам себе и принялся высвобождаться из объятий кресла. Оно чмокало и цепляло меня за бока, словно ненасытная лягушка, поймавшая неосторожного кузнечика. Звонок затрещал вновь, на этот раз нетерпеливо. Я удвоил усилия и вырвался из плена. Через мгновение я впускал гостя.

— У меня все есть, — буркнул я, не давая вошедшему раскрыть рта. Гость был облачен в неряшливый черный с блеклой полосой костюм, обычную одежду коммивояжера.

Подобное приветствие не обескуражило гостя. Он стремительно окинул глазами комнату и улыбнулся. Улыбка его была вполне располагающей, но мне она не понравилась. Дело в том, что у меня ничего не было, и только слепец мог не заметить этого. Вошедший мало походил на слепца.

— Я ничего не продаю, — сказал он, и я поразился богатству его голоса, уместившего в этой короткой фразе множество оттенков — от вытертого бархата до сплавленной с серебром меди.

— Тогда что тебе нужно?

— Я пришел переговорить по одному делу.

— Если ты от энергетической компании, тебе не повезло. Мой кредит исчерпан. — Мое положение предстало в чересчур мрачном свете, и я

поспешил внести в него струю оптимизма. — Но я должен вот–вот получить работу.

Незнакомец ответил мягкой улыбкой. Я невольно обратил внимание на то, что у него острые зубы.

— Нет, я не от энергетической компании. Я представляю собственные интересы.

Я был слегка заинтригован и в равной мере смущен. Неловко мотнув перед собою рукой, что должно было означать приглашающий жест, я предложил гостю пройти.

Он так и сделал, присев на краешек виброкресла. Могу поклясться, проклятая штука даже не попыталась вцепиться в его ногу! Мне не осталось ничего иного, как устроиться на небольшом откидном стульчике, привинченном к стене.

— Слушаю.

Гость широко улыбнулся, вновь продемонстрировав свои острые зубы.

— Меня зовут Тод[4].

— Странное имя.

— Лучше иметь такое, чем вообще не иметь.

Замечание было справедливым. Я еще не дослужился до имени и имел лишь номер — НГ–214.

---

[4] Примечания: 4
Tod (нем.) — смерть.

Я так и представился, поймав себя на том, что самоуничижение неожиданно доставило мне удовольствие.

— НГ–214.

— Знаю. — Гость сделал паузу, совсем крохотную, после чего огорошил меня вопросом:

— НГ–214, ты веришь в существование Дьявола?

Какая глупость! — я рассердился. — Если господин Тод желает развлекаться подобными вопросами, я бы порекомендовал ему обратиться к Тринадцатым. Там он получит исчерпывающий ответ.

— Я как раз оттуда.

Услышав подобное сообщение, я позволил себе улыбнуться. Дело в том, что переместиться из шестнадцати отражений в Семнадцатое было просто невозможно по той простой причине, что обитатели Четырнадцатого, Пятнадцатого и Шестнадцатого не подозревали о существовании Семнадцатого, обитатели Восьмого, Девятого, Десятого, Одиннадцатого, Двенадцатого и Тринадцатого не имели телепортатора, а все прочие не знали даже такого понятия — телепортация.

— Чудесная сказка, — сказал я. — Как жаль, что я не верю в сказки.

— Напрасно, — Тод запустил руку в карман и извлек длинную черную сигару с серебряным ярлычком. Точно такие же курили сатанисты с Тринадцатого отражения. Затем он щелкнул пальцами, и на его ладони вспыхнул крохотный яркий язычок. Тод прикурил сигару и принялся пускать ровные колечки, нанизывая их одно на другое.

— Ловкий номер! — сказал я, скептично улыбаясь. — Пьезоэлемент, спрятанный между пальцами.

Гость отрицательно качнул головой.

— Нет. Свободное перемещение энергии.

— Противоречит третьему закону мироздания, — подхватил я. — Ничто не может возникать из ничего.

Тод не стал спорить. Небрежно закинув ногу за ногу, он поинтересовался:

— Так значит, НГ–214 не верит в существование Дьявола?

— Я же уже сказал — нет!

— А если Дьявол сделает НГ–214 интересное предложение?

— Какое?

Тод усмехнулся.

— Так верит или нет?

— Не верю. Я спросил просто из любопытства.

— Я так и понял. Значит, иррациональное, по–твоему, не существует?

— Конечно, нет. Это же следует из самого понятия иррациональный. То, чего нельзя объяснить, не может существовать.

Тод, расхохотавшись, откинулся на спинку виброкресла, которое послушно поддалось изгибу его тела.

— Не могу понять, а следовательно, не верю! Примитивно!

— Оставь свои проповеди для Земли–Семь! — резко оборвал я.

Не выпуская изо рта сигары, Тод принялся говорить, мерно щелкая пальцами.

— Итак, что мы имеем… НГ–214, двадцать пять лет, честолюбив, умен, может быть жестоким. Ничего существенного в жизни не достиг. Три неудачные попытки подняться по служебной лестнице. Печальное финансовое положение. Неразделенная любовь.

— Точно под микроскопом! — Я попытался улыбнуться. — Да, это я. Что еще?

— Так тебя интересует мое предложение?

— Сначала ответь, кто ты?

— Дьявол. Такой ответ тебя не устраивает? — Я

отрицательно покачал головой. — Ну тогда, допустим, пришелец из другого мира.

— Восемнадцатое отражение?

— Почему обязательно Восемнадцатое… Предположим, я вообще не имею никакого отношения к Земле.

Бах! Задев локтем стол, я ненароком уронил на пол коробочку с канцелярскими принадлежностями.

— Этого не может быть!

— Может. И я имею предложение.

— Какое?

— Я согласен исполнить любое желание НГ–214.

— Что означает «любое»?

— То и означает. Я могу помочь ему сделать карьеру, достичь любого поста, которого он пожелает. Я могу подарить ему богатство. Я могу наделить его бессмертием. Если он захочет, я сделаю его счастливым в любви.

— Не верю.

— Рискни. Что ты теряешь?

Вопрос был логичен. Я ничего не терял.

— Какую выгоду от этой сделки получишь ты?

— Еще не знаю. Многое зависит от того, каким будет твое желание. Но я не собираюсь требовать

от тебя никаких обязательств. Считай, что просто участвуешь в эксперименте.

— Подопытный кролик, — пробормотал я.

Тод усмехнулся.

— Вроде того. Но мое предложение вполне бескорыстно.

— Конечно! — Я придал голосу весь сарказм, который только мог собрать. — Даровой сыр бывает знаешь где?

— Знаю. У меня. — Тод извлек из кармана кусок обернутого прозрачной, пленкой сыра. Сыр выглядел чрезвычайно аппетитно. — В виде бесплатного приложения. Угощайся!

Я невольно помянул черта, в которого не верил. Гость искушал, и я поддался соблазну. Сыр оказался нежирным и малосоленым — точь–в–точь таким, какой я любил. Я уже успел позабыть, когда ел сыр в последний раз.

— Спасибо.

— Не за что. Так как насчет моего предложения?

— Не знаю.

— Не знаю или не верю? — спросил Тод. Его черные глаза настырно лезли в мою душу, прожигая насквозь.

— Не верю!

— Тогда тебе тем более нечего терять. Загадай любое, что придет в голову, ведь если Дьявола не существует, твое желание все равно не сбудется. Хочешь, я заставлю влюбиться в тебя самых прекрасных девушек твоего отражения?

— Не хочу. Что я буду с ними делать?

— Резонно, — согласился Тод. — Тогда, может быть, желаешь стать величайшим актером?

Я отрицательно помотал головой.

— Что же?

— Хорошо, я назову тебе свое желание, — сказал я после небольшой паузы.

Тод удовлетворенно потер руки.

— Весь во внимании.

Боюсь, моя речь вышла высокопарной.

— Я не верю в то, что оно сбудется, но загадываю, — начал я и резко выпалил: — Я желаю обладать абсолютным даром внушения!

Мне показалось, что Тод слегка насторожился.

— Поясни, — попросил он.

— Хочу, чтобы любое мое мысленное повеление воспринималось как абсолютный приказ.

На этот раз до Тода дошло. Он поднялся на ноги и поаплодировал.

— Браво! Лучшего невозможно придумать! Совершенная власть над человеком, человече-

ством, миром.

— И над собой, — прибавил я. — Я могу приказать себе стать сильнее, я могу повелеть себе жить вечно!

— Сотня желаний, заключенных в одно! — Тод зааплодировал вновь. — Подобного я не предусмотрел. Те, с которыми мне приходилось иметь дело прежде, были куда менее рассудительны. В будущем придется быть поосмотрительней.

Я отвесил шутливый поклон.

— Так скоро оно будет исполнено?

— Уже.

Тод улыбнулся мне, я возвратил ему его улыбку, сделав ее еще более щедрой.

— Тогда исчезни, тебя не существует!

И Тод испарился.

Стоит ли говорить, что я лишь посмеялся над странным происшествием. Доев сыр, я отправился спать.

Наутро я и сто двадцать семь таких же, как я, были на месте. Все мы, не сговариваясь, пришли за полчаса до назначенного срока. Все как один. Ни один не отказался, ни один не проспал. А как иначе?

Семнадцатый преисполнен сил!

Мы молча толпились в просторной приемной,

с ненавистью поглядывая друг на друга. Каждый не сомневался, что только он достоин занять вакантную должность.

Начальник Отдела Низших стандартов заявился ровно в девять. Толпа почтительно расступилась, образуя проход. Чиновник двинулся по нему с важностью русского царя, дарующего снисходительным вниманием своих подданных. На мгновение он встретился глазами со мной. Я очень хотел быть принятым первым. Мне почему–то казалось, если я попаду в начальственный кабинет раньше других, мне удастся убедить господина Рейнгрейда, что он нуждается именно во мне. Я думал об этом, когда господин Рейнгрейд скользнул безразличным взглядом по мне. Я молил его обратить на меня свое благосклонное внимание.

Рейнгрейд шел мимо, но внезапно сбил шаг и замер. Впечатление было такое, словно он со всего маху налетел на невидимую стену. Глаза чиновника принялись блуждать по рядам соискателей, на чьих лицах появились заискивающие улыбки. Я улыбался наравне со всеми, изо всех сил стараясь понравиться. И, о чудо, это удалось!

Внимательно осмотрев мою физиономию, господин Рейнгрейд поманил меня указательным

пальцем. Я выступил вперед и отвесил почтительный поклон.

— Ты будешь первым, — сказал господин Рейнгрейд. — Ступай за мной.

Ловя спиной ненавидящие взгляды, я двинулся вслед за господином начальником, стараясь ступать точно в его шаги.

У Рейнгрейда было великолепное кожаное кресло, не чета тем, что выпускались для широкого потребления. Очутившись в кабинете, Рейнгрейд немедленно занял его, а мне указал на стул, стоявший по другую сторону от стола.

— Слушаю тебя.

Я начал свою речь. Я говорил о том, что давно мечтал стать помощником господина Рейнгрейда, что было ложью, я узнал о его существовании всего три дня назад. Я клялся, что создан для этой работы и что господину начальнику Отдела не найти более услужливого и исполнительного работника. Я смотрел в глаза Рейнгрейда и умолял его внять моим словам. По–моему, я был достаточно убедителен.

Рейнгрейд вначале прислушивался к моим словам с долей рассеянности, но постепенно становился все внимательней, а к концу моей отрепетированной речи он буквально не отры-

вал взора от моего рта, ловя каждое слово. Когда я закончил, Рейнгрейд вздрогнул, словно кто–то невидимый толкнул его ногой под столом. Мне показалось, что он колеблется.

«Ну давай же, решайся, бери меня к себе!» — с яростью подумал я.

Рейнгрейд дернулся, словно его пнули еще раз.

— Ты подходишь мне. Я беру тебя на работу, — сказал он поспешно и улыбнулся.

Я заулыбался тоже. Счастье наконец–то улыбнулось мне.

Стоит ли говорить, как были разочарованы те сто двадцать семь, что рассчитывали войти в кабинет господина Рейнгрейда после меня!

А мне судьба уготовила еще несколько приятных сюрпризов. Первое, господин начальник Рейнгрейд выдал мне аванс, что, в общем–то, не было принято. Но стоило мне заикнуться об этом, как деньги немедленно очутились в моем кулаке. Затем я подумал, что неплохо бы закончить работу пораньше, чтоб как следует отметить начало новой жизни. Господин Рейнгрейд оказался столь любезен, что сам предложил мне уйти на три часа пораньше. Очутившись в магазине, я направился не к прилавку, где торговали белковыми капсулами, а в отдел натуральной пищи.

Игнорируя презрительную ухмылку продавца, я заказал фунт ветчины и полфунта сыра. Когда настал момент расплачиваться, я внимательно посмотрел в глаза продавца, и тот, суетливо завернув покупки в хрустящую бумагу, с поклоном подал их мне. Домой я пришел не один, а с роскошной блондинкой, которую повстречал на улице. Стоило внимательно посмотреть ей в глаза, как она столь пылко объяснилась мне в любви, что не оставалось ничего иного, как ответить на ее чувства взаимностью. Мы очень неплохо провели время.

Оставшись один, я включил панорамный экран и уселся в виброкресло. Оно тоненько взвизгнуло и самым подлым образом прищемило своему хозяину часть мягкого места. Сыпля ругательствами, я не без труда выбрался на свободу. Здесь мне пришла в голову великолепная мысль. Уставив взор на потертую обивку виброкресла, я сообщил строптивому предмету меблировки, что отныне оно должно в точности исполнять все мои желания. После этого я спокойно вернулся на прежнее место и велел подлокотникам увеличиться на два дюйма, о чем давно мечтал. Кресло моментально исполнило приказание. Я хмыкнул и задумался.

Выходило, что происшедшее накануне вечером

вовсе не было глупым розыгрышем. Тод и впрямь исполнил мое желание, наделив меня даром абсолютного внушения. Теперь все зависело от того, сумею ли я воспользоваться этим подарком. Упоенный сладкими мечтами, я уснул прямо в кресле, превратившемся в мягкую удобную кровать. Давно я не спал столь спокойно и крепко.

На следующий день я начал действовать. Для начала я внушил господину Рейнгрейду свою незаменимость и очень скоро взял в свои руки бразды правления Отделом. Служащие, на долю которых также пришлось несколько внимательных взглядов, готовы были молиться на меня. Следующим шагом к успеху стал репортаж, показанный по панорамному экрану. Для этого мне пришлось нанести визит к управляющему одного из известнейших телеагентств, в результате чего он загорелся желанием снять репортаж о переменах в Отделе Низших стандартов. Само собой разумеется, главным действующим лицом этого репортажа стал я. Через день нас с Рейнгрейдом вызвал к себе Директор Департамента Стандартизации господин Мэльм. Я вышел из кабинета господина Директора начальником Отдела, а неудачник Рейнгрейд стал моим заместителем. Он был совершенно счастлив. На панорамных

экранах появился еще один репортаж, на этот раз целиком посвященный начальнику Отдела Низших стандартов Ноету. Теперь меня звали Ноет — я обрел имя! Я снял отличную квартиру, обставил ее настоящей мебелью. Теперь я мог позволить себе питаться натуральными продуктами, а время от времени даже посещать рестораны. Белковые капсулы остались дурным воспоминанием.

Вместе со многими другими открытиями меня ожидало еще одно. Я открыл, что означает убить человека. В Семнадцатом убийства редки. Из всех видов преступлений у нас преобладают безобидные кражи. Лишь самые отчаявшиеся отваживаются на что–то более дерзкое. Мне случилось столкнуться с таким отчаявшимся.

Я взял в привычку гулять по ночным улицам. Тишина и безлюдие успокаивали. Тем вечером я шел по темной аллее. Человек поджидал меня там, где росли кряжистые деревья, чья густая тень превращает сумерки в полуночную черноту. Выскочив на дорожку, он предложил мне расстаться с курткой и кошельком, если таковой у меня имеется. Однако вместо того, чтобы подчиниться, я твердо взглянул в его глаза и приказал взволнованно бьющемуся сердцу остановиться.

Грабитель дважды хватанул ртом воздух, выронил нож и осел на землю. Я наклонился над ним. Человек не дышал. Он был мертв. Пожав плечами, я продолжил прогулку. Убить оказалось на удивление просто. Не понимаю, почему Седьмые разыгрывают из этого целую трагедию, для меня это оказалось эпизодом, на который я почти не обратил внимания.

Стремительно летели дни, я продолжал свое восхождение наверх. Господин директор Мэльм благоволил к новому перспективному работнику. Мне ничего не стоило убедить его назначить меня своим заместителем. Чтобы как следует закрепиться в Департаменте, потребовалось чуть больше времени и еще пара репортажей, на этот раз показанных сразу по всем каналам. Директор Мэльм был в восторге от меня.

Я еще раз сменил квартиру и стал одеваться у лучших портных. Обо мне заговорили. Одна из влиятельнейших газет назвала меня человеком месяца. Несколько признанных красавиц изъявили желание познакомиться со мной с далеко идущими последствиями. Я не отказался от удовольствия залезть к каждой из них в постель, но от последствий отказался. Все эти красотки были глупее даже тех героинь, роль которых исполня-

ли. Вместо этого я отправился к Лельне.

Мы познакомились не так давно, примерно с год назад. Одно время мне казалось, что я нравлюсь ей, а она — и это уже без всяких казалось — нравилась мне. Но тогда я ушел, терзаемый уязвленным самолюбием. Что я значил без места и без денег. Теперь же я мог с полным правом вернуться.

Когда Лельна открыла дверь, я протянул ей огромный букет роз, стоивший целое состояние. Мне он обошелся совершенно бесплатно. Букет произвел впечатление, но не совсем то, на которое я рассчитывал. Лельна была рада моему приходу, однако метаморфоза, происшедшая со мной, моя дорогая одежда, изменившиеся манеры — все это смущало ее. Натянуто улыбаясь, Лельна пригласила меня в комнату. Она жила небогато, если не сказать больше, примерно так, как совсем недавно я. Мне стало слегка не по себе при виде этой унифицированной нищеты, считавшейся нормой для большинства обитателей Семнадцатого отражения. Наш мир производил не так много благ, чтобы их хватало всем. Природные богатства были давно исчерпаны, и все большая роль отводилась искусственным суррогатам, заменявшим настоящую пищу, одежду, мебель.

Убранство комнаты составляли лишь узкая кровать, виброкресло и стул. Последний, правда, был из настоящего дерева. Ну и, естественно, панорамный экран. Лельна робко указала на стул. Я хотел отказаться, но не сделал этого, чувствуя, что отказ поставит хозяйку в неловкое положение. Кроме того, здесь играло роль еще одно обстоятельство. Лельна была мала ростом, а согласитесь, разговаривать, глядя снизу вверх, — занятие не из приятных. Поэтому я сел. Мои глаза буквально пожирали Лельну, вгоняя ее в краску. Я успел соскучиться по этому милому живому личику. Она, конечно, была наслышана о моих успехах у красавиц и не скрывала удивления столь внезапным визитом.

— Вот уж не ожидала увидеть тебя.

— Почему? — Я изобразил улыбку. — По–твоему, я похож на человека, легко забывающего о старых знакомых?

— Нет, то есть… — Лельна запуталась и покраснела. — Но ты достиг так многого…

— Это ничего не значит. Я отношусь к тебе даже лучше, чем прежде.

— Правда? — спросила она, и ее глаза радостно заблестели.

— Совершенная правда. Ах, забыл! — Я схватил-

ся за голобу, — Вот растяпа, оставил в машине торт!

— У тебя есть машина? — В голосе Лельны звучало нескрываемое восхищение.

— Да, — сказал я небрежно. — Третья модель. Думаю поменять ее на четвертую. Я сейчас принесу его.

— Не надо…

— Что значит не надо?! Зачем же в таком случае я его покупал? — Я солгал, торт достался мне в виде бесплатного трофея.

— Хорошо, тогда я поставлю чай. У меня есть настоящий.

Я с трудом сумел скрыть усмешку. Я уже успел позабыть о том, что существует суррогатный чай.

Торт оказался недурен — из натурального масла, сахара и сливок, пропитанный настоящим коньяком. Полагаю, Лельне не приходилось пробовать такого ни разу в жизни. Я видел восторг в ее глазах и чувствовал себя немного волшебником, отчего мне было очень хорошо. Мне было приятно наблюдать за тем, как она, словно маленькая птичка, отхватывает белыми зубками крохотные кусочки торта, деликатно запивая их чаем. Я почувствовал прилив нежности.

— Я — так рад снова увидеть тебя! — Произнесенная фраза прозвучала как–то казенно, и я несколько смутился.

Лельна не обратила на мое замешательство никакого внимания.

— Я тоже, — просто сказала она. — Ты так сильно изменился.

— Да? Надеюсь, в лучшую сторону?

— Не знаю. Наверно, — легко, не задумываясь, ответила Лельна.

Не скрою, я был слегка уязвлен подобным ответом.

— Неужели я нравился тебе больше, когда был неудачником?

— Ты не был неудачником. Просто тебе немного не везло.

— Разве это не одно и то же?

Лельна одарила меня таким взглядом, словно я обидел ее, и отложила недоеденный кусочек торта.

— Может быть, ты прав.

Я почувствовал себя виноватым.

— Ешь, — попросил я и прибавил: — Извини, что затеял этот глупый разговор.

Лельна пожала узенькими плечами.

— Ты не сказал ничего дурного.

— Но я же вижу, что чем–то обидел тебя.

— С чего ты взял? — упрямо стояла на своем Лельна.

— Хорошо, тогда ешь.

Лельна улыбчиво сверкнула зубами и с удовольствием прикончила торт.

— Ужасно вкусно.

— Да, — рассеянно согласился я, думая совсем о другом. — Если захочешь, будешь есть такие штуки хоть каждый день.

— Нет, каждый день нельзя. Я растолстею.

— Ты не поняла. — Я посмотрел в ее серые глаза. — Я хочу, чтобы ты была со мной.

На этот раз она действительно не поняла, а может быть, сделала вид, что не поняла.

— Ты хочешь сказать…

— Да! Да! — нетерпеливо перебил я. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Иметь жену — чертовски старомодно, но в случае с Лельной я был согласен быть старомодным.

— Это как–то неожиданно… — Лельна ждала, что я что–нибудь скажу, но я молчал. — Я не могу сразу вот так. Мне надо подумать.

Я почувствовал себя оскорбленным. Я не представлял, о чем здесь можно думать. Разве ей не ясно, что я люблю ее?! Я мог бы покончить с

этими глупостями в один миг, мне стоило лишь заглянуть ей в глаза. Но я не хотел этого. Я хотел настоящей любви, а не суррогата. Это был случай, помочь в котором мне не мог даже Дьявол.

— Хорошо, — сказал я, — подумай. Когда дашь ответ?

Лельна бросила на меня умоляющий взгляд.

— Не торопи меня, пожалуйста.

— Хорошо, — вновь сказал я. — Буду ждать. Ты позволишь мне время от времени навещать тебя?

— Конечно!

Я поднялся.

— Кстати, где ты сейчас работаешь?

— Почему это тебя интересует?

— Обойдемся без лишних вопросов, — сказал я строгим тоном, каким общался с подчиненными.

— Департамент Распределения. Тридцать первый класс.

— Вот что… — Я сделал вид, что размышляю, хотя все было наперед решено. — Переведу–ка я тебя к себе. У меня есть вакантная должность двадцать третьего класса.

— Спасибо, — сказала Лельна, как показалось мне, равнодушно.

— Не за что. Я приеду завтра.

Не тратя времени на лишние слова, я оставил ее. Возле моей машины толпились люди. Когда я вышел, они расступились. В их взглядах можно было прочесть почтение и зависть. Это отчасти вернуло мне хорошее расположение духа.

Однако на следующий день я не приехал, как и через день. Я был занят делами Департамента. Старый пердун Мэльм здорово мешал мне. Уже пришло время занять его место, а я никак не мог провернуть эту небольшую операцию. Для того, чтобы сесть в кресло Директора Департамента, я должен был непременно повидаться с Кабинет–премьером, возглавлявшим Службу Департаментов. Пост Кабинет–премьера занимал некто Тройд, с завидным упорством отказывавшийся знакомиться со мной. Не помогла даже такая крайняя мера, как несколько каверзных вопросов, заданных Тройду на пресс–конференции, когда журналисты ни с того ни с сего стали назойливо интересоваться, почему господин Кабинет–премьер не обращает внимания на. талантливого молодого работника, служащего под его началом. Тройд оставался глух и нем, словно забившийся под корягу налим. Наверху шла своя игра, Тройд не хотел пускать в нее новичка.

Был еще один путь занять вожделенное место.

В случае смерти Директора Департамента его кресло автоматически переходило к заместителю. Я долго не мог решиться на крайние меры. В конце концов старик Мэльм был всего лишь безобидным олухом. Но безразличие Тройда вывело меня из себя. Во время утреннего доклада, когда мы остались наедине, я посмотрел в глаза Мэльму и приказал его сердцу остановиться. Старик посинел и рухнул на пол; его не хватило даже на пару конвульсий.

Все прошло как нельзя лучше, никто ничего не заподозрил. В тот же день я произнес прочувственную речь над телом бедняги Мэльма, а на следующее утро занял его кресло. Я не терзался угрызениями совести. Мне было чуть жаль старика, но он мешал мне. Я убил его лишь для того, чтобы устранить препятствие.

У меня было великолепное настроение, когда я вновь направился к Лельне, однако у ее дома меня ожидала небольшая неприятность.

Семнадцатые предпочитают не связываться с марами, как называют у нас людей, охраняющих спокойствие государства. Обычно высшие чиновники застрахованы от подобного рода недоразумений, но для меня было сделано исключение. Мары схватили меня у дома Лельны,

насмерть перепугав всех ее соседей. Я не стал сопротивляться, ограничившись тем, что велел своим стражникам быть со мной повежливей. В результате они внесли меня в камеру чуть ли не на руках. Дверь с лязгом захлопнулась. Я не проявлял беспокойства. Если бы меня хотели убить, я давно был бы мертв. Нет, здесь было что–то иное. Кто–то из высших заинтересовался мной. Это было мне на руку. Я спал словно новорожденный, сладко и без снов.

Все прояснилось уже на следующий день. Мне был устроен допрос, который я использовал с чрезвычайной пользой для себя. По моему беззвучному приказу следователь рассказал все, что знал сам, а затем вызвал начальника тюрьмы, который, при мне сделав пару звонков по телефону, дополнил картину событий новыми штрихами. Против меня интриговал Тройд, заподозривший, что чересчур удачливый чиновник является ставленником кого–нибудь из его соратников. Немного поразмыслив, я начал давать показания на Директора Департамента Обороны, который, как я знал, считался соперником Тройда. Удостоверившись, что Кабинет–министр заинтересовался моей персоной, я потребовал личной встречи с ним, заявив, что располагаю

чрезвычайно важными сведениями, которые сообщу не иначе как с глазу на глаз. И следователь, и начальник тюрьмы постарались убедить Кабинет–министра в искренности моих слов. Тройд попался на крючок. Он заявился в мою камеру — низенький толстячок с неприятным выражением лица. Он шел карать, а пришлось миловать. Из тюрьмы я вышел заместителем Тройда. Наутро все агентства посвятили новому заместителю Кабинет–министра массу восторженных слов, сообщив заодно, что прежний заместитель был уличен в неблаговидном поступке и понижен.

Когда я нашел свободное время и смог отправиться к Лельне, меня сопровождал эскорт из четырех мотоциклистов. На этот раз я не стал расходовать силы на душещипательные беседы. Я просто велел Лельне собираться. Квартира, в которую я ее поселил, располагалась в самом престижном районе города. По моему приказу ее обставили только настоящей мебелью. Здесь присутствовал даже шкаф с подлинными старинными книгами. Холодильники были полны натуральных продуктов.

Здесь тебе будет думаться лучше, — сказал я, не пытаясь скрыть довольной улыбки. — И хорошо, если бы ты решила поскорее.

Лельна не нашлась, что сказать. Вместо этого она вдруг заплакала.

— Я так испугалась за тебя, когда передали, что ты — враг государства, — выдавила она сквозь рыдания.

Я почувствовал, что мне следует обнять ее, но я спешил. Меня ждали важные дела.

— Все нормально! Я буду у тебя завтра, в крайнем случае через день!

Наступили горячие деньки. Я продолжал восхождение на вершину власти. Мои соперники один за другим сходили с дистанции, уступая всепобеждающей силе взгляда. Я не стал убивать жирного Тройда, сделав его своим верным слугой. Из кресла первого заместителя Кабинет–министра я пересел в кресло вице–президента, прежний обладатель которого, как на грех, умер от сердечного приступа во время банкета, на котором присутствовал и я. Президент Эйв лично представил меня парламенту. Я произнес речь, которую, как и прежде, транслировали все агентства. После этой речи народ горячо полюбил нового вице–президента. Эйв был оттеснен в тень. Я внушил ему, что не стоит сопротивляться.

Я в очередной раз сменил дом, заняв один из дворцов. Отныне меня ежесуточно охраняли

двенадцать головорезов, а моя улыбка не сходила с панорамных экранов.

Теперь я попадал к себе домой лишь поздно вечером. Меня ждал ужин, который готовила Лельна. Как–то само собой получилось, что она стала моей женой. Мы не разговаривали с ней на эту тему. У меня не было ни времени, ни желания. Я любил ее, и этого было вполне достаточно. Просыпаясь, я неизменно касался губами ее чуть помятой сном щеки и торопливо уходил, не забывая произнести три заветные фразы:

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Пресса захлебывалась от восторга. Удачливый молодой вице–президент как нельзя лучше олицетворял систему. У меня появилось множество поклонников. Немудрено, ведь недаром я уделял столько времени всевозможным интервью, которые почти ежедневно транслировались по панорамным экранам. Улыбаясь во всю ширину рта, я внушал миллионам Семнадцатых бесконечную любовь к себе. Это действовало куда более безотказно, чем щедрые обещания или жалкие подачки, на которые время от времени раскошеливались власть предержащие. Когда

умер Эйв, — у старика по странному стечению обстоятельств тоже оказалось слабое сердце, — о нем не жалела даже собственная жена. Похороны обратились в триумф нового президента. Я упивался всеобщим поклонением и лестью.

В один из вечеров, когда я отдыхал от дневных забот, меня посетил тот таинственный гость, с визита которого и началась вся эта история. Не представляю, как ему удалось проникнуть через двойное кольцо охраны, но я застал его уютно устроившимся в президентском кабинете. На этот раз Тод был облачен в безупречный черный костюм из лучшего твида, а вот сигара осталась неизменной. Собственно говоря, я и обнаружил его по табачному дыму. Как любой некурящий, я чрезвычайно чувствителен к запаху табака, который и привел меня в кабинет.

Поджидая хозяина, Тод занял мое любимое кресло, покрытое золоченой кожей. От этого кресла исходил запах власти.

— Привет, — сказал он, едва я появился в дверях.

— Какого черта ты здесь делаешь?

— Милый вопросик! — Тод рассмеялся. — Черт не знает, какого себя он здесь делает.

— Если у тебя мания величия, могу устроить

тебя в более подходящее место! — резко оборвал я веселье гостя.

— Конечно! Ты ведь теперь такой могущественный!

Тод поспешно вскочил и смахнул рукой невидимые пылинки с позолоченной кожи.

— Прошу, господин президент!

Если он полагал, что я не сяду, я его разочаровал. Я сел и заявил:

— Никакого черта или Дьявола, или чего угодно в этом роде не существует!

— А ничего вообще не существует, — философски заметил Тод, устраивая свой тощий зад на письменном столе. — Сигара, которую я курю, дом, в котором мы находимся, воздух, которым мы дышим — ничего этого нет.

Я почувствовал, что в моей груди растет раздражение. Глядя в глаза нахальному гостю, я велел его сердцу остановиться. Ничего не произошло. Я повторил приказ. Тод продолжал вальяжно восседать на разбросанных по столу бумагах, с ехидной улыбкой следя за моими потугами.

— Черта с два! — сказал он, видя, что я отступился, — Меня такой дешевкой не проймешь. Я стою над этим. Я выше смерти и уж, конечно, выше твоих незрелых хотений. Ну как, НГ–214, тебе

понравился мой подарок? — Я не ответил, отчего Тод улыбнулся. — Сам вижу, что понравился. — Из узкогубого рта играючи вылетели кольца дыма. — А ты не подумал насчет расплаты за услугу?

— Чего ты хочешь? — спросил я и удивился тому, что мой голос звучит хрипло.

— Обычная плата. Твою душу, когда ты умрешь.

— Ты глупец. — Я осклабился. — Разве ты не понимаешь, что, исполнив мое желание, ты тем самым даровал мне бессмертие? К твоему сведению, первое, что я сделал, убедившись, что действительно обладаю даром абсолютного внушения, я приказал себе жить вечно!

— Но ты можешь приказать себе умереть.

Я продолжал улыбаться.

— Договор Фауста с этим, как его, Мефистофелем? — (Пусть вас не удивляет, что я знаю об этом. В Семнадцатом немало чудаков, что смотрят по экрану лабуду, которую гонят Четвертые. Некогда я относился к их числу.)

— Нечто вроде того, — сказал Тод, не обращая внимания на прозвучавшую в моем голосе издевку.

— Не обольщайся, я не такой хлюпик, как этот твой Фауст. Я не собираюсь разбазаривать

жизнь. Но ты прав, всякое может прийти в голову. И потому я предусмотрел и такой вариант, наложив мысленный запрет на саму попытку самоубийства. Теперь я даже не могу приказать себе умереть…

Послышался голос Дельны, зовущей меня на ужин.

— Убирайся! — прошипел я. — Я не хочу, чтобы моя жена застала тебя здесь!

— Почему? — Тод игриво усмехнулся. — Обычно я нравлюсь женщинам.

В коридорчике неподалеку от кабинета раздались легкие шаги.

— Проваливай!

— Ладно, ладно, не надо психовать. Я исчезаю. Но перед этим дам тебе один бесплатный совет. Хорошенько поразмысли над тем, как удержаться наверху. Взобраться на скалу не так–то сложно, а вот устоять на ней под порывами свирепого ветра… — Тод не договорил и исчез, обронив недоку–ренную сигару. Я поспешно сунул ее в аквариум с рыбками. Вошедшая Лельна подозрительно потянула носом.

— Ты курил?

Я попытался изобразить беспечную улыбку.

— Меня угостили очень хорошей сигарой. Ре-

шил попробовать.

— Дурацкая привычка. И потом, табак стоит уйму денег.

Что значили теперь для меня деньги? Но я послушно согласился.

— Ты права, дорогая. Обещаю тебе, я больше никогда не буду курить.

Ночью, перед тем как заснуть, я особенно нежно поцеловал жену. Она отстранилась и внимательно посмотрела на меня. Ее серые глаза чуть блестели в темноте.

— Что с тобой?

Я притянул мягкое податливое тело к себе.

— Я так люблю тебя!

— Я тоже, — просто сказала она.

О, если бы я был уверен в этом!

Странное дело, я добивался взаимности Лельны, прекрасно зная, что мое внезапное возвышение смущает ее. Она была из тех, кто не одобряет неравные союзы. Мне было все равно, я не задумывался над этим. Я любил ее перед тем, как обрел власть, любил позже и не переставал любить и сейчас. Но все чаще меня посещала подленькая мысль. Мне вдруг начинало казаться, что Лельна равнодушна ко мне, что она стала моей женой лишь потому, что я захотел этого. Устала

противостоять моему натиску и уступила. Мне казалось, что я просто купил ее, взял силой, так и не удостоверившись в искренности ответного чувства. Да и, если признаться, я порой ловил себя на том, что меня не очень–то волнует это ответное чувство. Точнее, прежде не волновало. Прежде мне хватало собственной любви. А сейчас я внезапно понял, что хочу быть любимым, по–настоящему любимым. Мне смертельно обрыдли счастливые вымученные улыбки сограждан, обожающих меня поневоле. Я желал настоящей любви. В ту ночь я впервые долго не мог заснуть и ворочался, размышляя. Я думал о Лельне. Я думал и о последних словах гостя. Во многом он был прав.

Я был далеко не первым, кто понял, что власть должна основываться на силе. Этим первым был пещерный вождь, вразумлявший непослушных сородичей ударами узловатой дубины по головам. Потом пришли меч и другие, еще более совершенные способы убеждения. Я имел возможность сделать власть абсолютной. И я сделал это.

Верхушку правительственного аппарата, претендовавшую на кусок пирога власти, поразила странная эпидемия. Несколько сот высших

чиновников один за другим сошли в могилу. Поползли слухи, но я своевременно положил им конец, внушив миллионам моих сограждан, что все это не более чем случайное совпадение. Отныне наиболее важные посты были заняты преданными мне людьми. Но основу моей власти по–прежнему составляло личное воздействие на массу. Мои речи стали ежедневными, нечто вроде таблетки транквилизатора перед сном. Изо дня в день я внушал согражданам, что все хорошо и что их сердца переполнены любовью к президенту.

Каково же было мое удивление, когда посреди белого дня в меня дважды стрелял какой–то сумасшедший. Он был именно сумасшедшим, ведь ни один нормальный человек не в силах противостоять абсолютному внушению. Я распорядился лечить беднягу. А через несколько дней президентский дворец потряс взрыв. Я, к счастью, не пострадал, но жертвы были. Заговорщикам удалось ускользнуть. Все это было непонятным и пугало, вызывая ночные кошмары. Какие–то безумцы находили в себе силы противостоять внушаемой им всеобщей любви. Так пусть же попробуют противостоять смерти!

Я выступил с очередным обращением к согражданам, во время которого приказал остановиться

сердцам тех, кто вынашивает недобрые замыслы против горячо любимого всеми президента. Это дало результаты, но почти неощутимые. Два десятка совершенно здоровых молодых людей умерли на работе или прямо на улицах. У двоих, чьи тела были обнаружены неподалеку от моего дворца, нашли при себе оружие. Двадцать было слишком мало. Я понимал, что подобными мерами ограничиваться нельзя.

О том же говорил и Тод. Он вновь заявился ко мне и вел себя развязней, чем прежде.

Закинув ногу за ногу, Тод дымил сигарой и поучал:

— Надо уничтожать не только тех, кто сделал, не только тех, кто собирается сделать, не только тех, кто подумал, что можно бы собраться, но и тех, кто может подумать. Только такую власть можно считать абсолютной.

Он был прав. Я распорядился передать новое выступление, в котором содержался безмолвный приказ остановиться сердцам тех, кто не испытывает искренней любви к своему президенту. По отражению, лишая маров работы, прокатилась волна смертей. Вымерло примерно пятнадцать процентов населения. Департамент Научных разработок практически обезлюдел. Мне переда-

вали, что перед тем, как испустить дух, многие кричали: «Смерть тирану!»

Узнав об этом, я улыбнулся. Глупцы, они не понимали, что власть тирана основывается на личной выгоде. Я же не имел ничего кроме власти, а значит, тираном не являлся. Я был Семнадцатым, обычным Семнадцатым.

Семнадцатый всегда прав!

Семнадцатый всегда умен!

Семнадцатый преисполнен сил!

Был шок, а потом все разом успокоилось. Стало спокойно, как никогда прежде. Я мог наслаждаться искренней любовью своих подданных. Тех, что уцелели, доказав свою преданность мне. Время от времени некоторые из них умирали, что мало волновало меня. Я почти не думал об этом, а когда вдруг начинал размышлять о внезапных смертях, испытывал чувство облегчения. Я радовался тому, что об этом не задумывается и Лельна, в противном случае, я опасался, что могу не найти слов для объяснения. Лишь как–то раз она спросила:

— Почему умирают люди?

— Так заведено, — ответил я, сделав вид, что не понял вопроса.

— А я могу умереть?

— Нет, ведь ты же любишь меня, а я бессмертен.

Лельна кивнула головой и успокоилась, а я заглянул в ее глаза и впервые повелел. Я приказал ей жить вечно.

Но все случилось иначе. Вскоре Лельны не стало. Она умерла от разрыва сердца.

В день ее смерти Тод явился в последний раз. Впрочем, возможно, он приходил еще, но это был последний день. Тод старательно изображал сочувствие.

— Мне жаль. — Я не отреагировал, и тогда он, ухмыльнувшись, прибавил: — Не слишком убивайся по ней, Ноет. Она ненавидела тебя.

— Почему? Почему? Почему? Ведь было время, когда она любила! Я знаю это!

— От любви до ненависти всего один шаг. Вот такой коротенький. — Тод отмерил двумя пальцами. — Порой даже не замечаешь, когда делаешь его. Ничего, найдешь себе другую.

Тод говорил дружелюбно, но я видел в его глазах жадность. Он желал овладеть моей душой.

— Конечно, — согласился я. — Найду себе другую.

Едва он ушел, я вытащил из ящика письменного стола пистолет. Дуло приятно холодило

разгоряченный лоб. Я трижды нажимал на курок, и пистолет трижды давал осечку.

— Бесполезно, — сказал Тод, объявляя свою тонкую ухмылку в стеклянной дверце книжного шкафа. — Ты не можешь убить себя. Ведь ты даровал себе вечную жизнь.

Направив ствол в ухмыляющуюся физиономию, я выстрелил. Пуля вдребезги расколола стекло. Вместе с ним исчез и Тод.

И тогда я сделал единственное, что мог сделать, подведя итог этой истории.

Я подумал о президенте Семнадцатого, том самом, что пытался силой заставить любить себя. Верно, он не был хорошим человеком, раз столь многие осмеливались думать о том, чтобы его не стало. И я пожелал ему смерти…

ФОНАРЩИК

— Сегодня в двенадцать часов! — жирно кричали заголовки газет:

— Ровно в двенадцать по универсальному времени! — вторили им сообщения информационных агентств:

— В полночь! — важно поднимал указательный палец президент–председатель:

ФОНАРЩИК ЗАЖЖЕТ НАД ГОРИЗОНТОМ НОВУЮ ЗВЕЗДУ!

Не пропустите великого зрелища!

В назначенную ночь никто не спал. Люди бродили по улицам, наслаждаясь свежестью летней ночи, сидели у раскрытых окон иль на приступке у дверей, некоторые забирались на крышу, словно надеясь, что став выше, смогут соприкоснуться с неведомым. Люди ждали удивительного чуда. Ведь рождающуюся звезду суждено увидеть лишь раз в жизни, а некоторые не увидят ее никогда. И этих некоторых значительно больше.

Люди вглядывались в ночное небо и ощущали, как в душе рождается некий восторг, неосознанный, неопределенный — сознание со-

причастности с великим, грандиозным, немного таинственным, что выбивается из колеи серой обыденности. И от этого люди становились чуточку счастливее. Они улыбались друг другу, указывая рукой в фиолетовое небо.

— Смотри, это она?

— Нет–нет, это совсем далеко. Наша будет большой и такой яркой, что заболят глаза.

— Не может быть! Разве звезда бывает яркой? — Так восклицали многие. Ведь звезда, дававшая жизнь планете, была тускло–багрового цвета. Она раздарила свою энергию и медленно угасала. И потому люди позвали Фонарщика.

А теперь они ждали…

Тот, кто должен был сотворить чудо, находился в корабле за многие миллионы световых секунд от планеты. Он был один, он не любил, когда ему мешают. Творец нуждается в тишине и покое, он не выносит суеты, а из всех звуков предпочитает рокот ночного прибоя, мерный и бесконечный, словно течение времени.

Он сидел в удобном покатом кресле и, не отрываясь, смотрел в ту точку, где должна была вспыхнуть звезда. Его не раз спрашивали, как он это делает, и он вполне искренне пожимал плечами. Он и вправду не знал. Он не обладал

ни колдовскими чарами, ни невероятными способностями, ни громадным энергетическим потенциалом, свойственным созданиям, чья суть в сверхъестестве. Он был самым обычным человеком, каких миллионы. Самым обычным, отличаясь от этих миллионов лишь одним — он умел зажигать звезды.

Это было трудно и необычайно легко.

Для начала следовало выбрать место. Он выбирал его долго и придирчиво, руководствуясь одному ему известными признаками, а выбрав, замыкался в скорлупе собственного я и начинал лепить звезду, совсем так, как дети лепят песчаные куличи. Для этого он порождал в душе музыку. Она шла из самых глубин сознания и не имела четкой окраски. Музыка могла быть громкой и тихой, бурливой и плавной, звонкой и романтически приглушенной. Ее можно было заквасить на реве труб, барабанном бое или звонких гитарных аккордах. К месту был и скрипичный дуэт, и тонкое пение флейты, и капельный звон клавесина. Возникая из ничего, звуки обнимали плотной пеленой, порождавшей различные запахи и видения. Арфа создавала поляну с ароматом ландышей, орган — бездонное горное ущелье, насыщенное ветрами, скрипка

— стремительный птичий полет, а в барабанах клокотала гулкая энергия планетарного огня. Вместе с запахами и видениями приходило причудливое ощущение полета и неестественной легкости ума. Стены корабля раздвигались, впуская черноту космоса. Отталкиваясь от магнитного поля, он плыл в темноту — туда, где уже концентрировалась энергия, пока невидимая, но достаточно осязаемая. Бесчисленное множество плотных комочков, покалывающих ласковыми иголочками силовых окончаний. Здесь музыка достигала своего апогея и начиналось рождение.

Он рождал звезду не в приступах боли, а скорее в состоянии неописуемого оргазма, но как знать, не был ли этот оргазм страшнее самой ужасной боли. Все естество его раскалывалось, соединялось с тонкими нитями аккордов и невесомых ощущений, и начинало облекать неопределенное в форму.

Он мог создать любую из восемнадцати звезд по универсальной классификации. Звезду огромную, среднюю и малую, звезду розовую, белую, фиолетовую, апельсиновую, багровую, ослепительно–зеленую. Все зависело от настроения. Если в душе клокотали гнев и ярость, то возникали гигантские белые звезды, способные

испепелить живое. Грусть была матерью фиолетовых, лимонных и нежно–салатовых. Они жили недолго, но тепло их было ровным и ласковым. Иногда приходила печаль, и тогда возникали огромные бесформенные багровые. Восторг соответствовал алому, ярче свежепролитой крови. Случалась меланхолия, и тогда точку в небе занимал черный карлик, пустой и холодный. Это был очевидный брак, и он старался не поддаваться меланхолии.

Сегодня ему предстояло создать апельсиновую звезду — посредственную, но зато долгую и надежную. Подобные не взрываются и долго не гаснут. Апельсиновая звезда требовала ровного настроя с оттенком некоторой обыденности. И потому он вызвал квартет — скрипка, фортепиано и глуховато звучащая гитара. Мерный фон, почти ничего не значащий, более ритм, нежели музыка. Полились ровные звуки. Он внимал им каждой порой своей сути, пока полностью не растаял в них. Он плавно растекся по ожерельям гамм, вызвав к жизни сочные видения — тихий небольшой городок, затерянный в глубине континента, зеленоватая речка, сонная в полдень, кукурузное поле с невызревшими початками, закусочная на обочине дороги, горячий запах хлеба

с яблоками. Это был вкус апельсиновой звезды.

Музыка нарастала. Видения становились все отчетливей. К ним прибавился осенний морской пейзаж в стиле Рокуэлла Кента и кусочек увертюры Брамса, крохотный и самый безликий. Плавные звуки пронзали корабль, расслаивая его трещинами. Медленно растворилась стена с иллюминатором. Он поднялся с кресла и взмыл вверх. Вскоре уже было неясно, где верх, где низ. Он парил в пористом кружеве звезд, ощущая легкое сопротивление невесомой материи. Он сгребал космическую пыль, помогая ей с помощью звуков принять устойчивое положение. А потом он принялся лепить звезду, складывая множество огненных комочков. Он походил на пчелу, строящую соты. И эти соты медленно наполнялись сгустками энергии, поглощаемой из космоса невидимой паутиной звуков.

Творение обретало объем. Звуки превращались в грохочущий шквал, в котором уже нельзя было разобрать ни одного инструмента. Лишь ровный гул, давящий на сознание подобно абсолютной тишине. И сквозь этот гул прорастали десятки и сотни огненных щупалец, выброшенных не завершенным еще творением. Они помогали звукам черпать жизненную энергию и заполняли

ею пористое тело.

А потом последовал взрыв — ослепительный, раскалывающий сознание на части. Глаза заслонило черным крепом, а когда пелена спала, он увидел, как перед ним, расплываясь во весь иллюминатор, сияет громада зажженной звезды. В такие мгновения он чувствовал огромную усталость, смешанную с долей разочарования, свойственную любому мастеру, который завершил свое творение, а теперь оценивает его. Ах, оно не идеально! Ах, оно б могло быть куда лучше! Ах, как несовершенен этот мир!

Разочарование — чувство, присущее каждому. Разочарование чувствовали и те, кто наблюдал за рождением звезды.

— Как, и это все? — восклицали обыватели. Они ждали яркого зрелища, подобного тому, что давали паяцы с приклеенной улыбкой на лице, а взамен стали свидетелями того, как на черном покрывале неба возник небольшой апельсиновый шар. Они сполна заплатили за зрелище, а что получили! Стоило ли ради этого жертвовать сном!

Обыватели расходились разочарованные и недовольные, и забывались в тяжелом сне.

А через день они забыли о случившемся и

вспоминали о нем лишь изредка, когда вдруг замечали, как пышно разрослась на окне герань. Тогда обыватели вскидывали вверх указательный палец и заявляли:

— Выходит, мы недаром потратили деньги!

При этом они чувствовали такую гордость, словно собственноручно зажгли апельсиновый шар над своею головой.

Крохотный апельсиновый шар.

* * *

Он был и почти что не был. Он был легендой. Мало кто знал, как его зовут. Люди говорили о нем как о Фонарщике, Творце и даже Шарлатане. Одни называли его Ольвусом, другие — Грантом, третьи — Денлилем. И лишь четверо знали его настоящее имя, но для каждого из четверых оно было разным.

Почти никому не доводилось видеть его, по пальцам можно было пересчитать счастливчиков, которые видели его однажды. О лавочнике из Ореола, которому довелось перекинуться с ним словом, сообщили все информационные агентства. И лишь четверо видели его не раз, и не раз говорили с ним. Они знали о нем не все, но довольно многое. Прочие же не знали о нем

ничего, кроме того, чем он занимался. Для них он был самым загадочным существом на свете — Фонарщиком, человеком, зажигающим звезды.

Фонарщик был неуловим. Он никогда не останавливался надолго на одном месте. Он зажигал очередную звезду и перебирался в другое созвездие, готовясь сотворить новое чудо.

Как он это делал? Вопрос, обращенный в никуда. Доказано, что процесс рождения звезды необычайно сложен. Необходима критическая масса межзвездного вещества, необходимо преломление измерений, необходимо, наконец, смещение временных потоков. И что–то еще, о чем не знает никто. Когда Фонарщику говорили об этом, он загадочно улыбался. Он лишь зажигал звезды, сам не понимая, как это делает. Он не знал, как ответить на этот вопрос. Зато имел ответ на другой — зачем.

Когда–то в раннем детстве он услышал случайно оброненную фразу:

— Если звезды зажигают, значит, это кому–то нужно.

Он запомнил эти слова и твердил их с тех пор по ночам.

А когда вырос, сам научился зажигать звезды. Ведь это было кому–то нужно. Нужно?..

— Дилл, мне нужна звезда между четвертым и восьмым секторами в созвездии Лиры. М–13 гаснет, и жители Фуэнте готовы заплатить за то, чтобы иметь в достатке тепло и свет.

— Хорошо, Док, — послушно ответил Фонарщик.

Док Хармс был личным менеджером человека, зажигающего звезды, и одним из четырех, кто время от времени виделся с ним. Док был отличным менеджером, быть может, лучшим в мире. Благодаря ему Фонарщик не испытывал нужды в средствах. По первому требованию он получил новый дом, звездолет и запас би–горючего. Док решал все таможенные проблемы, разбирал судебные иски и заключал контракты. Еще он считался самым богатым человеком на свете. Поговаривали, что он нажил свое громадное состояние благодаря таланту Фонарщика, ведь люди согласны заплатить за создание звезды бешеные деньги. Фонарщик не обращал внимания на эти пересуды. Денег, что он получал от Дока, вполне хватало, а деловая хватка последнего решала все проблемы.

Док сидел в кресле из чистого золота, Фонарщик — на обшарпанном табурете, снятом со списанного звездолета. Другого возмутила б подобная

несправедливость, но Фонарщик не обращал внимания на такие мелочи.

— Когда ты можешь вылететь?

— Это срочно?

— Да. Фуэнтийцы согласны заплатить вдвойне, если ты возьмешься за это немедленно.

— Хорошо, Док, вот только…

— Что только? — Док Хармс столь изумился этому только, что даже вытащил изо рта алмазный мундштук с сигарой. — Что ты хочешь сказать этим только?

Фонарщик потупился.

— Я обещал зажечь звезду в системе Ратоборца.

— Но я не подписывал такого контракта. Кажется, не подписывал… — Док привстал в кресле, его короткие пальцы суетливо забегали по клавиатуре стоящего на столе компьютера. — Подожди, я запрошу сведения об этом деле.

— Не стоит, Док. — Фонарщик выглядел еще более смущенным. — Обитатели Герры бедны, они не в состоянии уплатить нужную сумму.

— Ах, вот, значит, как! — Лицо Дока потемнело от злости. — Ты опять принялся за свое? Ты вновь раздаешь подачки всяким побирушкам! И это несмотря на все свои обещания!

Фонарщик уступил этому напору и втянул голову в плечи.

— Прости меня, Док, но это займет совсем немного времени.

Док яростно оскалился.

— А дело не только и не столько во времени. Пойми, жалкий недоумок, каждая сотворенная тобой звезда должна приносить деньги, иначе какой смысл в том, что ты делаешь! Скажи, зачем тебе и мне эта звезда?

— Она нужна людям.

— А почему ты должен думать об этих людях? Сегодня не заплатят одни, завтра откажутся платить другие. Что мы тогда будем делать? Где мы возьмем новые звездолеты, горючее, дома, которые ты привык менять чаще, чем рубашки? В этом мире все взаимосвязано. Нет, конечно же, я не спорю, наш мир далек от идеала, но мы живем в нем и вынуждены повиноваться его законам. А эти законы гласят, что любой труд, выполненный человеком добровольно, без принуждения, заслуживает вознаграждения. Нам должны заплатить за звезду!

— У них нет таких денег, как ты не понимаешь, — тихо сказал Фонарщик.

Док ответил на эти слова жестом, означающим

презрение. Он не желал иметь дело с людьми, которые не в состоянии оплатить создание звезды. Он не желал в сотый раз твердить Фонарщику одни и те же слова. Он не желал тратить время на дискуссию.

— Короче, мы договоримся так. Я запрещаю тебе исполнять заказ этих людей. Пусть платят. Мы не должны раздавать звезды даром. Если ты согласен со мной, все остается по–старому, если же нет — забудь обо мне! — Док перешел на истеричный крик. — Забудь о звездолетах и новых домах. Я не желаю иметь дело с идеалистом, жаждущим осчастливить весь мир. Все стоит денег. А звезды стоят больших денег! Огромных денег! Итак, что ты решил?

Фонарщик поднял глаза. В его взгляде было упрямство.

— Док, а тебе приходилось когда–нибудь слышать о таких вещах как дружба, помощь, милосердие?

— Приходилось. Этими словами меня пичкали в начальной школе. Ты хочешь сказать еще что–нибудь?

— Эти люди нуждаются в моей помощи.

Док пожал жирными плечами.

— Как знаешь.

Через день над планетой Герра зажглась новая звезда, прозванная геррянами Солнцем.

В тот же день Фонарщик покинул систему Ратоборца. Он летел на стареньком звездолете, снабженном крохотным запасом би–горючего, приобретенного на жалкие сбережения жителей Герры.

Прошло много лет, но герряне еще долго давали своим детям странное имя — Фонарщик. И ради этого стоило зажечь Солнце.

* * *

Ни один из живущих на свете не подозревал о существовании Эдема. Точнее, не верил в его существование. Спроси любого, что такое Эдем, и любой ответил бы:

— Сказка, придуманная варварами, пришедшими ниоткуда. Плод болезненных мечтаний, взращенный на страхе перед неизбежностью смерти.

И любой был прав — Эдема земного действительно не существовало, а вот Эдем небесный был.

Эту планету невозможно найти ни в одном звездном справочнике. Корабли, проходящие мимо, не замечают ее, скрытую от глаз и приборов

взвесью невидимой пыли. А меж тем она ослепительно, сказочно великолепна. Нигде больше нет столь сочной зелени, чистой воды и громадных спелых плодов. Нигде не встретить столь миролюбивых зверей и нив, произрастающих без вмешательства человека.

На этой планете живет Творец.

Он сед и полон телом. Он претендует на то, что все сущее создано его руками, и требует, чтобы его называли Богом. Он грезит о том мгновении, когда родится поколение людей, чистых душой и телом, которые будут достойны Эдема. Он мечтает поселить этих людей на своей планете и даровать им вечную жизнь, а себе — блаженство. Пока же он довольствуется обществом одного–единственного человека — Танна, того самого, что зажигает звезды. Пользуясь своим умением манипулировать пространством и временем, Творец на долю секунды похищает Танна из его корабля, перебрасывая в иное измерение, которое не является ни прошлым, ни будущим, ни даже настоящим. Творец утверждает, что Вечность не подлежит временному исчислению, ибо она владычествует над временем как абсолют над относительностью. Порой он развивает на этот счет целые теории, но так и не смог приве-

сти доказательств ни одной из них. Фонарщик воспринимал Творца как неизбежность, скорее малоприятную.

Творец не обладал обаянием Сатаны, но принимал своего гостя подчеркнуто радушно, порой даже пышно, однако в словах его и жестах проскальзывал налет фальши. Даже лицемеря, он неизменно переигрывал.

Еще он был величайшим любителем моралей. Он читал их по поводу и без него. Фонарщик подозревал, что само слово мораль выдумано Творцом. Порой Фонарщик с тоской ощущал, что является для Творца не более чем объектом для очередной морали. Другому это было бы лестно, но Фонарщик не желал менять свои звезды даже на общение с тем, кто претендовал на сотворение сущего. Он был немножко атеист, и еще — страшно признаться! — верил в человечность и любовь.

Впрочем, Эдем имел одну привлекательную сторону. Здесь произрастали необычайно вкусные плоды, а кроме того, можно было насладиться лучами малиновой звезды, зажженной много лет назад самим Фонарщиком.

Почему–то Творец всегда с завидным упрямством доставлял своего гостя на одно и то же

место — на большую лужайку у лесного озера. И требовалось проделать немалый путь, чтоб очутиться в покоях, где ждал хозяин. Фонарщик смутно догадывался, что это ритуал, призванный подчеркнуть величие Творца, и в глубйне души прощал эту позволительную в общем–то слабость, но порою сердился. И потому он не очень–то спешил во дворец. Он гулял по тенистым аллеям, нежился на пушистой траве, объедался сочными грушами и яблоками, которые в изобилии росли вокруг, игрался веревочкой с мурлыкающими тиграми, питавшимися манной, что посылал им Творец. Не в силах дождаться строптивого гостя, Творец оставлял свои покои и отправлялся на поиски. О, как же он злился, обнаружив Фонарщика спящим под цветущим кустом терновника! И как ловко скрывал свою злость.

Творец собственноручно будил Фонарщика, а его невидимые слуги подавали серебряный кувшин с ключевой водой. Гость радостно плескался ею, с наслаждением фыркая и отплевываясь, а Творец с умильной улыбкой взирал на него. Затем они садились на траву и заводили неспешный разговор. Один и тот же, по раз и навсегда составленной программе. Все это походило на многократно сыгранный и успевший надоесть

фарс. Однако Творец получал удовольствие от этого фарса. Он начинал, смиренно сложив на груди руки:

— Я рад вновь видеть тебя, Танн.

— Не могу сказать того же, Творец.

Эта фраза не соответствовала первоначальному сценарию, но Фонарщик упорно твердил ее все последнее время, и Творец с присущим только ему терпением вносил в диалог коррективы.

— Зачем ты так, друг мой?

В данном месте Фонарщик имел скверную привычку зевать, но хозяин научился не обращать внимание и на это. Он продолжал допрос.

— Как твое здоровье?

— Нормально.

— Как…

— Великолепно. Нет. Не намечается. Не потому, что я не хочу. — Необходимо пояснить — чтобы сократить бессмысленный разговор, Фонарщик заранее отвечал на наперед известные ему вопросы:

— Как поживает твоя жена?

— Не обзавелся ли ты маленьким Фонарщиком?

— Не собираешься ли обзавестись?

— Почему, неужели не хочешь?

Лишенный привычного удовольствия спрашивать и слегка выбитый из колеи, Творец переходил к основной части.

— Ты по–прежнему зажигаешь звезды?

— По–прежнему.

— Зачем?

— Затем.

После такого ответа Творец обычно терялся. В его голосе появлялись нотки раздражения.

— Тебе известно, Танн, что я тоже умею зажигать звезды?

— Да.

— А ты хочешь узнать, почему я не занимаюсь этим?

— Нет.

Творец был терпелив.

— Я все же объясню тебе.

Фонарщик, позевывая, рассматривал мелькающих в кронах деревьев птиц, а Творец заводил свою первую мораль.

— Когда я создавал этот мир, я делал его счастливым — без боли, без горя, без страданий. В нем не было места ярости и злобе.

— А звезды? Что их взрывает, если не ярость?

— Они стали взрываться много позже, когда этот мир перестал быть исключительно моим. А

до этого они горели — ровно и бесконечно. И не было ни черных карликов, ни сверхновых. Одни лишь надежные оранжевые.

— Мир, лишенный непредсказуемости, мир, отвергающий взрыв, скучен.

— О, как ты неправ, Танн! Что может быть совершенней ровной и размеренной жизни!

— Что может быть хуже! — восклицал Фонарщик. — Не заводи этот извечный спор!

Но Творец как раз намеревался завести его.

— А потом пришли подобные тебе, и все изменилось.

— Я знаю, знаю эту историю. Их звали Адам и Ева. Сатана, принявший облик змея, сбил их с истинного пути.

— Не совсем так. У них не было имен. И Сатана не повинен в их бедах. Это они совратили Сатану, оторвав его от Бога.

Фонарщик смеялся.

— Любопытная версия! Выходит, Сатана — порождение людей?

— Конечно. Неужели ты полагаешь, что Бог способен сотворить зло?

— Еще как полагаю. Особенно, когда зло оправдывается благими намерениями. Не стоит заводить разговор о добре и зле. Он может оказаться

слишком долог. Я всегда полагал, что Сатана — один из твоих взбунтовавшихся слуг. Разве не так?

— Именно так. Но он стал таким, поддавшись на уговоры людей.

Фонарщик заулыбался еще шире.

— Каким же яблоком они его соблазнили?

— Яблоком познания. Сатана был слишком любопытен, а люди пообещали ему открыть мир.

— И, видно, исполнили свое обещание, если он столь вдохновенно воюет против тебя.

Творец не отреагировал на эти слова, а лишь вздохнул.

— Бедный грешник! Он обожествил зло!

— Он создал мир! — не согласился Фонарщик.

— Мир создан мной!

— Ты сотворил глиняный замок, который растаял бы при малейшем дожде. Но пришел Сатана, который привнес в мир огонь, придавший твоему строению прочность.

Добро, сведенное к абсолюту, перестает быть добром. Оно воспринимается превращенным в ничто. Сатана разбавил добро злом. Он создал реальный мир — сплетение относительностей.

— Танн, ты опасный еретик! — со значением воскликнул Творец.

— Так сооруди костер.

— Это дело рук Сатаны.

— Неправда, те, кто зажигали костры, искренне веровали в Бога.

— Они лишь прикрывались именем Бога. Я ненавижу насилие. И искренность этих слов подтверждает уже то обстоятельство, что я без гнева выслушиваю твои слова.

— Но признайся, тебе хотелось бы поступить иначе!

— Возможно, но тогда, содеянное мной переступило бы границы добра.

— А не считаешь ли ты, что подумав о зле, ты уже совершил его? Ведь всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Кажется, так сказано в твоем завете людям?

Творец натянуто засмеялся. В этом месте он всегда попадал впросак, но движимый необъяснимым упрямством, ни разу не попытался обойти данный кусочек разговора.

— Ты умеешь спорить, Танн.

— Еще бы, ведь мои предки смогли соблазнить самого Сатану!

— А теперь в соблазн вводишь ты.

— Чем же, позволь узнать?

— Ты создаешь звезды.

— Что делать! Кто–то должен зажигать звезды. Раз этим не хочет заниматься Творец, значит, должен был появиться Фонарщик.

— Мой друг, а не задумывался ли ты над тем, что, зажигая звезды, ты тем самым даешь человеку опасную иллюзию всемогущества? Раз один человек смог уподобиться Творцу, почему бы этим не заняться другому, третьему?

— Что ж, я не вечен. Когда–нибудь я умру, и на смену мне придет кто–то, любующийся звездами.

— Но человек не может заменить Творца!

— Почему? Ведь человек рожден, чтобы творить.

Творец заволновался.

— Постой, постой, а как же я? Что будет со мной?

— Ничего не будет. Живи в свое удовольствие. С тех пор, как ты перестал зажигать звезды, в тебя все равно никто не верит.

— Создавать звезды? — Бог хмыкнул. — Ты полагаешь, что человечество достойно того, чтобы ради него создавать звезды?

Фонарщик ответил вопросом на вопрос:

— А быть может, создавая звезды, Творец делает

человечество более достойным?

Творец на мгновение задумался, а потом решил:

— Нет, это невозможно. Зажигать звезды — акт величайшей тайны. Люди же превратили это в дешевое зрелище. Я не могу снизойти до того, чтобы потакать пошлому любопытству. А ты, делая это, опускаешься до презренного ремесленника!

Фонарщик пожал плечами.

— У меня нет выбора. Ведь кто–то должен делать это.

Творец взглянул на Фонарщика. На губах его была запечатлена умильная улыбка, но в зрачках сверкали колючие льдинки.

— Послушай, Танн, а не могли бы мы договориться? Я подарю тебе вечную жизнь и назначу моим слугой, а ты будешь зажигать звезды от моего имени.

— Ты можешь победить Вечность? — поинтересовался Фонарщик.

— Конечно. Это не столь сложно, как кажется. Ты просто будешь жить по иным временным законам. Я сожму бесконечный отрезок твоей жизни в секунду. Это в моей власти. Ну как, Танн, ты согласен?

— Нет! — решительно ответил Фонарщик. — Я

не привык быть слугой. Я не переношу однообразия оранжевых звезд. А кроме того, я не могу славить имя бога, в которого никто не верит.

Творец обиделся.

— Можно подумать, в тебя кто–то верит! Ты для людей не более чем сказка.

— Наверно, но когда на небе вспыхивает новая звезда, губы людей шепчут мое имя.

— В тебе говорит гордыня, — процедил Творец. — Но недолго тебе осталось. Знаешь, ведь ты скоро умрешь. Я даже могу назвать день твоей смерти. Хочешь, назову? Или ты, подобно прочим смертным, испытываешь ужас перед неизбежностью бытия? Я слышал, самый сильный страх испытывает тот, кто знает свой смертный час.

— Мне все равно, — сказал Фонарщик.

— А–а–а, ты боишься!

— Ничуть.

— Тогда знай, что это произойдет ровно через три дня. Но ты еще можешь принять мое предложение и будешь жить вечно. Посмотри, как прекрасна вечная жизнь!

Творец махнул рукой, и в небе появились ангелы. Они порхали, трепеща ажурными крыльями, сбивались в стайки. Это было красивое зрелище, похожее на игру мотыльков. Вдоволь налюбо-

вавшись им, Творец хлопнул в ладоши. Ангелы растворились в пустоте.

— Ты видел, как это прекрасно? Соглашайся!

Фонарщик отрицательно покачал головой.

— Я не привык появляться на чей–то окрик.

— Не чей–то, — терпеливо поправил Творец. — Окрик Бога!

— Все равно не привык.

— Напрасно. Ведь смерть — малоприятная вещь. Ты мог бы избежать ее. И всю жизнь создавать звезды — красивые, ровные, оранжевые шары.

— Прости, — улыбнулся Фонарщик, — я заговорился с тобой и совершенно забыл, что люди заказали мне новую звезду — ослепительную, белую, яростную.

Творец поежился.

— Она непременно взорвется.

— Да. Через миллиард лет. А до этого она будет исправно дарить теплом и светом целых восемь планет. Я спешу. Если ты сказал все, что хотел, будь любезен, верни меня обратно.

Творец потеребил жидкую спутанную бородку.

— Как хочешь. Но ведь три дня!

— Три звезды, — поправил Фонарщик. — Я измеряю дни звездами. Так удобней. — Он помолчал, а

затем негромко промолвил: — Белую я зажгу для восьми планет, розовую — для детей, тех, что не могут уснуть ночью, а последнюю…

— А последнюю? — вкрадчиво спросил Творец.

— А последнюю я зажгу для себя!

— Три дня! — завопил Творец и хлопнул в ладоши, возвращая Фонарщика в скорлупу звездолета.

Эдем — самое прекрасное место из существующих на свете. И люди напрасно не верят в него. Вот только попасть туда не дано никому, даже вам, читающим эти строки. Попасть на остров Эскулапа[5], прозванный кем–то Эдемом.

* * *

Этот гость всегда приходил негаданно. И всегда с подарком. Он любил делать приятное и обожал сюрпризы. Он называл Фонарщика Шером, что в переводе с одного из древнейших языков означало искаженное — дорогой.

— Шер… Ш–Шер… — именно так, чуть жестче, чем следовало бы.

Фонарщик в свою очередь именовал гостя Меф,

---

[5] Примечания: 5

Остров в Риме, посреди Тибра, куда хозяева свозили умирать больных и старых рабов.

вытащив странный, ничего не значащий слог откуда–то из глубин памяти. А быть может, это имя подсказал ему сам гость, ибо он был слегка тщеславен и любил, когда произносили самое благородное из его имен, вырванное из небытия беднягой Фаустом. Люди, никогда не видевшие гостя, дали ему имя, краткое и четкое, словно трехступенчатая пирамида — Сатана.

— Мы с тобой братья, — не раз говаривал Сатана Фонарщику. — Я такая же сказка, как и ты. Мое имя вертится у всех на языке, мной заклинают, проклинают, клянутся, но в глубине души в меня никто не верит. За исключением разве что страдающих депрессией и манией величия. Я — легенда, рожденная в хижине из тростника и умерщвленная скептицизмом, которым отделаны кабины звездолетов. Мне не везет, Шер!

Впрочем, Сатана редко жаловался. Он не имел привычки перекладывать груз своих проблем на чужие плечи, считая это дурным тоном. Напротив, он всегда старался быть веселым, порой его веселость выглядела наигранной, но Фонарщик не придавал этому значения. Сатана был на редкость приятным малым.

Он был чертовски красив. Ваятель, увидев его, непременно пожелал бы создать это лицо в брон-

зе или черном камне. Но Сатана не был склонен удостаивать своим вниманием ваятелей. Они слишком суетны в стремлении осчастливить мир оберточной красотой. Мало кому дано постичь душу, и никому — душу Сатаны. Из этой бездны нет возврата.

У Сатаны было множество обличий. Он менял их с такой легкостью, с коей комедиант меняет маски. Но истинным своим лицом он считал одно — то, с каким представал перед Фонарщиком. Лицо юноши — тонкое, одухотворенное, согретое темной синевой глаз и обрамленное золотистыми кудрями. Он походил на подросшего Сикстинского младенца, некогда рожденного кистью Рафаэля. Тот же ангельский облик и те же бесконечно мудрые, доверчивые, пытливые глаза. Быть может, это было не случайно. В своих беззлобных шутках, поддразнивая Творца, Сатана нередко доходил до неосознанного кощунства.

Он вошел в рубку непринужденно, словно вернулся, отлучась на минутку. На нем был черный, с золотистым шитьем костюм и подбитый алым шелком черный же плащ. Бледное лицо, увенчанное короной желтоватых волос, сверкало бриллиантом в мрачной оправе.

— Привет, Шер!

Сатана бросил Фонарщику небольшой блестящий сверток. Фонарщик ловко поймал его, развернул хрустящую бумагу и извлек квадратной формы флакон, наполненный темной влагой.

— Ты искушаешь меня, Сатана! — пропел Фонарщик, улыбаясь.

— Работа такая! — в тон ответил Сатана.

Материализовав посреди рубки кресло, Сатана уселся.

По его лицу блуждала неопределенная улыбка. Он любил общество Фонарщика, Фонарщик знал это. Однажды он спросил: за что? Сатана на мгновение задумался и ответил:

— Наверно, за то, что у меня нет иного выбора. Я могу встречаться с Творцом, но он глуп и невыносимо скучен. В его обществе меня неизменно тянет говорить пошлости. Я могу призвать своих слуг, которые мечтают о встрече со мной, но они мне неинтересны, поскольку наделены лишь тем, что вложил в них я. И, наконец, люди… Они еще более невыносимы, так как надоели мне просьбами купить их души. Все лезут в Наполеоны. Вот так–то, Шер!

— А как же я? — улыбаясь, спросил Фонарщик.

Сатана сжал тонкие пальцы в кулак, а затем

принялся поочередно выбрасывать их.

— Ты умеешь делать то, что неподвластно мне. Ты ни разу не предлагал мне свою душу. И ты просто приятный собеседник. — Три изящных пальца образовали дьявольский трезубец. — И это все!

Потому–то Сатана и посещал время от времени Фонарщика. Они выпивали и разговаривали, а когда порядком набирались, Сатана принимался искушать. Без должного, однако, усердия, скорей по привычке. Должно быть, Сатана опасался, что Фонарщик когда–нибудь поддастся на уговоры, и тогда он лишится своего лучшего собеседника.

— Что это? — Фонарщик вертел сосуд в руках с таким видом, словно это бомба.

— Яд! — Сатана рассмеялся. — Самый сладкий яд с планеты Фитрон. Где у тебя бокалы?

Фонарщик беспомощно развел руки.

— Не знаю.

— Ты неисправим! — беззлобно посетовал Сатана, после чего протянул руку и извлек из пустоты два пузатых бокала и чистую тряпицу. Нежно дыша на тонкое стекло, он протирал бокалы, а Фонарщик тем временем откупорил бутылку.

— Какой запах! — восхитился он, потянув носом.

— Вкус! — Сатана закатил глаза, изобразив крайнее блаженство. На гладких щеках его образовались ямочки.

Они сдвинули наполненные бокалы и разом пригубили.

— Да–а–а, — протянул Фонарщик. — Выпить эту бутылочку и умереть.

Сатана понимал, что это лишь шутка, но решил поддержать игру.

— Не стоит, — сказал он серьезно. — Уверен, что если как следует поискать, в мире найдутся вещи, достойные большего восхищения.

— Так поищи!

— В следующий раз.

Фонарщик не стал говорить, что следующего раза не будет. Не сговариваясь, они разом опустошили бокалы, и Фонарщик наполнил их вновь.

— Когда я осязаю этот божественный напиток, мне кажется, что в душе рождается фантастическая симфония, сплетенная из самых диковинных звуков, видений и осязаний.

Сатана с любопытством посмотрел на него.

— Какой бы получилась звезда, создай ты ее в этот миг?

— Какой? — Фонарщик задумчиво подпер рукой подбородок. — Прекрасной и в то же время

ужасной. Она была бы огромна и сплошь усеяна разноцветными языками протуберанцев. Сотни оттенков языков самых причудливых форм. Вообрази себе — оранжевые пирамиды в обрамлении сиреневых пальм, золотистые лужайки, на которых резвятся изумрудные пантеры, сверкающие пагоды, захлестываемые желтым морем. И переплетение звуков — от шепота до рева — и запахов. Она пахла бы огнем и фиалками.

— Как вкусно! — вздохнул Сатана. — Шер, создай для меня такую звезду!

— Нет… — Фонарщик погрозил Сатане пальцем. — Нельзя.

— Почему? Я хорошо расплачусь с тобой. Я дам тебе все, что ты пожелаешь.

— Мне ничего не нужно. — Фонарщик похлопал Сатану по плечу, — Если хочешь, я сотворю тебе звезду, но завтра. Звезда, зажженная сегодня, принесет миру горе. Она поглотит мир.

— Именно этого я и хочу, — признался Сатана. — Мир гнетет меня. Я устал.

— А это уже нечестно!

— Ты прав, Шер. Оставим эту тему.

Фонарщик был чуток, он понял, что гость слегка обиделся.

— Хочешь, я сотворю для тебя целое созвездие?

Завтра! — быстро привесил он, видя, как у Сатаны разгораются глаза.

Сатана поскучнел.

— Не надо. Мне вполне достаточно тех, что ты подарил мне прежде.

— Тогда хочешь, я покажу тебе карточный фокус?

— Валяй, — разрешил Сатана, скрывая легкую скуку, ведь он знал решительно все фокусы на свете.

Фонарщик стасовал колоду и ловко преломил ее с таким расчетом, чтобы внизу оказались четыре короля. Сатана подыграл ему, притворившись изумленным. В конце концов оба получили удовольствие — Фонарщик от того, что сумел развеселить гостя, а Сатана радовался тому, что не выдал своей скуки. Играя в скучную игру ради того, чтобы доставить приятное другому, порой вдруг ловишь себя на том, что действительно ощущаешь наслаждение. Подобное иногда случается.

Сатана сделал крохотное доброе дело — он вообще был склонен творить добро, по мелочи, естественно, — но ему стало скучно.

— Шер, — сказал он и терпеливо дождался, когда Фонарщик наполнит бокал и поднимет

глаза, — а зачем ты все это делаешь? Ведь не ради денег?

— Нет, — ответил Фонарщик, мотнув головой. Но Сатана не слушал. Вопрос, заданный им, был чисто риторическим.

— Я знаю. Но ради чего? Быть может, ты мечтаешь, чтобы люди помнили о тебе, как о творившем добро?

— Возможно, но я точно не знаю.

— Тогда позволь спросить: зачем? Ведь это не что иное как мелкое тщеславие. Оно стоило жизни многому и многим, и многих толкнуло на край бездны, именуемой совестью. Это так мелко!

— Я не тщеславен! — возразил Фонарщик.

— Тогда что же?

— Не знаю.

— Не знаешь, — протянул Сатана. — Все это дьявольски, прости за каламбур, скучно. Я живу в этом мире так долго, что позабыл день своего рождения. Порой мне кажется, что я жил в нем всегда. Сначала все было великолепно. Я с наслаждением творил добро, потом столь же сладострастно предавался злу. Но очень скоро понял, что этот мир определяет скука. Добро — скучно, зло — скучно, счастье и то — скучно. Смысл имеют лишь мелкие радости — вроде

этого бокала хорошего вина. Но ведь звезду не сравнишь с бокалом!

— Да, это совсем иное.

— А что это? Объясни. Я еще могу понять, если б ты сотворил одну звезду, две, пять, наконец. Но ведь ты зажег целые созвездия. Неужели тебе не наскучило? Ответь, Шер, только честно.

— Нет…

— Постой! — Сатана не дал Фонарщику договорить. — По–моему, тобой движет самое примитивное чувство — чувство надуманного долга перед твоими собратьями. Ты хочешь осчастливить мир, согреть его теплом своих звезд.

— Не так просто. Да, я хочу сделать жизнь людей светлее, в этом ты прав. Но загорающаяся звезда имеет для меня куда больший смысл, чем просто источник энергии, необходимой людям.

— Страсть творца?

— И это, отчасти. Творить — высшее наслаждение, какое только может испытывать человек.

— Это самый сильный дурман, излечиться от которого невозможно, — подхватил Сатана. — Рембо понял это, но слишком поздно.

Фонарщик не слышал имени Рембо, но угадал, о чем говорит Сатана.

— Да, и здесь ты прав. Создавая звезды, я живу.

Отними у меня дар расцвечивать черное небо, меня вмиг бы не стало.

— Ты уязвим, — меланхолично заметил Сатана. — Как хорошо, что никто кроме меня не знает, как ты уязвим! Но ведь это так скучно!

— Понимаешь, с каждой новой звездой я привношу в мир что–то новое, неизведанное, прекрасное.

— Творца.

— Нет, я нередко творю для себя.

Сатана сначала хмыкнул, а потом засмеялся.

— Можно подумать, творец создает для других! В плодах своих трудов он прежде всего ищет усладу для себя. Это не требует доказательств.

— Нет, нет и нет! — Фонарщик рассердился. — Меф, ты не хочешь понять меня. Да, я творю для людей, да, я творю для себя. Но это лишь поступательное движение в достижении великой цели.

— Любопытно, — равнодушно протянул Сатана. — В чем же твоя цель?

— Я, как и ты, живу тем, что ищу. А что ищу, я и сам не знаю. А знай, мои поиски потеряли бы смысл. Это подобно любви. Когда любишь женщину просто за то, что она есть, а если вдруг случится осознать те ее качества, что вызвали чувство, любовь безвозвратно уходит.

— Экселлент! — воскликнул Сатана. — Я обязательно должен записать эту фразу!

— Перестань шутить, Меф!

— А я и не шучу.

Сатана и впрямь был серьезен. Фонарщик понял это. Он успокоился и, сделав глоток, продолжал:

— Я живу в этом мире сам не знаю ради чего. Кто–то находит смысл в моем существовании, ведь я дарю людям свет и тепло. Другие полагают, что мной движет страсть к деньгам. Думаю, остались и такие, что подобно мне не разучились любоваться звездным небом, и им тоскливо, когда гаснут звезды. Четвертые думают как–то иначе. И все они неправы. Я и сам не знаю, ради чего делаю все это. Порой мне кажется — лишь ради того, чтоб утолить честолюбие, порой я мечтаю увидеть счастливую улыбку на лице ребенка. Но и это совсем не то. Я мечтаю создать звезду. Только не говори мне о комплексе творца! Это будет необычная звезда, совсем небольшая и неприметная, совсем некрасивая и даже уродливая, но это будет моя звезда; звезда, которую я создал только для себя. И эта звезда будет жить вечно, потому что я останусь с ней. Ты понимаешь, о чем я?

— Да, — с оттенком легкой грусти произнес

Сатана. — Да, мой Маленький принц. Я понимаю тебя. Этот мир полностью в твоей власти, ты владычествуешь над ним в большей мере, чем я или Творец, но тебе одиноко в нем. Он слишком велик для тебя, как бушующий океан безбрежен для крохотной лодки. И ты ищешь свой уголок, который принадлежал бы только тебе и никому больше. Ты хочешь спрятаться от мира, ты хочешь спрятаться от себя. И ты единственный, кто в состоянии сделать это. Я завидую тебе. — Сатана вздохнул. — Я бы мечтал поселиться на звезде, которую ты создаешь для себя, но увы…

— Хочешь, я подарю ее тебе? — воскликнул Фонарщик.

— Нет.

— Я подарю! Ведь на следующий день после того, как я создам ее, ко мне придет смерть. И тогда эта звезда твоя!

— Я не могу принять твой дар, и не потому, что это слишком много для меня. Хотя это и впрямь слишком много. Мир несовершенен. Что будет с ним, когда исчезнет зло? Абсолютное добро ведет к разрушению. Мне нельзя уходить на покой. И потому я никогда не ступлю на твою звезду. И даже не взгляну на нее!

— Почему? — В голосе Фонарщика звучала пья-

ная обида. — Она будет прекрасна!

— Не сомневаюсь. — Сатана хитро улыбнулся. — Я знаю тебя, Шер, и уверен, что ты не возьмешься за создание своей звезды до тех пор, пока не убедишься в том, что я буду плясать на ней огненный канкан в день твоей тризны. Я прав, Шер?

— Да. И что?

— Ничего. Просто я не любитель глазеть на звезды, пусть даже самые прекрасные. Вот так–то, Шер!

Сатана насладился недоумением на лице Фонарщика, обескураженного столь неожиданным признанием, и расхохотался.

— Шер, — выдавил он, задыхаясь от смеха, — не слушай меня, дурака, я обожаю звезды, но мне претит пить в одиночку!

Фонарщик понял, что Сатана желает ему долгой жизни, и присоединился к хохоту гостя. Ведь жить ему оставалось всего два дня.

А звездолет плыл меж сверкающих огненных цветков к созвездию Медузы.

* * *

Фонарщик уже знал, что этой встрече суждено стать последней, но он не думал, что все закончится таким Образом.

— Дирк, я устала.

Она прошептала эти слова и повернула к нему свое лицо, действительно уставшее и постаревшее. Ее глаза были подернуты тусклой пленкой, словно прятались от мира. Фонарщик помнил это лицо юным и прекрасным, а глаза в те годы светились таинственным изумрудным светом. Он безумно любил эти глаза и тосковал, когда не видел их долго. Он любил ее всю, такую нежную и желанную. Ее голос, руки, волосы, легкую походку, ее смех, немного ломкий и оттого казавшийся больным, беззащитным. Этот смех… Он и обратил на нее внимание именно из–за смеха. Они проводили время в одной компании, и Дирк окликнул девушку, совсем незнакомую тогда; окликнул по ошибке другим именем. Несмотря на это, она поняла, что неуклюжий парень с большой стриженой головой обращается именно к ней, и обернулась, а заметив смущение осознавшего свою ошибку Дирка, рассмеялась. Смех походил на звон серебряного колокольчика, расколотого крохотной трещинкой. Тонкий, чуть дребезжащий. Подобный звук издает приглушенная пальцем гитарная струна.

С тех пор они были вместе. Это вышло не сразу, но как–то само собой. Они были очень

непохожи друг на друга, быть может, они были самой неподходящей парой из всех, когда–либо существовавших, но тем не менее они удивительно легко уживались друг с другом. Они умели молчать и умели говорить, обижались и легко мирились. В отношении размолвок Дирк проявил себя гениальным прагматиком. Он предложил установить очередность в определении вины. Если размолвка случалась в нечетный день, виновником ее считался Дирк, и просить прощения надлежало ему, в нечетный с извинениями приходила Хельга.

Высшее проявление джентльменства с моей стороны! — смеясь, сказал Дирк, когда они скрепляли поцелуем этот договор. — Я беру на себя семь лишних дней!

И Дирк не бахвалился, ведь все тридцать первые дни семи длинных месяцев были отнесены на его счет.

Но так вышло, что им почти не приходилось ссориться, а если вдруг и приключалось нечто, бросавшее черную тень, то примирения искали оба. Когда Дирк научился зажигать звезды и стал Фонарщиком, Хельга безропотно приняла новую жизнь. С тех пор они больше не имели собственного дома. Точнее, их было множество, сотни и

тысячи, от скромных бунгало до почти дворцов, но ни один не стал родным. Не успевала Хельга распаковать вещи, как следовал новый переезд. И нужно было привыкать к новой обстановке, новым людям, новому небу.

За пятнадцать лет, прожитых вместе, они потеряли не одну сотню созвездий. Они растеряли всех друзей и не приобрели новых. Они так и не завели ребенка. Хотя Дирк и настаивал, Хельга не захотела этого.

— Я не хочу обрекать нашего малыша на судьбу вечного странника, — сказала она.

Впрочем, им было хорошо и вдвоем. Породив очередную звезду, Дирк возвращался домой, где его ждал ужин, если был вечер, или завтрак, если наступило утро. Уставший и счастливый, он неторопливо ел, рассказывая о новорожденной, а Хельга, подперев ладошкой подбородок, терпеливо слушала. Ладошка была маленькая, розовая и сильная. Как и сама Хельга.

Потом она убирала со стола, а Дирк занавешивал окна в спальне, если было светло. Хельга включала музыку, негромкую и плавную, и снимала халат. Она делала это неторопливо, быть может, не без тайного сладострастия, однако в ее движениях не было той пошлости, что сопровож-

дает выступления стриптизерш. Она заводила Дирка, но делала это тонко, не переходя грань к скотскому.

Дирк умел ценить это. Он брал возлюбленную на руки и нежно касался губами острого розового соска, венчавшего маленькую грудь. А потом начиналось таинство любви, слишком личное, чтобы говорить о нем вслух.

Еще они любили гулять по летнему лесу, особенно в солнечный день, когда яркие лучи пронзают зелень и рисуют причудливые узоры на примятой траве. Они бродили по едва приметным тропинкам, а потом Хельга непременно сплетала венок и водружала его на голову Дирка. Если попадалась река, они купались. Дирк любил плавать. Загребая горстями воду, он воображал, что рассекает безбрежную гладь космоса. Дирк набирал полную грудь воздуха и нырял — на самое дно, где били холодные ключи и начинало трезвонить в ушах. А потом он возвращался к берегу, где Хельга плескала в него водой, весело хохоча каждый раз, когда брызги попадали Дирку в лицо. Вдоволь накупавшись, они ложились на траву, подставляя тела теплым лучам. И влажная кожа чуть бесстыдно блестела на солнце.

Вот и все. Жизнь не представляла им никаких

других развлечений. Время от времени, но очень редко, они выбирались в театр или ресторан. Дирк сам предлагал это, а потом старался побыстрее ускользнуть домой. Он не хотел, чтобы люди узнали, что рядом с ними сидит фонарщик. Дирк поступал так не из–за гордыни и не потому, что боялся людей. Просто фонарщик мог нечаянно принести горе. Как–то раз люди узнали, что их город посетил загадочный фонарщик. Возле театра, в котором были Дирк и Хельга, собралась толпа, а затем началась давка, переросшая в настоящее побоище. Каждому хотелось увидеть фонарщика, коснуться рукою его одежды. Стражам пришлось пустить в ход дубинки и газ, чтобы помочь гостям выбраться из западни. Говорят, были погибшие. Дирк поспешно покинул планету и с тех пор старался не появляться в людных местах.

Док селил их в самых укромных уголках, где в переизбытке солнца и дикой природы, и совсем мало — людей. Док был большой головой.

И так прошло пятнадцать лет. Пятнадцать лет суеты и вечных переездов. Пятнадцать лет неустроенности и, может быть, тайного непонимания.

Дирк был счастлив. Он занимался своим делом и любил, и считал, что любим. Пятнадцать лет…

Он вдруг осознал, что лишь сейчас задумался над тем, что делала Хельга все эти пятнадцать лет, когда он творил звезды. Слушала музыку? Гуляла? Листала комиксы? Глазела в окно? Он никогда не расспрашивал ее об этом, а она никогда не рассказывала. И вот теперь она призналась,в том, что устала.

Любимая, — с грустной усмешкой подумал Дирк, — ты выбрала не самый удачный день для подобного признания. Хотя, возможно, это и к лучшему.

— Я устала, Дирк, — вновь повторила она, — как же я устала!

Дирк молча обнял возлюбленную и прижал ее голову к груди.

— Хочешь, мы поговорим об этом в другой день?

В какой? — мелькнула мысль. — В какой? Ведь у него остался лишь один день!

— Нет, — сказала Хельга. — Сейчас. Непременно сейчас.

Творец прав, жизнь кончается, — понял Дирк.

— Хорошо, — сказал он. — О чем ты хочешь поговорить?

— Дирк, я так больше не могу.

Хельга подняла голову. В ее потускневших гла-

зах плескалось опасное равнодушие. Дирк крепче сжал руки, сомкнутые вокруг хрупких плеч.

— Я тоже.

— Тогда давай останемся здесь, на этой планете! — Хельга оживилась. — Она чудесна. У нас наконец–то будет свой дом.

Дирк покачал головой.

— Это дом Дока. Он принадлежит ему. Я разорвал свой контракт с ним.

Хельга не выглядела обескураженной.

— Мы выкупим его. У меня есть деньги.

— Откуда? — удивился Дирк.

— Я понемногу откладывала из тех, что давал нам Док. За пятнадцать лет скопилась немалая сумма.

— Здорово! — восхитился фонарщик. — Я никогда не догадался бы сделать так.

Хельга, улыбнувшись, погладила его по голове, словно ребенка.

— Да уж куда тебе! Ты такой непрактичный!

То же самое постоянно твердил Док. Поэтому Дирк с готовностью мотнул головой. Он был до крайности непрактичен.

— А что будет, если вдруг люди узнают, что рядом с ними живет фонарщик?

— Ничего. Ты больше не будешь фонарщиком.

Просто Дирк, капитан звездолета, ушедший на покой.

— На покой, — как эхо повторил Дирк, и фраза приобрела зловещий смысл. — Что же я буду делать? Ведь я не умею ничего, кроме как зажигать звезды.

— Тебе ничего не нужно делать. Если не излишествовать, денег вполне хватит.

— Вот как!

Дирк разжал объятия и отступил назад. Ноги мягко тонули в ворсистом ковре.

— А ты не думала о том, что я не смогу жить без звезд? — В голосе Дирка звучали истеричные нотки.

— Думала, — тихо ответила Хельга. — Но я больше не могу жить так. Пойми, не могу!

Размахнувшись, Дирк хлестнул ее по щеке. Хельга вскрикнула и прижала к лицу ладонь.

— Перелет завтра! — грубо сказал Дирк. Впервые в жизни он позволил себе подобное.

— Я никуда не полечу! — закричала Хельга. Всхлипывая, она прибавила шепотом: — Думаю, нам лучше расстаться.

— Банальная сцена, ты не находишь? — Дирк неестественно рассмеялся. Он был бледен и прятал пальцы правой руки, которой ударил Хельгу,

в левой. — Словно в дешевой книжонке. Мой дорогой, ты был неподражаем, но нам лучше расстаться.

— Я не могу так, Дирк!

— Уже слышал! Ну, хорошо, — Дирк облизал губы. — Я подумаю над тем, что ты сказала. Я вернусь через день. Возможно, вернусь.

— Я буду ждать тебя, Дирк, — сказала Хельга, не отнимая ладони от щеки.

— Прощай.

Дирк хотел поцеловать ее, но не решился, вдруг подумав, что Хельга может отшатнуться от него в страхе перед новым ударом. Он поднял руку в прощальном жесте и ушел. Ушел на один день. Ушел навсегда.

* * *

Смеркалось. Фонарщик брел по темной аллее парка. Где–то в зарослях акации пел соловей, у куста целовались возлюбленные, а чуть дальше, на взгорке, сидела женщина с маленьким мальчиком. Они любовались звездным небом, и мальчик внезапно воскликнул:

— Мама, смотри, звезда падает!

— Да, — задумчиво подтвердила мать.

Фонарщик посмотрел в ту сторону, куда были

устремлены взгляды матери и сына. По черному, в ярких оспинах ковру неба катился крохотный серебристый шарик — отсвет уходящей звезды.

— Мама, — в голосе ребенка была слышна тревога. — Теперь на небе будет одной звездой меньше?

— Тебя это волнует? — с улыбкой спросила мать, втайне любуясь своим сыном.

— Да. Ведь оно так прекрасно, это небо.

— Прекрасно, — прошептала мать. Она потрепала мальчугана по вихрастой голове. — Не беспокойся, завтра придет фонарщик и зажжет на небе новую звезду.

Сказав это, она опустила глаза и обнаружила стоящего перед ними незнакомца. Женщина немного смутилась, словно уличенная в чем–то неприличном, но, увидев на лице незнакомца улыбку, улыбнулась ему в ответ. И мальчик улыбнулся тоже. А незнакомец помахал им рукой.

Фонарщик был счастлив. Когда рассветет, он поднимется в небо, отыщет место, где потухла звезда, и зажжет новую, свою последнюю звезду. И он будет знать, что двое людей в этом мире будут чуточку счастливей. Лишь самую чуточку, но разве этого мало?

Он ушел в звездную ночь, так и не позволив

двоим догадаться о том, с кем им пришлось говорить. Он ушел, а назавтра в небе вспыхнула новая звезда.

ДЕВУШКА СИНЕГО ЛЕСА

Корабль приходит на Аманетею раз в пять лет…

Коммадор Зинчес считал Горта тронутым, и даже не слегка. Впрочем, Горт был безобидным сумасшедшим, никому не причинявшим вреда. А кроме того, он сделал открытие, доказав, что на Аманетее может расти благородный тюльпан. И все же Горт был не в себе — хотя бы потому, что являлся единственным обитателем планеты со странным и поэтическим именем Аманетея.

Аманетея — в этом слове были отзвуки седых преданий, ласковый шепот усталого ветра, легкое пощипывание восходящих солнечных лучей. В этом слове… Оно не нравилось коммадору Зинчесу, так как было слишком длинным и содержало в себе пять гласных и лишь три согласных — бессвязно и расплывчато, по мнению астронавта, любившего короткие звонкие слова. Как, к примеру, Горт.

Впервые коммадор познакомился с Гортом ровно тридцать лет назад. Тогда Горту было не более двадцати, нет, пожалуй, еще меньше. Эдакий

розовощекий юнец с оттопыренными ушами и круглыми, полными наивности глазами; на упрямом, покрытом прыщами подбородке едва–едва пробивалась первая поросль. Горт явился к коммадору Зинчесу с предписанием взять его в качестве пассажира на Аманетею.

— Парень, ты, должно быть, сошел с ума! — воскликнул коммадор. — Это же самая глухая дыра в системе Туконта! Там лишь временная исследовательская база и ни одной приличной девчонки на восемь световых лет вокруг. Ты завоешь там от скуки и через пару недель запросишься к мамочке. А я прибуду за тобой лишь через пять лет. Тебе понятно?

— Вполне, — отозвался юный Горт и поднялся на борт корабля.

Черт его знает почему, но подобное безрассудство покорило коммадора Зинчеса. В том рейсе на корабле путешествовало немало известных и влиятельных людей, но коммадор неизменно приглашал к своему столу юношу с большими наивными глазами, напоминавшими куски хмурящегося неба, и с улыбкой, подобной оторванной вершине радуги. Зинчес угощал юнца дешевым вином и без устали болтал, донимая космическими байками. Время от времени он

пытался выпытать, что забыл его гость на дрянной планетке с уродливым именем Аманетея.

— Алмазы? Золото? Окись кобальта? — Зинчес знал, что на Аманетее работают астрогеологи.

Горт обыкновенно отмалчивался и лишь однажды, за несколько дней до прибытия, решился заговорить на эту тему.

— Коммадору приходилось слышать о девушке синего леса?

— Какой еще девушке? — спросил коммадор Зинчес, доливая свой бокал.

— Ну, девушке синего леса с Аманетеи. О ней упоминали многие, в том числе Рандауэлл, первым высадившийся на этой планете.

Коммадор басовито расхохотался.

— Местная дива? Кто она?

— Никто не знает. — Юноша нервно хрустнул пальцами, похоже, ему пришлось не по нраву слово «дива». — Не существует даже точного описания ее внешности. Одни видели ее высокой и белокурой, другие — хрупкой и черноволосой, третьим она представала маленькой с грудой пепельных волос. Но все встречавшиеся с ней сходятся в одном — девушка синего леса самое прекрасное существо из всех существующих в этом мире.

Зинчес продолжал веселиться.

— Вот как! — пробормотал он, давясь от пьяного хохота. — Девушка синего леса! Неведомая фея Аманетеи!

Горт обиделся. Увидев, как изменилось его лицо, коммадор посерьезнел.

— И ради нее ты решил отправиться в эту дыру?

Юноша кивнул.

— Ты сумасшедший, — сказал коммадор Зинчес. — Нет никакой девушки.

— Почему ты так уверен в этом?

— Да хотя бы потому, что на Аманетее нет синего леса! — отрезал коммадор.

— Глупец! — прибавил он на прощание, когда Горт сходил по трапу на мохнатую траву Аманетеи.

Корабль ушел, чтобы вернуться через долгие пять лет. В этот раз коммадору Зинчесу не удалось переговорить с Гортом. Он принял на борт двух геологов и тут же стартовал. Корабль опаздывал. Он вез сыворотку, которую ждали в Шабрионе, где свирепствовала чума. В дороге коммадор не раз разговаривал с пассажирами с Аманетеи. Спрашивал он их и о Горте. Геологи назвали Горта странным человеком, проводившим большую

часть времени в ничем не примечательном лесу к северу от базы.

— Он, кстати, собирался лететь с нами, но ушел в свой лес и не успел вовремя вернуться, — прибавил старший.

Коммадор Зинчес молча кивнул и позабыл о Горте. Позабыл на целые пять лет.

На этот раз он не привез никакого груза. Он должен был эвакуировать сотрудников базы и свободного исследователя по имени Горт. Трое вошли в переходной шлюз, а поднимавшийся последним Горт вдруг развернулся и бросился прочь в сторону виднеющегося вдалеке леса. Коммадор ждал его три часа, а затем велел выгрузить контейнер с продуктами и стартовать.

Когда корабль поднимался в небо, прорезая облака инверсионными спиралями, коммадору Зинчесу почудилось, что безбрежный ковер леса Аманетеи отсвечивает синим цветом. Но астронавт понимал, что это лишь оптическая иллюзия.

Горт тяжело платил за минутную слабость. Он остался на планете совершенно один. В Центр приходили истеричные, полные отчаяния радиограммы, умоляющие забрать его с Аманетеи. Но Центр не мог позволить себе подобную роскошь

как спецрейс на отдаленную планету. Горт был обречен ждать еще пять лет.

И настал день, когда корабль коммадора Зинчеса приземлился на зеленой лужайке неподалеку от жилища отшельника.

Так случилось, что корабль пришел на день раньше назначенного срока. Горта у себя не оказалось. Коммадор решил дождаться его.

Горт неплохо устроился. У него был просторный и прочный дом, огород, в котором росли всевозможные овощи, и даже садик из пяти крепкоствольных яблонь, сплошь покрытых кипенью белых цветов. Коммадор обосновался на траве под одним из этих деревьев. Он слушал доносящуюся из дома музыку и любовался причудливыми красками Аманетеи. Здесь было спокойно и уютно, но коммадор Зинчес не сомневался, что умер бы от тоски, доведись ему на целых пять лет оказаться в полном одиночестве. Одиночество сводит с ума. Впрочем, уверяют, Селкирк был счастлив на своем острове.

Горт объявился лишь под вечер. Багровое солнце Аманетеи уползало за черные гребни скал, когда вдалеке со стороны леса показалась крохотная фигурка человека. Горт шел, затем, увидев корабль, побежал. Перед коммадором Зинче–сом

он предстал задыхающимся от спешки и волнения.

— П–прилетели!

Коммадор кивнул, с любопытством разглядывая Горта. Жизнь на свежем воздухе явно пошла тому на пользу. Из инфантильного прыщавого юнца Горт превратился в крепкого мускулистого мужчину. Кожа его была окрашена ровным естественным загаром, подбородок и щеки покрывали густые волосы, небрежно оформленные в подобие лопатообразной бороды.

— К–когда старт?

От длительного одиночества у Горта нарушились речевые функции, он слегка заикался.

— Завтра ровно в пять по местному времени. Надеюсь, ты полетишь со мной?

— К–куда угодно!

На лице Горта появилась счастливая, почти идиотская улыбка. Глядя на него, коммадор не смог удержаться от того, чтобы не засмеяться. Они так и улыбались друг другу, словно несказанно обрадованные встречей.

Затем Горт пригласил дорогого гостя в свой дом. Здесь царили неестественная чистота и порядок. Пока коммадор осматривался, Горт быстро накрыл на стол. Готовил он лучше лю-

бого кухонного процессора, да и продукты все были естественные, а не синтезированные полуфабрикаты, которыми питались астронавты. Коммадор отдал должное и еде, и вину, которое Горт изготавливал из винограда, собственноручно выращенного на склоне неподалеку от леса. Вино было превосходным — душистым и крепким. Оно быстро развязало языки. Горт даже стал меньше заикаться, и к нему вернулась прежняя юношеская веселость. Пред коммадором Зинчесом сидел тот самый юнец, с которым он повстречался много лет назад. И он, улыбаясь, расспрашивал юнца.

— Ну, как тебе здесь живется?

— В общем, н–нормально, только одиноко.

— А что же та девушка, из синего леса?

Горт махнул рукой — не стоит, мол, говорить на эту тему. Коммадор не стал настаивать. Налив себе еще вина, он сказал:

— Собери вещи. Мы должны стартовать без опоздания.

Они просидели до самого утра, изрядно опустошив запасы вина, а на рассвете вышли из дома. Горт не взял с собой ничего. Все свое имущество он оставлял Аманетее. В последний раз взглянув на родной дом, он решительно направился к

ожидавшему на поляне кораблю. Но чем дальше, тем все медленнее и тяжелее становился его шаг. Словно невидимый камень давил на плечи Горта. Перед самым трапом он остановился, и коммадор Зинчес был вынужден подтолкнуть его. Горт как–то странно взглянул на астронавта, вздохнул и вдруг бросился бежать прочь к чернеющему вдали лесу. Коммадор было устремился вслед за ним, но вскоре, убедившись, что Горта не догнать, отстал.

Ровно в пять корабль покинул Аманетею.

Минул очередной срок, и коммадор Зинчес вновь сидел в уютном домике Горта. Как и в прошлый раз, он пил вино, еще более крепкое и вкусное. Горт научился купажировать вина. И вновь все повторилось. Едва коснувшись ногой трапа корабля, Горт развернулся, готовясь пуститься наутек. Но коммадор Зинчес был настороже. Он схватил Горта и удерживал его до тех пор, пока на помощь не подоспели другие астронавты. То, что случилось позже, не поддавалось здравому объяснению. В Горта будто вселился демон. Шесть здоровенных мужчин не смогли совладать с ним. Горт вырвался и ушел. Ушел на пять лет.

Он не обиделся и радушно принял коммадора

Зинчеса, когда корабль в очередной раз опустился на Аманетею. Горту было под пятьдесят и из–за временного парадокса он стал сверстником коммадора. Горт слегка пополнел, оброс мясом и раздался в плечах. Они пили крепкую водку — с некоторых пор Горт стал отдавать предпочтение ей — и мирно разговаривали, понемногу и ни о чем, до тех пор, пока коммадор не спросил:

— Скажи, Горт, почему ты каждый раз убегаешь от меня?

— Н–не от т–тебя, от к–корабля, — поправил Горт, с трудом выговаривая согласные. — Я н–не м–могу улететь. М–меня н–не отпускает д–девушка с–синего л–леса.

— Ты опять вспомнил свою старую сказку!

— П–почему с–сказку? Она с–существует.

Свое «почему» было наготове и у коммадора.

— Почему же, в таком случае, ты не приведешь ее сюда?

Горт пожал плечами.

— Н–не з–знаю. П–порой м–мне к–кажется, ч–что я в–видел ее, а п–порой — н–нет.

— Как это понимать?

— Н–не з–знаю, — вновь повторил Горт. — Я в–видел ее, и н–не р–раз. Н–но л–лишь издалека. С–стоило м–мне п–приблизиться, она исчезала, и

я н–не м–мог н–найти д–даже ее с–следов.

— А какая она из себя?

— Очень красивая. — Горт мечтательно поднял кверху глаза. Заикание его совершенно исчезло, словно это было неприличным — коверкать слова, когда речь шла о девушке синего леса. Фразы, вылетавшие из уст Горта, были столь поэтичны, что если бы кому–то вздумалось положить их на музыку, могла б получиться прекрасная песня… — У нее крепкая фигура, стройные, чуть полноватые ноги, пышная грудь. На ней серебристое платье, а в агатовых волосах спрятана крохотная корона из горного хрусталя.

— Ты уверен, что это именно горный хрусталь? — с легкой усмешкой спросил коммадор Зинчес, надеясь низвести патетику Горта до нормального рассудительного разговора.

— Уверен, — ответил Горт. — Она всегда обожала хрустальные украшения.

— Ты знал ее раньше?

— Нет, я сейчас говорю не о девушке синего леса. Я говорю совсем о другой, которую когда–то знал. Она чем–то похожа на девушку синего леса. Ее звали К–кэрол, она любила серебристый цвет и заколки из хрусталя, которые прекрасно подчеркивали густую черноту ее волос.

— Занятно, — пробормотал коммадор, чувствуя, как в его голове рождаются странные мысли. — Ты не возражаешь, если мы завтра вместе сходим в лес? Мне хочется познакомиться с твоей прекрасной незнакомкой.

Горт молча кивнул.

Они вошли в лес с первыми лучами солнца. Темнота еще не покинула своих убежищ посреди ветвей, и потому деревья отливали глубоким фиолетовым цветом — сначала скорее черным, чем синим, но по мере того, как день вступал в свои права, антрацитовые тона уступали место кобальту с приме–сью камеди, затем аквамарину и наконец бирюзе, обрамленной ожерельем из изумрудов… Стрекотали пичуги, звонко трещали насекомые, над разноцветными шляпками цветов порхали причудливые бабочки. Коммадор и Горт шли по неприметным тропинкам, спускались в овраги, пересекали лужайки. Горт петлял по лесу с вожделением охотничьей собаки, порой даже казалось, что он принюхивается к следам. Наконец он вывел своего спутника на небольшую пустошь и приглушенно воскликнул:

— Вот она!

Коммадор Зинчес приставил ко лбу ладонь, чтобы защитить глаза от слепящих лучей солн-

ца, и присмотрелся. Вне всякого сомнения, это не могло быть зрительным обманом. Прямо напротив них стояла женщина, самая прекрасная из всех, что когда–либо приходилось встречать коммадору. Она была высока, стройна, длинноногa, алый комбинезон, обтягивавший тело, подчеркивал соблазнительные прелести. Девушка, словно позируя, повернулась, и коммадор невольно отменил, какие у нее великолепные волосы — длинные, до самого пояса, белокурой волной распущенные по плечам. На затылке их перевивала узкая черная лента, отчетливо виднеющаяся меж светлых прядей.

— Как она прекрасна! — прошептал коммадор Зинчес, не в силах оторваться от восхитительного зрелища.

— Я же говорил тебе! — воскликнул Горт, взволнованный не меньше своего спутника. — А посмотри, как сверкает корона в ее агатовых волосах.

Коммадор кивнул, хотя видел не корону, а черную лещу, да и волосы были не черными, а белокурыми — но что это меняло! Он посмотрел на Горта, тот взглянул на астронавта, и оба, не сговариваясь, бросились к прекрасной незнакомке. Они бежали столь быстро, что обогнали даже

ветерок, вознамерившийся перелететь из одной рощицы в другую. Они мчались подобно освободившимся от планетарного притяжения ракетам. Они почти настигли девушку синего леса. Почти, потому что в последний миг она растворилась в воздухе. Словно мираж, не оставив даже следа.

Астронавт и Горт еще долго бегали меж деревьев, но не нашли ничего, что могло бы поведать о таинственной незнакомке. И они покинули синий лес.

Горт простился с коммадором у трапа. На этот раз он даже не предпринял попытку бежать с планеты. А коммадор Зинчес не уговаривал его. Любые слова были неуместны и бессмысленны.

П–прилетай ч–через п–пять л–лет, — сказал Горт, — и я с–снова с–свожу т–тебя в л–лес, г–где т–ты с–сможешь п–полюбоваться девушкой с хрустальной короной в агатовых волосах.

Коммадор кивнул и ступил на ступени трапа. Мерно гудя, сомкнулись створы переходного шлюза. Из дюз вырвались узкие сгустки пламени…

Коммадор стоял в рубке, наблюдая за тем, как исчезают дом Горта, поляна и синий лес, а цветастое полотнище планеты с загадочным названием Аманетея превращается в усеченный

колеблющийся диск. Когда же корабль разорвал узы притяжения, коммадор оставил рубку и заперся в своей каюте, где осторожно извлек из кармана черную шелковую ленту, подобранную им этим утром под одним из деревьев.

Что бы ни говорил Горт, девушка синего леса все же была блондинкой.

Корабль приходит на Аманетею всего раз в пять лет…

НЕВЕРОЯТНАЯ И ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ О КУРИЦЕ И ЯЙЦЕ[6]

.....

244–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Скучно. Исследовал четыре звезды. Одна из них, оранжевая, весьма привлекательна. Подумал, но не решился. Вместо созидания решил подкрепиться. Подкрепился. Оранжевое стало черным, горячее — холодным. Поглазел на застывшие, изломанные грани. Красиво, но уж больно однообразно. Заныла печень. Чертовски скучно.

245–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Не так скучно. Повстречал Теурга, подобного Себе. Старикан. Существует на два периода больше. Ощутил Его присутствие издалека, звезд за шесть или восемь. Рассчитывал повеселиться.

---

[6] Примечания: 6

Примечание издателя:

Публикуемые ниже строки представляют фрагмент так называемого Дневника Творца, обнаруженного в зашифрованном виде в кристалле турмалина, поднятого астроархеологической экспедицией доктора Мангауза с мертвой планеты Терра–Н–3.

Ошибся. Отвратительный философствующий идиот, пускающий слюни восторга. Соорудил себе мирок и наслаждается, владычествуя над ним. Млеет при виде крохотных букашек, наделенных примитивным мышлением. Букашки приносят ему жертвы, Теург дарит их вниманием и покровительством. Думал повеселиться, устроив небольшой апокалипсис. С десяток пожаров и всемирный потоп этому мирку не помешали бы. Теург не позволил. Поругались, стали мериться силой. Старикан оказался не столь хил, как представлялось вначале. Изрядно потрепал Мою шкуру. …! (Идиоматическое выражение, не поддающееся расшифровке. Далее ИВНР.) Ну и драпал же Я. Мчался во весь опор целых три системы. По пути обжегся о мантию сверхновой, которую этот Подлец воспламенил на Моем пути. Ответил тем, что выбросил в сторону Его мирка несколько метеоритных потоков с сильно искривленными траекториями. Пусть помучается, оберегая свое творение от скользких камешков. Побаливает обожженная о сверхновую рука (ИВНР). Нудит печень. Скучно.

247–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вчера ничего не записал. Было лень. Болтался

меж звездами, размышлял. Пришел к неожиданной мысли — а не попробовать ли сотворить что–нибудь этакое? Старикан, похоже, был непритворно счастлив. Выходит, счастье — в действии! Недурная мысль. Стоит подумать над нею. Нашел пульсирующую звезду. Напьюсь…

248–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Напился. Трещит голова. В желудке словно черти нагадили (ИВНР). Всю сигнацию думал. Необходимо чем–то заняться. Безделие порождает глупые мысли, от которых пухнет голова. Недурно бы опохмелиться. Ох, недурно!

249–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Решился. Настроение превосходное. Даже печень, и ту отпустило. Плотно перекусив, отправился искать подходящее место. Поражаюсь, как же замусорена наша Вселенная! Сколько хлама! После долгих поисков обнаружил приличный участок. Полсигнации трудился в поте лица, растаскивая черных карликов и сооружая противокометные заслоны. Еще полсигнации отняла сверхновая. Любопытно, какому придурку вздумалось зажечь ее именно в этом месте?

Попытался отогнать. Куда там! Не вышло. Пришлось тушить (ИВНР). Два раза обжегся, а потом вспомнил, кто устроил этот небольшой костерок. Я. Каюсь, было скучно.

250–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Участок очищен. Можно приступать к сотворению. Признаться, слегка дрожат руки. Не с похмелья, нет! Волнуюсь. Как там учили? Наиболее благоприятные условия для мирка создает желтая звезда. И непременно лимонный оттенок. Иначе может выйти слишком горячей. И максимум осторожности. Уф, устал. Насколько же проще зажечь сверхновую. Набрал пару горстей межвещества да высек искру — детская забава. И как трудно сотворить что–нибудь стоящее. Весь вечер размышлял. Внезапно осознал, сколь убогое и примитивное существование доселе влачил. Бесцельно таскался по галактикам, пьянствовал да сцеплялся с такими же Проходимцами. Спасибо тебе, Теург, что невольно наставил на истинный путь. Спасибо! Так возбужден, что не хочется спать. Но надо. Надо! Завтра будет чрезвычайно трудная сигнация.

251–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.

Великий день. Начал творение мирка. Сконцентрировав Силы, соорудил один за другим шесть шариков, но все они оказались не тем, что хотелось бы. Разбросал их по орбитам вокруг звезды. Лишь седьмая попытка оказалась успешной. Ровный, аккуратный комочек, чуть сплюснутый с полюсов. Вдохнул в него жизнь. Лежу, любуюсь игрой ослепительных красок. Всегда находил восхитительными распускающиеся планеты, теперь же понял, что проклюнувшийся из семени росток выглядит намного прекраснее. Нежный алый язычок, пробивающийся из черноты набухшего семени. Укутываю его поплотнее силовыми полями, чтобы предохранить от пагубного воздействия космических вихрей. Звезда, нареченная мною Солнце, испускает ровное мягкое сияние. Пульсация лучей в норме. Совершенно доволен Своей работой. Я — величайший мастер.

252–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Уничтожил шальную комету. (ИВНР). На всякий случай осмотрел окрестности. Не притаился ли поблизости какой–нибудь шутник? Все чисто. Потребовалось время, чтоб успокоиться. Продолжаю творение. Создал атмосферу. Приш-

лось порядком порыться в памяти, прежде чем вспомнил формулу универсального эфира. Водород раздобыл без проблем, а вот с кислородом пришлось повозиться. Хотел даже заменить его хлором, но тут же передумал. Уж больно уродливы оттенки хлористых соединений! В конце концов труд и терпение победили. Атмосфера вышла на заглядение! Ложусь отдыхать с чувством величайшего удовлетворения. Я — молодец!

253–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Создание тверди — работка не из лёгких. Требуются расчет и точное знание законов мирозданья. Ну и, конечно же, фантазия. С фантазией у Меня дела обстоят неплохо. С законами — чуть хуже. Давненько не было практики. Но все же справился. По–моему, получилось неплохо. Очень неплохо. Химический состав почвы идеален для кислородноазотистых соединений. Пришлось попотеть, творя гранитные и базальтовые платформы, составляющие основу тверди. Устал, как никогда, но очень радостно. Воистину — радость Творца! Перед тем, как уснуть, долго пел песни. Печень — в порядке.

254–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.

Занимался водой. Само по себе не очень сложное занятие, но отнимает много энергии. Вновь возникла проблема с кислородом. Разрешил ее, подогнав к мирку два астероида. Что поделать, иногда и Творцу приходится прибегать к подобным трюкам. Зато воды получилось так много, что я занял ею три четверти мирка. Появились первые краски. Что–то еще будет! Я счастлив.

255–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня было над чем поломать голову. Теург при встрече похвалился, что его мирок заселен тридцатью мириадами растений. Не мог же Я допустить, чтобы Мое творение было менее совершенным! Задумал создать пятьдесят мириадов. В поте лица корпел над бесчисленным многообразием всяких там водорослей, грибов, слизевиков и семенных. А как трудно было объединить в единое целое крохотные споры и гигантские секвойи, сухой, худосочный мох, высаженный у полюсов, и бурную растительность, заполонившую экваториальные области. Не побоюсь показаться выспренным — это была неистовая симфония живого. Творение закончилось тем, что Я запел Сам и от счастья раскрасил три левые

конечности в зеленый цвет. Сейчас, перед тем как уснуть, рассматриваю их и наслаждаюсь покоем. Почему Я не догадался сделать это раньше?

256–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Настал черед живых существ. Еще накануне Я решил, что их будет вдвое больше, чем растений. Начал с самых маленьких. Они примитивны и похожи друг на друга. Сотворение их не отняло много времени. Следом Я создал более крупных существ, нарек их рыбами и заселил ими воду. О, среди рыб есть настоящие гиганты! Чуть больше времени отняло сотворение птиц, способных парить в воздухе. И последними Я породил тварей, населивших твердь. Невольно сбиваюсь на высокопарный тон, но сотворение живого увлекло Меня, более того — даже возвысило Меня в собственных глазах. Не думал прежде, что способен на подобное. Спа–ать!

257–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Доделывал разные пустяки. В частности, создал громадных рептилий, затем уничтожил их. Раздумываю над тем, почему так поступил. Занятный вопрос! Должен сознаться, здесь имело

место бессознательное проявление альтер–эго. Грандиозное претендует на величие. А великим здесь должен быть только Я. И потому разумные существа будут совсем небольшими. Ровно посередине между самыми огромными и самыми крохотными. И слабыми. Лишь в этом случае они будут испытывать необходимость во Мне, своем покровителе. Разумное должно быть слабым. Это разумно. Так решил Я.

258–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ответственный день. Сегодня я создавал разумное существо. По биологическим параметрам вышел, как и требовалось, достаточно примитивный организм. Наибольшие трудности вызвало формирование сенсорных и мыслительных способностей. Здесь важно было не переборщить. Вышло презанятное и неуклюжее создание. Нарек его Адамом. На этом творение мирка завершено. Отметил сие радостное событие, выпив неосторожно приблизившуюся к солнцу пульсирующую звезду. Пою песни…

259–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Болит голова. Пришел человек. Не сразу вспом-

нил его имя. Задает вопросы. Пытаюсь сосредоточиться, понять, чего он хочет. А, кажется, его интересует, кто он такой и где находится. Прыткое существо. Напустив на себя важный вид, отвечаю, что он человек по имени Адам и что создал его Я, за что он и должен быть Мне благодарен. Человек благодарит Меня, и это приятно. Допрос продолжается. Ответил еще на пару пустых вопросов. Человек ушел, а Я тайно наблюдал за ним. Естественное и очень занятное создание. Голова прошла сама собой. Мирок радует Мое воображение яркими красками.

260–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам продолжает задавать вопросы. Он так чист и неиспорчен, что это не может не вызывать умиления. Объяснил ему строение мирка, научил пользоваться благами, которые создал. Во время разговора ощутил вдруг приближение Подобного. Тут же оставил Адама и вышел навстречу. Принял незваного гостя грубо, хотя впоследствии выяснилось, что он вполне приличный парень. Зовут Теос. Поговорили. Теос очень интересовался моим мирком, а потом вдруг предложил свои услуги в качестве иррационального оппонента. Молод, но шустр! Я, естественно, отказался. Тогда

Теос посоветовал Мне создать этот противовес. Зачем? — спросил Я. Он ответил, что в противном случае очень скоро Мне станет скучно. Возможно, он прав. Стоит над этим поразмыслить. Расстались вполне мирно. Теос угостил Меня куском пульсирующей звезды, Я пригласил Его в гости на празднование первого цикла существования мирка. Теос обещал прийти. Вечером опять говорил с Адамом. Признаться откровенно, человек слегка поднадоел. Спел песню, но без особого воодушевления.

262–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Накануне был занят мелкими хозяйственными делами. Подправлял всяческие недоделки. Соорудил вулканы. Очень красивое зрелище, чтобы от него отказаться. Разместил их подальше от человека. По его просьбе сотворил еще несколько растений с вкусными и питательными плодами. Человек долго благодарил Меня. Сегодня размышлял над словами Теоса. Сдается, он прав. Нужно иметь кого–то, кто б время от времени возражал и мешал мне. Это развеивает скуку. Существо должно быть достаточно сильным, самым сильным в мирке, исключая, естественно, Меня. Подумал еще, взвесил все за и против, и решил,

что следует создать, чем и занялся, не откладывая дела в долгий ящик. Вышел преотвратный тип с большими амбициями, тут же заявивший, что скоро станет первым и переделает Мой мирок. Я снисходительно усмехнулся, но подумал, что отныне надо будет держать ухо востро. Да, забыл упомянуть, что своего противника нарек Сатаной — самое препротивное имя, какое только смог выдумать. Спал слегка беспокойно. Печень в норме.

263–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам продолжает задавать вопросы. Сатана пытается свести с ним дружбу. Я предупредил Адама, раскрыв ему глаза на истинную сущность Сатаны. Адам поблагодарил Меня. В награду за послушание сотворил для него новый плод, нареченный Мною яблоком.

266–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана не перестает интриговать. Я отвечаю контрмерами. Это действительно развлекает. Адам на моей стороне. Мирок все краше и краше. Сегодня Адам впервые по собственной воле поблагодарил меня за те милости, которыми я его одарил. Чертовски приятно. Хотел опорожнить

пульсирующую звезду, но передумал. Творец должен иметь ясную голову. Пел песни.

268–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам изменился. Он стал не в меру любопытен. Некоторые вопросы звучат весьма странно. Сегодня утром спросил, к примеру, почему в мирке нет существа, с которым Адам мог бы совокупляться. Вопрос несколько покоробил Меня. Похоже, от непорочности Моего творения не осталось и следа. Впрочем, это вполне естественно, ведь Сатана не сидит сложа руки. Где–то я допустил промашку… Адам настойчив. Не стал переубеждать его. Сказал, что здесь имеет дело досадное недоразумение, просчет, так сказать. Пообещал исправить ситуацию, тут же начал исполнять обещание. Новый человек, женщина, вышла весьма привлекательной, хотя и неимоверно глупой. Назвал ее Евой. Призвал Адама и отдал ему Еву. Похотливые существа безмерно счастливы, по поводу чего Сатана не преминул поиздеваться надо мной. Заснул с чувством легкой досады. Не все так идеально, как хотелось бы.

269–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана продолжает интриговать, и не без успеха. Адам стал менее почтителен, а порой отваживается на откровенную дерзость. Так, вчера он заявил Мне, что созданный Мной мирок несовершенен, и что он, Адам, собирается исправить его. Причем сказано это было непередаваемо наглым тоном (ИВНР). Я стерпел, а по уходу Адама осчастливил мирок болезнями. Ближе к вечеру поймал пульсирующую звезду. Не стоило б этого делать, но уж больно терзает сердце обида, нанесенная мерзким человеком. Сижу и пью. Грустно. Адам и Сатана играют в карты. Им весело.

273–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ужасно болит голова. За предшествующие три сигнации Я поглотил пять или шесть пульсирующих звезд. Ударная доза! Адам не появляется. Он строит себе дом. Гадкое, неблагодарное существо! (ИВНР). Засек еще одну пульсирующую звезду. Спешу к ней…

275–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

У Адама и Евы родился сын. Адам пришел ко мне и попросил стать Покровителем мальчика. Вид при этом у Адама был самый что ни на есть

смиренный. Я исполнил просьбу, и Адам долго благодарил Меня. Я расчувствовался и увеличил ему содержание. Адам получил от Меня виноград, сок которого оказывает на человека примерно такое же воздействие, какое на Меня пульсирующая звезда, однако я не раскрыл Адаму тайну сока. Еще рановато. Вечером без приглашения явился Сатана. Он вел себя достаточно вежливо, и Я соизволил принять его. Поболтали о разных пустяках, после чего Сатана заявил, что готов поспорить, что он совершенно развратит Адама. Я уклонился от спора. Когда на землю спустилась ночь, Я тайком пробрался в Сад, где стоит дом Адама, но поговорить с ним не смог, так как человек был вдребезги пьян. Несолоно хлебавши вернулся к себе и сделал то, чего не стоило б делать — опустошил еще одну пульсирующую звезду.

276–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ноет печень, дрожат конечности. Нет, с этим надо завязывать…

278–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана изобрел карты и научил Адама играть в них. Ради интереса попробовал Сам. Весьма

любопытная забава. Играл в карты с Сатаной. Проиграл треть тверди. Попытался отыграться, поставив на кон обязательство: ни при каких условиях не покидать мирок и не причинять вред человеку — так потребовал Сатана. Вновь проиграл. По–моему, Сатана жульничает. Недаром он так хитро улыбался, а на прощание похлопал меня по плечу и сказал, что главные огорчения у Меня впереди.

280–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Нет, так больше продолжаться не может! Люди обнаглели совершенно. Их род расплодился. Они пользуются дарованными Мною благами, забывая при этом о самой элементарной благодарности. Адам высоко задрал нос и больше не упоминает Мое имя в молитвах. Его потомки и того хуже. Долго колебался, прежде чем решиться отказать Адаму в приюте. Вообразите Мое возмущение, когда этот наглец осмелился заявить, что не покинет Сада. Хотел примерно наказать его, но тут заявился Сатана и напомнил, что Я поклялся не причинять человеку вред. Скрипя зубами, отступился. Вдруг подумалось — а не бросить ли все это к черту и не вернуться ли к прежней жизни? Разве плохо было скитаться меж звезд! Но Сатана

словно прочитал Мои мысли.

Не успел Я подумать, как он был тут как тут. Сатана слово в слово повторил Мою клятву, в которой я обещал не оставлять мирок. (ИВНР). На душе мерзко. Сатана и Адам ухмыляются. Ну ничего, я найду способ поквитаться с ними!

281–я сигнация 16–го периода 3–го цикла со дня Моего Появления.

Хе–хе! Напустил на Сад такой холод, что едва не околел Сам. Адам ходит синий и шмыгает носом. Ева и детишки болеют. Узнав о случившемся, пришел Сатана. Пытался доказать, что Я нарушил клятву, однако безрезультатно. Я ни на йоту не отступил от Своих обещаний не причинять вред Адаму. Что поделать, если перестала греть печка? Сказал Сатане, что виной всему всемирное похолодание, от Меня совершенно не зависящее. Сатана был вынужден сделать вид, что поверил Моим словам. Чихаю. Сад совершенно вымерз. Надеюсь, Адам долго не продержится. Поймал пульсирующую звезду и тут же опустошил ее. Быть может, это спасет Меня от насморка.

282–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Не спасло. Чихаю и кашляю одновременно, в

груди и конечностях ощущается жжение. Однако чувствую себя победителем. Люди не выдержали и убрались из погибшего Сада. Они обосновались на земле. Сатана пытается научить Адама премудростям жизни, но, похоже, это у него не очень–то получается. Посмотрим, что–то еще будет дальше!

283–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Пришел Адам. Я принял его холодно. Адам жалок. Он умоляет Меня вернуть ему Мое покровительство. Горько кается, что связался с Сатаной, и клянется отречься от него. Что ж, не скрою, Мне приятно, что человек поумнел, но Я не склонен доверять ему как прежде. В конце концов Я соглашаюсь помогать ему, но на определенных условиях. Заботиться о пропитании и крове Адам теперь должен сам. Я ж буду оказывать ему самое общее покровительство. Адам рад. Оказывается, он не рассчитывал даже на это. Ощущаю легкую досаду, что запросил слишком мало. Потребовал тут же отречься от Сатаны, что Адам охотно сделал. Приятно. Чувствую себя победителем. На радостях научил Адама правильно возделывать землю. Перед тем, как отойти ко сну, спас мирок от неминуемой гибели, уничтожив комету. Уж

не Теоса ли это проделка? Спал беспокойно.

287–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Адам умер. Подозреваю, это случилось не без помощи Сатаны, разозлившегося на Адама за то, что он переметнулся ко Мне. Позаботился о достойном погребении. Все же Адам был неплохим существом, дерзким и непочтительным порой, но душа его была чистой. Принял от детей Адама клятву верности. Сатана оживился. Пытается настроить людей против меня. Пока безрезультатно.

289–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Один из сыновей Адама, Каин, убил своего брата. Я возмущен до предела. Как могло существо, порожденное Моей волей, докатиться до убийства себе подобного! Призвал к ответу Сатану. Тот и не подумал отпираться, сознавшись, что все это подстроил он, и тут же уколол Меня, спросив, а следовало ли создавать людей такими несовершенными. Я прикусил язык и воздержался от спора, но про себя подумал: умник, а что бы ты делал, если бы они были такими, как ты?! Долго размышлял над тем, как поступить с Каином. Сна-

чала хотел разложить убийцу на первовещество, но так как Каин принес обильную искупительную жертву, помиловал его. Блажен тот, кто не забывает имени Творца. Вечером играл с Сатаной в карты, он снова жульничает. Надо придумать какую–нибудь логическую игру, где мошенничество будет невозможным. Неплохо приняли. По сему поводу опасаюсь за состояние печени.

290–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Печень ничего, зато болит голова.

291–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Голова болит…

293–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сатана воспользовался Моим бездействием и возвернул утраченное было влияние на людей. (ИВНР). Я сошел на землю и ужаснулся. Всюду разбой, грабежи, насилия, убийства. Люди — жестокие животные, нет — хуже животных! Брат не доверяет брату, сын поднимает меч на отца. Торжествуют порок и злоба. Сатана доволен. Посмотрим, что–то будет дальше.

299–я сигнация 16–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Совершил замечательную прогулку меж звезд, посетил Теурга. Старик выглядит слегка приунывшим. Его создания, потеряв стыд и совесть, пытаются третировать своего Покровителя. Я посоветовал быть с ними построже. Старик согласился, но без должной решимости. На прощание Он посоветовал Мне быть поосторожней. Я рассмеялся в ответ. У кого–кого, а у Меня все в порядке. Я более чем уверен в этом. Я не из тех, кто выпускает ситуацию из–под контроля. Едва вернулся, как ко Мне примчался Сатана. Куда только подевалась его былая спесь! Сбиваясь и путаясь, Сатана сообщил, что люди обнаглели настолько, что не признают и его. Милый мой, сказал ему Я, а чего же ты хотел?! Ты думал, так легко вершить судьбу мирка?! Надеюсь, теперь ты разуверился в своем заблуждении?! Сатана подтвердил, что разуверился, и изъявил готовность впредь прислушиваться к Моим словам. Что ж, пришло время диктовать Свою волю. В конце концов мы, Я и Сатана, пришли к согласию. Сатана признал Меня первым, а Я в Свою очередь предоставил ему право на определенную свободу действий. Обмыли наш союз, после чего стали

решать, как поступить с отбившимися от рук людьми. Сатана был за то, чтобы уничтожить их и создать других. Я выступил против. По правде говоря, не хочется ломать голову и выдумывать что–то новое. Да и где гарантия, что это новое окажется лучше старого?! В конце концов все же порешили уничтожить почти всех, но оставить немного на развод. Сатана отыскал семейство, не безгрешное, но самое приличное из всех. Я явился к главе оного, человеку по имени Ной, во сне и надоумил его соорудить большую деревянную лодку. Надеюсь, Ной понял, что все это не было плодом его пьяного воображения, в противном случае Моя затея пойдет насмарку. Ночь прошла беспокойно. Сатана остался спать у Меня. Его мучили кошмары, и он часто вскрикивал во сне.

1–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Потоп удался на славу. Смею утверждать, Я великий мастер на всякого рода апокалипсисы, в особенности огненные. Но Я не стал карать мирок огнем, ожоги долго заживают. Взбаламутив океаны, Я обрушил на твердь воду. Людишки гибли мириадами. Не скажу, что это было приятно Мне, но это было нужно. Творение обязано почитать своего Творца. Уже наступили сумерки, когда Я

спустил воду и отправился спать. Нализавшийся Сатана ужасно храпел всю ночь.

11–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Все хорошо. Все вернулось. Мирок вновь радует Мой глаз яркими красками. Он не столь совершенен, как вначале, зато вполне покорен Мне. Люди возродились и обустроили свою жизнь. Они темны и несведущи, так как ни Я, ни Сатана не даем им знаний. Слишком уж памятно, к чему все это привело. Человек по–прежнему жесток и агрессивен. Он предпочитает жену соседа своей собственной. Пусть! Главное — он восхваляет Меня и курит фимиам во славу Творца. Наконец–то я получил то, что хотел — котел с кипящим варевом. Войны, измены, любовь, предательство — есть чем занять воображение. Днем Я наблюдаю за жизнью мирка, а вечером приходит Сатана, и мы играем в игру, изобретенную Мной. Я назвал ее — шахматы. Очень странно, но сдается, Сатана научился жульничать и здесь. По крайней мере раз от разу Я проигрываю все чаще. Мерзкий ехидный жулик!

14–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Человек освоил моря и начал борьбу за них. Сегодня утром Я был свидетелем боя деревянных сооружений, именуемых триерами. Впечатляющее зрелище! Враждующие стороны усердно умоляли Меня подарить им победу. Они называли Меня разными именами, а жертвы их были одинаково обильны. Поэтому победа досталась сильнейшему. По–моему, это справедливо. Вечером поговорил с Сатаной. Попросил его заменить Меня, покуда Я проведаю старика Теурга. Ночью слегка щемило грудь. Похоже, Я начал отвыкать от дальних странствий.

16–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вернулся к Своему мирку. Странно, очень странно. Старика Теурга я не нашел, а на месте Его мирка чернеет обугленный шар. Похоже, Старикан не рассчитал Силы и поплатился за это. Как бы подобные проблемы не возникли и у Меня. Поделился Своими опасениями с Сатаной. Он поддержал Мое предложение насчет того, чтобы усилить охрану мирка. Спали оба беспокойно.

19–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Мои опасения подтвердились. Утром Я уловил

приближение Подобного. Предупредив Сатану, Я отправился навстречу неизвестности. Это был Теос. Он завел разговор издалека, затем намекнул, что пришел отпраздновать юбилей мирка, на что Я возразил, что юбилей еще не скоро. Теос пытался вилять, но Я прямо спросил Его, знает ли Он, что случилось с Теургом. Теос сказал, что не знает, но Я уверен, что Он лгал. Это Он убил Теурга и уничтожил Его мирок, а теперь пришел, чтобы расправиться со Мной. Я не стал ждать нападения и нанес удар первым. Теос ответил. Мы метались в калейдоскопе звезд, пытаясь поразить друг друга. Силами. В конце концов я исхитрился и ударил Теоса в Его четырехмерное сердце. Перед тем, как бежать, Теос прошептал: Дурак, Твой мирок сожрет Тебя! Я рассмеялся. Я чувствовал себя великим и непобедимым. Я вернулся к Себе, и мы с Сатаной закатили роскошный пир по поводу Моей победы. И впервые за последнее время Я пел песни.

26–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди удивляют Меня все больше и больше. Как сильна, оказывается, у них страсть к самовозвеличиванию. Ничего не имею против того, когда они провозглашают себя императорами и

богами, но среди них встречаются безумцы, претендующие на имя Творца, Мое имя. И не всегда удается разоблачить их. Все чаще люди почитают подобных себе, возводя их в Мой ранг. В целом это не столь страшно, но порой становится обидно, когда что–то сделанное Тобой приписывается кому–то другому. Сатана полностью согласен со Мной. Играем в новую игру, которую придумал Я. Она проста и предельно логична, в ней нет места для обмана, но Сатана непостижимым образом продолжает выигрывать. Признаться честно, Меня это раздражает.

59–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Давно не наблюдал за людьми. Все размышлял над смыслом Моего существования. Сегодня спустился на землю и внезапно обнаружил, что люди здорово шагнули вперед. Они овладели науками, опасными для их слабого разума, научились использовать пар и электричество, открыли свойства нефти. Человек стал очень циничен. Хотя он пока не рискует отвергать Меня, но уже пытается обосновать Мою ирреальность рациональным путем. Надо присматривать за людьми более внимательно. Побаливает печень. Сатана ходит раздраженный.

61–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Дождались! Сегодня люди запустили в небо примитивный космический аппарат. Мало того, что Я позволил им парить в эфире, подобно птицам, теперь они захотели летать меж звезд, посягнув на право Мое и Мне Подобных. Похоже, здесь не обошлось без Сатаны. Он пытается выглядеть недовольным, но, подозреваю, ловко маскирует под личиной недовольства свои истинные чувства. Надо поговорить с ним. Поговорил. Сатана ни в чем не сознается. Напомнил ему о нашем соглашении. Сатана стоит на своем. Но человек не мог, не мог, (ИВНР), сам дойти до всего этого! Почему–то пришел на память удрученный Теург, каким Он был во время нашей последней встречи. Его явно что–то угнетало. Что же все–таки с ним произошло? Ночью почти не спал, все думал. Под утро явился пьяный в стельку Сатана. В последнее время Я редко вижу его трезвым.

64–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Человек полностью овладел тайнами атома и силовых полей. Космолеты посетили ближайшие планеты и достигли солнца. Я в затруднении. Не

знаю, что и делать. Люди усердно славят Меня, но сдается Мне, в их мольбах нет былой искренности. Я рискую превратиться в традицию, а традиции рано или поздно отмирают. Сатана бегает по земле, пытаясь возмутить недовольство. Он подбивает людей против Меня, против себя, против им подобных. Он суетится, словно предчувствуя беду. И, похоже, он волнуется не напрасно. Надо и Мне что–то делать. Спал беспокойно. Болит голова, печень, порой ноет сердце. (ИВНР).

66–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня впервые за много сигнаций ко Мне пришел человек. Он был облачен в блестящий серебристый костюм и держал в руке кожаную папку. Ну, здравствуй, Творец, — сказал человек, даже не подумав отвесить поклон. Я не ответил и грозно посмотрел на него, однако Мой разгневанный вид мало смутил человека. Мне надо поговорить с тобой, — сказал он. Так и сказал — мне **надо**, с **тобой**! Я хотел испепелить человека, но внезапно обнаружил, что не могу этого сделать. Человек был неуязвим, о чем он со смехом и поведал мне. Потом он сказал, что человечество — подумать только — человечество! — хочет, что-

бы я сделал для него то–то и то–то. Разразившись громогласным хохотом, Я велел ему убираться. Человек повиновался, но, уходя, бросил, что еще вернется и продолжит разговор. После его ухода Я вне себя от ярости хотел излить на землю огненные потоки, однако очень скоро убедился, что Силы не повинуются Мне. Сразу заныло сердце. Не обращая внимания на боль, Я бросился на поиски Сатаны. После долгих мытарств Я обнаружил его заключенным в клетку в одном из так называемых научных институтов людей (ИВНР). Обнаглевшие создания изучали «сверхъестественное», как они выразились, отвечая на Мой грозный вопрос, существо. Я обрушил на них огонь, но тот не причинил людям вреда. Я попытался освободить Сатану, но наложенные на него путы оказались слишком крепки. В конце концов Я отступил и с позором бежал. Происходит что–то ужасное! Люди совершенно отбились от рук!

67–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Вновь пришел тот же человек. Он сказал, что нам лучше договориться. Послал его на край Вселенной. Человек заявил, что это не ответ. Он играл Силами и не замедлил продемонстрировать свою мощь. Мне пришлось поступиться

гордостью и выслушать требования этого негодяя. А желал он ни много ни мало, как превратить Меня в слугу людей, чтоб иметь возможность использовать Мои Силы. Я сказал ему все, что думаю по этому поводу. Человек пригрозил Мне суровыми карами и ушел (ИВНР). Им Меня не взять! Я не Сатана. В конце концов ведь это Я породил всю эту пакость, которую они высокопарно именуют миром людей. Ладно, Я уступлю. Пусть живут как знают. Этой же ночью Я брошу мирок и растворюсь в галактиках!

68–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Ночью ничего не вышло. Люди оказались хитрее, чем Я предполагал, а их силы слишком могущественны. Эти отвратительные самоуверенные существа посадили Меня на цепь и сказали, что Я буду сидеть так до тех пор, пока не одумаюсь и не выкажу желания служить во благо человечества. Как служит ему Сатана. Они пытаются добиться от Меня согласия обращаться к Себе как к равному. Подумать только — Человек равен Творцу! (ИВНР). Человек! Какое отвратительное слово! И зачем я только нарек им тех, кто был рожден стать Моею забавой! Этот Червяк пытается равняться со Мной и подобными. Не

уступлю! Но как же ноет сердце! И когда–нибудь это добьет Меня.

70–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Все по–прежнему. Видел Сатану. Он приходил с человеком уговаривать Меня. Сдается, Сатана уже не сумеет обыграть меня ни в шахматы, ни даже в карты. Стараюсь дышать ровно, чтобы не волновать сердце. По–моему, Мне изменила одна из конечностей. (ИВНР). Все равно не сдамся!

73–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди подволокли к мирку новую, более яркую звезду. Это уже не лезет ни в какие рамки! Эх, нашелся бы на вас Теос!

77–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Болит голова. Меня по–прежнему держат на привязи. Приходил человек, уже другой. Прежний–хвала судьбе! — разложился. Новый человек поставил ультиматум: или Я добровольно соглашаюсь служить человечеству, или оно обращает Меня в раба. Я постарался изобразить надменность, — не знаю, правда, получилось ли это у Меня или нет, — и выгнал его. Сразу после ухода

человека явились какие–то рабочие и соорудили вокруг меня клетку. Хочется напиться, но добраться до пульсирующей звезды нет никакой возможности.

79–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди приволокли к мирку плененного Подобного. Глазам своим не поверил — ведь это же Теос! Но как он изменился! Какой жалкий у него вид! Как мне сказали, Теос дал согласие работать на людей. Они зовут его — Наш Теос (ИВНР). Ночью попробую разорвать путы.

80–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

(ИВНР). Ничего не вышло. (ИВНР). Пришел человек и издевался надо мной. Сказал, что если они не займутся всерьез моим сердцем и печенью, Я очень скоро исчезну. Я отказался. Вечером изменила еще одна конечность. (ИВНР). Силы почти не подчиняются Мне.

82–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Люди одели на Меня ошейник. Мне объявили, что отныне Я бесправный раб. Спросил, могу ли Я еще подумать над их предложением. Они

согласились.

83–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Делаю вид, что готов покориться. Попросил принести пульсирующую звезду. Приходивший ко мне человек кивнул головой. Уходя, он сказал, что люди собираются подтащить свой мир поближе к Альфе Центавра, где не столь сильны космические течения. Хорошенькое известие!

85–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня Моего Появления.

Сегодня Мне наконец–то принесли пульсирующую звезду. Они полагают, что после этого Я приму их предложение. (ИВНР). Самоуверенные ублюдки! Да Я скорей откушу собственную голову! В последнее время стал философски относиться к жизни. Все рано или поздно исчезает. Разница лишь в способе, сроках и пути. Давным–давно Меня учили, что Сила, помноженная на Силу, дает взрыв. Да будет так! Если судьбе угодно, Я уйду (ИВНР). Да здравствуют Свободные Подобные! (ИВНР). Слава Мне! (ИВНР). Ух, как же трещит голова. Нехорошо заниматься подобными делами на больную голову…

86–я сигнация 17–го цикла 3–го периода со дня

Моего Появления.
ИВНР!